

ПИОНЕР 7

1981

Арк. Гайдар

ПРИКАЗ
Всесоюзного штаба Тимура

Сорок лет назад, 22 июня 1941 года, предрассветную тишину нашей границы разорвали залпы фашистских орудий. Началась война. Великая. Отечественная. На защиту Родины поднялся весь советский народ. Тысяча четыреста восемнадцать дней шла битва с фашизмом. Рядом со взрослыми боролись за Победу и самые юные — ваши сверстники. На заводах они изготовляли оружие. На фронтах и в партизанских отрядах становились связными и разведчиками. В захваченных фашистами городах помогали подпольщикам. Многие пионеры военных лет совершили героические подвиги. Многие отдали свою жизнь за свободу нашей Родины.

Среди тех, кто встал на защиту страны, были и наши тимуровцы. С первых дней войны в каждом городе, в каждом селе действовали тимуровские команды и отряды.

5 августа 1941 года в прифронтовом Киеве Аркадий Петрович Гайдар встретился с ребятами из городского штаба Тимура. Они рассказали ему о своей работе. «Ребята, пионеры, славные тимуровцы! — написал после этой встречи Гайдар.— У вас у всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги. Работайте безустанно, помогая старшим».

И ребята откликнулись на этот призыв. Тимуровцы дежурили в госпиталях, тушили зажигательные бомбы, выслеживали вражеских парашютистов и диверсантов, заботились о семьях фронтовиков, обрабатывали огороды, а собранный урожай отдавали эвакуированным.

В честь сорокалетия массового тимуровского движения в стране, в честь сорокалетия героического подвига А. П. Гайдара Всесоюзный штаб Тимура **приказывает:**

1. Провести летом этого года в пионерских лагерях, в тимуровских командах и отрядах по месту жительства пионерские сборы, праздники, вечера, посвященные 40-летию тимуровского движения. Организовать встречи с тимуровцами военных лет, с делегатами I и II Всесоюзных слетов тимуровцев. Пополнить музеи боевой славы новыми экспонатами о делах тимуровцев в годы войны, активно включиться в создание летописи «Великая Отечественная».

2. На пионерских сборах, гайдаровских кострах поделиться опытом о делах пионеров на маршруте «Тимуровец» Всесоюзного Марша пионерских отрядов. Обсудить новые задачи, которые определил VIII Всесоюзный слет пионеров, проходивший в мае 1981 года в Москве. Активно продолжить операции «Ветеран живет рядом», «Детский дом — общий наш дом», «Малышок», «Судьба семьи в судьбе страны» и другие.

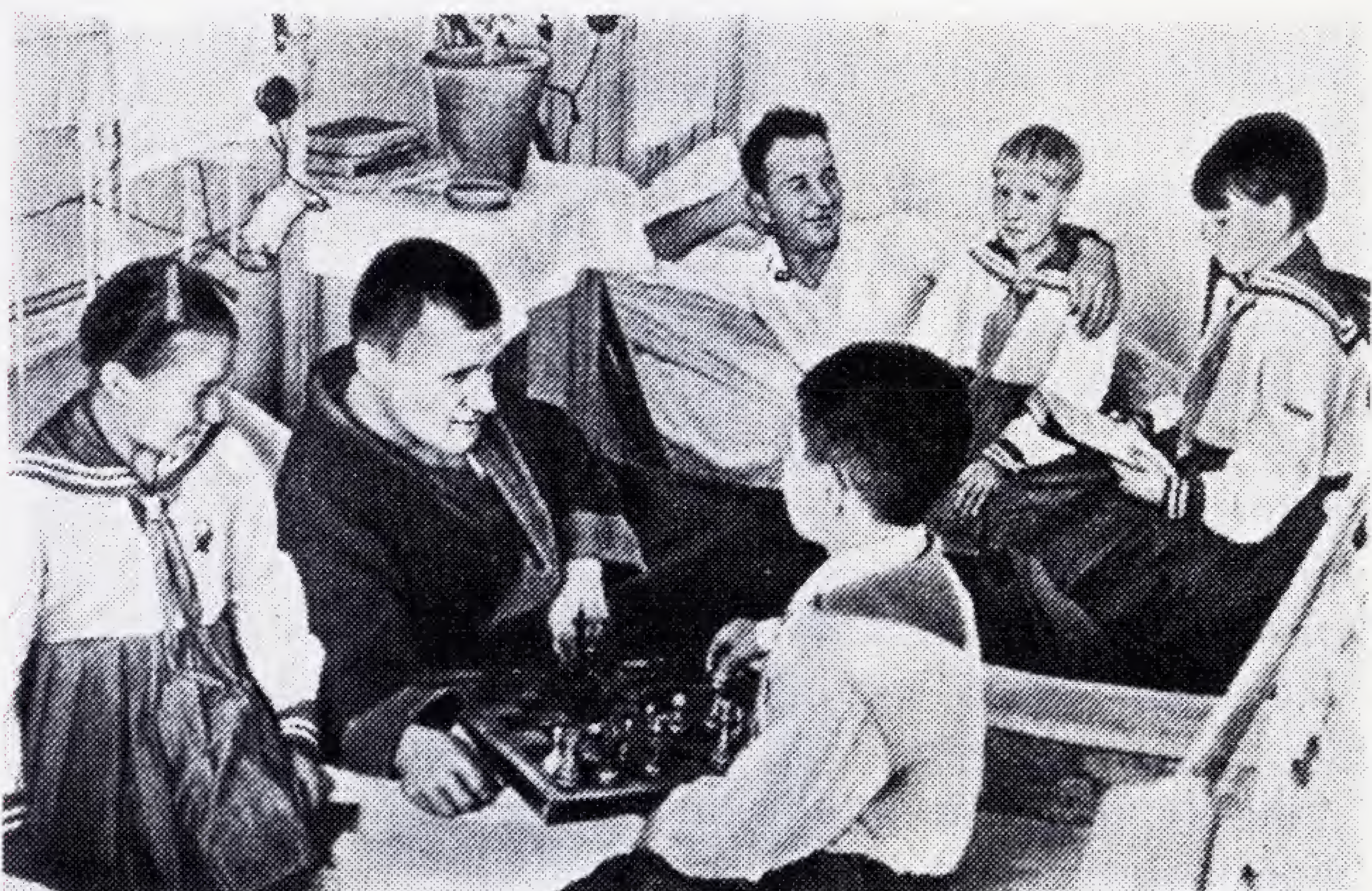
3. 26 октября 1981 года, в годовщину героической гибели А. П. Гайдара, провести в дружинах, Домах пионеров, штабах Тимура и других тимуровских коллективах День памяти писателя-героя. В этот день организовать беседы о его жизни и боевых подвигах, подготовить к этому дню литературные чтения по его произведениям, просмотр фильмов и диапозитивов о Гайдаре.

4. О проделанной работе доложить Всесоюзному штабу Тимура (Москва, 101459, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Пионер») до 15 ноября 1981 года.

Всесоюзный штаб Тимура.

А. П. Гайдар с пионерами города Клина Московской области.

В гости к раненым бойцам Красной Армии пришли тимуровцы.

Тимур прифронтового Киева Н. М. Гарцуненко на I Всесоюзном слете тимуровцев.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

К 40-ЛЕТИЮ ТИМУРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

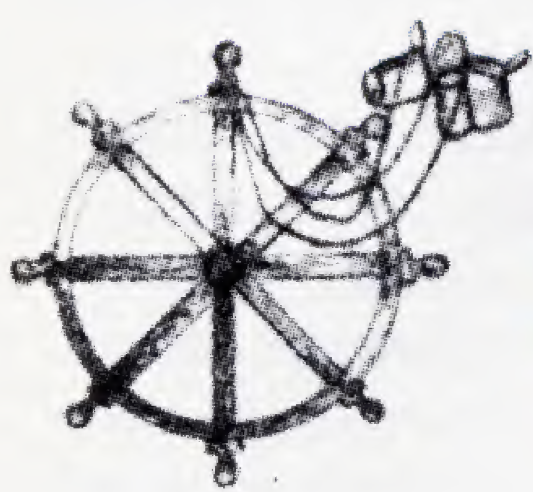
«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

А. П. ГАЙДАР

Борис КАМОВ

Тимуровцы блокадного Ленинграда

Чердак — не игрушка

В Ленинграде, в декабре 1940 года, возвращаясь из школы, я вдруг увидел на фонарном столбе кинорекламу:

СКОРО!
СМОТРИТЕ НА ЭКРАНАХ КИНОТЕАТРОВ
НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
«ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»
ПО СЦЕНАРИЮ
ПИСАТЕЛЯ-ОРДЕНОНОСЦА А. ГАЙДАРА

Название показалось необычным и загадочным.

И вот на фронтоне кинотеатра «Смена», возле которого я жил, появился громадных размеров щит. Он извещал, что фильм «Тимур и его команда» пойдет в январе 1941 года, и принимаются заявки на культпоходы.

Вскоре выяснилось, что на нашу школу отпущено очень мало билетов. И сначала пойдут старшеклассники. Мы, «мелкота», были глубоко обижены. Но мне повезло. Я попал на фильм в первый же день. Мать моего приятеля Кольки работала у нас в доме дворником и по совместительству — уборщицей в «Смене».

Силу впечатления от кинокартины «Тимур и его команда» я могу сравнить только с тем, что пережил, увидев на экране «Чапаева». Все мальчишки тогда обзавелись деревянными саблями, а пальто носили, как бурку, не надевая в рукава. Даже девчонки ходили с игрушечными наганами — они хотели быть похожими на Анку-пулеметчицу.

Но фильм «Чапаев» рассказывал о далекой гражданской войне, и герои его были людьми взрослыми. А события кинокартины «Тимур и его команда» происходили в наши дни. И герои были одних лет с нами.

После просмотра картины у нас с Колькой возникло ощущение, что нам ничего не стоит оборудовать штаб и создать команду при нашем доме. Всех жильцов мы знали наперечет. И точно могли сказать, кто и из какой квартиры участвовал в недавних боях на Карельском перешейке. И кто уже никогда не вернется домой.

Но с чего же начать?

— Конечно, со штаба, — ответил Колька. — Айда на чердак!

Уже был вечер. Лезть в темноте на чердак было вроде бы и страшновато. Но ждать следующего дня невтерпеж. И мы отправились на чердак. Но он был заперт.

— Ничего, — успокоил меня Колька, — маманька нам откроет. У нее ключи от чердака и от подвалов есть.

Колькина мама, тетя Нина, была женщиной доброй, но измученной беспрерывной работой. Двоих детей она растила одна. Безотказно стирала жильцам белье. И будь мы с Николаем помудрей, тимуровскую работу мы бы начали с его собственного дома. К сожалению, многие дельные мысли приходят с большим опозданием...

Мы попросили ключик от чердака у тети Нины, но она дать нам ключ не решилась, отправила нас к управдому. Управдом был личностью малосимпатичной и к любым ребячьим затеям относился с большим подозрением.

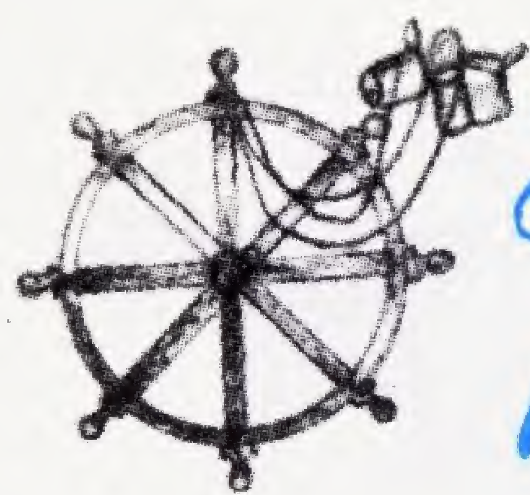
— Чердак, — ответил нам управдом, — дело серьезное. Жильцы там белье сушат.

— Но мы не будем жильцам мешать. Мы, наоборот, помогать им хотим, — робко заметил я.

— А если какое бельишко с чердака пропадет, разные там трусики и маечки, кто отвечать будет? — проницательно прищуря глаза, спросил управдом.

— Мы! — набрав полные легкие воздуха, заявил Колька.

— Разве на вас в серьезном деле можно положиться? — хмыкнул управдом. — Ваше дело стекла бить и фулюганить.

Команда по охране дома

В июне сорок первого началась война. Через несколько дней на массивных воротах нашего дома появилось наспех написанное объявление, что в нашем бомбоубежище выступит представитель штаба противовоздушной обороны.

В условленный час в большой комнате убежища на дощатых лавках сидели только ребята нашего двора: мы с Колькой, Люба Громова, Ада Пайкина — обе, между прочим, с маленькими санитарными сумками, Изик Эпштейн, Яшка Морозов, а из школьников постарше — Феликс.

Скрипнула тяжелая, обитая кровельным железом дверь, и в комнату вошли двое: широкоплечий прихрамывающий майор с орденом Красного Знамени на гимнастерке и наш управдом.

Мы, как на уроке, встали. Майор оглядел нас. Лицо его нахмурилось.

— Жильцов оповещали? — спросил он управдома.

— А как же, — поспешно ответил тот. — Вот же эта мошкара пришла... Давайте перенесем разговор. Я сам обойду все квартиры, всех предупрежу.

— Переносить ничего не станем, — решительно заявил майор. — Я буду беседовать с теми, кто пришел... Здравствуйте, товарищи! — четко, по-военному произнес он. — Спасибо, что пришли. События на фронте пока складываются трудно. Ленинграду нужна ваша помощь.

Удивленно тараща глаза, мы переглянулись.

— Сами-то вы что хотели бы делать? — спросил майор.

Глядя в пол, мы молчали. К серьезному разговору мы не были готовы. Вдруг со своего места поднялся Колька.

— Еще давно, когда не было войны, — сказал он, — мы хотели сделать на чердаке штаб. А вот они, — он показал пальцем на управдома, — сказали, что у жильцов с чердака могут майки пропасть...

— Не понимаю, — удивился майор, — а зачем тебе понадобился чердак?

— Это игра такая. Только серьезная. Если из какой квартиры человек ушел на войну, то чтобы семье его незаметно помогать... принести там чего... или с малышом поиграть... если он плачет.

— Вспомнил, — улыбнулся майор. — Видел эту картину в госпитале. — И внимательно посмотрел на управдома. Тот густо покраснел. А майор добавил: — Собирайте, ребята, команду. Дело это хорошее.

Колька, не скрывая своего ликования, сел. А майор добавил:

— У штаба противовоздушной обороны к вам большая просьба. Когда вы создадите команду, возьмите прежде всего под охрану от пожаров ваш дом.

Мы все опять переглянулись.

— Значит, вместо того, — поднялся Яшка Морозов, — чтобы помогать семьям фронтовиков или делать что-нибудь неотложное и настоящее, мы должны сидеть и ждать, не вспыхнет ли у какой-нибудь бабуси примус?

— От примуса, между прочим, тоже может дом сгореть, — ответил майор. — Но положение гораздо сложней. Гитлеровцы планируют сбросить на Ленинград сотни тысяч зажигательных бомб. И многие семьи могут остаться без крова.

Тут поднялся Феликс.

— Извините, товарищ майор, — тихо сказал он. — Мы просто были не в курсе.

— А я для того и пришел, чтобы ввести вас в курс, — ответил командир. — Вы мечтали о штабе на чердаке? Получите свой чердак. Только его нужно освободить от хлама, который может гореть. Пусть одни из вас играют с малышами, а другие дежурят у ворот и на крыше. Но прежде всего изберите себе толкового командира.

— Феликс будет у нас командиром, — заявил Колька.

Мы все повернулись в сторону Феликса. Он перешел уже в восьмой класс. Был высокого роста, худой, молчаливый. Волосы свои зачесывал назад, но они норовили встать торчком, и оттого Феликс казался еще выше.

В последнюю зиму перед войной в нашей школе проводились военные игры. Нас, младшеклассников, играть не брали. Но в дни военных баталий мы не уходили домой, околачивались в Юсуповском саду, где происходили «сражения». И «болели» за своих.

Однажды Феликс был командиром «синих». С биноклем на шее и оловянным браунингом за поясом, он стоял на замерзшей пристани лодочной станции, спокойно и негромко отдавал приказания.

Командующий другой армией, на которого мы тоже бегали смотреть, суетился, кричал, распекал, грозил, отдавал распоряжения, которые связные переспрашивали. И проиграл сражение.

Пожилой капитан, судивший военную игру, сказал директору нашей школы, показывая на Феликса:

— Из этого мальчугана может получиться большой командир.

...Стать большим командиром Феликс не успел...

Но тогда, в июле сорок первого, в нашем убежище майор сказал:

— Товарищ Феликс, ребята избрали вас командиром. Поздравляю. — Он подошел и пожал Феликсу руку.

Феликс вытянулся в струнку. И мне показа-

лось, что он вдруг стал худее и выше обыкновенного.

— Спасибо, товарищ майор. Спасибо, ребята,— сказал он.— Разрешите приступить, товарищ майор?

Наш дом — наша крепость

К работе наша команда приступила на следующий день. На складе возле проспекта Майорова мы получили боевую сирену. Она напоминала мясорубку на высокой ножке и была покрашена в зеленый цвет. Передавая нам сирену, старичок в вылинявшей гимнастерке с латунными топориками на синих петлицах сказал:

— Как только по радио объявят «Воздушная тревога!», дежурный выносит сирену на середину двора и вовсю крутит ручку. А то хозяйки уйдут на кухню и радио не услышат...

По доверенности от управдома, который стал теперь с нами очень предупредителен, мы отправились всей командой на другой склад. И там нам выдали пятнадцать цинковых ведер, десять лопат, острые топоры, четыре лома, которые с трудом можно было поднять, да еще пять асбестовых колпаков, напоминавших зонтики без ручек. Колпаками этими нужно было накрывать зажигательные бомбы, чтобы они без кислорода задохнулись. А еще мы получили длинные щипцы с деревянными рукоятками, щипцами зажигательную бомбу нужно было схватить и бросить на кучу песка или окунуть в бочку с водой... Но сначала все это богатство нам пришлось на себе дотащить до дому.

Управдом уже сам пригласил нас на чердак.

— Вот получайте,— сказал он.— Здесь теперь вы хозяева.

Чердак представлял собою кладбище отживших вещей. Тут валялись столы и кресла без ножек, изъеденные жучками этажерки, запертые на ключ окованные железными полосами сундуки, плетеные корзины с тряпьем, люстры с разбитыми плафонами. И все это теперь именовалось «пожароопасным материалом». И от него нужно было поскорее избавиться.

Вскоре наш чердак заблестел, как новенький. Этому помогли и маляры, которые побелили стены, потолки и все стропила специальным огнестойким составом с острым, раздражающим запахом.

В удаленном от входа углу мы оборудовали тимуровский штаб. Поставили, кое-как починив, раздвижной обеденный стол, несколько ящиков и старых табуреток приспособили для сидения. А для хранения документов и бумаг, если они появятся, приберегли дубовый сундучок.

Хотели поискать в торговом порту штурвал, наладить сигнализацию, но скоро поняли, что времени на эти игрушки у нас нет. Команда получилась маленькая: дом наш был невелик, кто-то уже эвакуировался. И на «вахту» выходило шесть — восемь человек, а дела не переводились.

Трехтонка привезла две ванны и железные сорокаведерные бочки. Шофер и грузчики внесли все это на чердак. Заполнить ванны и бочки водой управдом поручил нам.

Сначала эта работа показалась простой и легкой.

Мы зашли в квартиру возле чердака и попросили разрешение брать воду. Пожилая женщина ответила нам: «Конечно, конечно. Вы же стараетесь для всего дома».

Мы выстроились в цепочку — и конвейер заработал. В одну сторону уплывало полное ведро. Обратно возвращалось пустое. Получалось прямо как в кинокартине, где Тимур и его товарищи тайком наполняли бочку.

Но квартирный кран — это не колодец. Приходилось довольно долго ждать, пока наполнится каждое ведро. А на бочку таких ведер нужно было сорок. А бочек — десять штук. К счастью, тут появился Феликс: он перехватил пустое ведро, постучал по нему, привлекая наше внимание.

— Уважаемые граждане тимуровцы,— громко, чуть театрально произнес он.— Перед началом каждой операции рекомендую хорошо поработать головой. Сбегайте кто-нибудь в дворницкую. Принесите шланг для поливки улицы.

За день с двумя помощниками Феликс заполнил все бочки и ванны. Вообще голова у Феликса работала четко.

Во двор, который стал средоточием всей нашей тогдашней жизни, привезли на трехтонке песок. Мы, конечно, быстро и весело ссыпали его лопатами на землю. Поначалу нам все казалось легким и веселым.

Но трехтонка уехала. Песок надо было доставить на чердак. Лифта в доме не было. Притащили носилки. Но они оказались тяжелыми сами по себе. И вдобавок песок сыпался на ступеньки, потому что носилки приходилось держать наклонно.

Решили было таскать в ведрах. Но ведро песку — не ведро воды. После двух-трех часов работы гудели и руки и ноги, а куча песку посреди двора нисколько не уменьшилась.

— С песочком этим мы, похоже, влипли,— сказал озабоченно Феликс.— Отдохните. Я скоро.

Он возвратился с управдомом и еще каким-то человеком.

В окне четвертого этажа был установлен блок, с помощью которого можно было подымать тяжелый груз.

Теперь один из нас наполнял ведро, двое подымали его наверх, двое снимали в проеме

окна, а потом еще двое разносили ведра по чердаку.

И хотя блок нам сильно облегчил жизнь, работа не была легкой. Но нас увлекала четкость всех наших действий. И сегодня я понимаю, что Феликс был одним из первых, кто стремился внести «научную организацию труда» в тимуровскую работу.

Осколок

Начались почти ежедневные воздушные налеты. Когда завывала сирена, мы спешили на чердак, а там через слуховое окно вылезали на крышу.

Высоко над городом появлялось несколько крошечных самолетиков. Они ярко отсвечивали на солнце, казались меньше игрушечных и выглядели совершенно безобидными. Но стоило им появиться, как со всех сторон начинали ожесточенную пальбу зенитки. И вокруг игрушечных самолетиков в чистом голубом небе вспыхивали и надолго повисали белоснежные ватные комки — это рвались зенитные снаряды. И тут же, словно в ответ, начинала вздрагивать земля и мрачный тревожный гул проносился над крышами. Это обрушивались бомбы.

От некоторых домов, случалось, оставалась одна только стенка. На ней висели фамильные портреты, географические карты, полочки с книгами. Удержавшись на остатках перекрытия, иногда продолжал стоять платяной шкаф. А у подножия этой стены саперы и пожарные в брезентовых костюмах и армейских касках, ожесточенно орудуя лопатами и ломами, пытались откопать тех, кто очутился под обломками...

Как-то днем я дежурил у ворот нашего дома с повязкой на рукаве и противогазом через плечо. К его лямке был привязан шнурок с настоящим милицейским свистком.

Во время тревоги или артиллерийского обстрела мы должны были проследить за тем, чтобы ни один человек не остался на улице, направлять всех в бомбоубежище. А если кто не подчинится, свистеть в свисток и ждать подмогу.

Во время тревоги я не дежурил ни разу. И в тот день, лишь только я передал Феликсу противогаз, в воздухе возникло какое-то напряжение, будто вот-вот должна была ударить молния. Высоко в небе послышался шелест, словно кто-то разворачивал громадное шелковое полотно, и в следующее мгновение наш дом вздрогнул, и вздрогнул тротуар, на котором мы стояли с Феликсом, будто в землю неподалеку врезалось что-то увесистое и тупое. В стороне от Садовой раздался грохот. И вслед за этим разорвался еще один снаряд, теперь гораздо ближе.

В уличном репродукторе прервалась музыка. В широком раструбе щелкнуло, засипело, и мужской голос торопливо произнес: «Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Артиллерийский обстрел района! Начался артиллерийский обстрел района».

Кольцо блокады в те дни вокруг города уже смыкалось. В домах почти не топили. Все скупее выдавали продукты по карточкам. В тот момент, когда начался обстрел нашего района, в маленьком табачном магазине продавали коммерческий табак. Без карточек, но по более дорогой цене. Собралась большая очередь. Несмотря на предупреждение из репродуктора, никто не хотел уходить.

Но двери магазина захлопнулись. Люди стали искать, куда бы на время спрятаться. И больше всего народу пришло под арку нашего дома. И Феликс даже не смог закрыть ворота.

Но стоять под аркой во время тревоги не полагалось, потому что больше всего народу погибало не от прямых попаданий, а от осколков.

Феликс негромко, вежливо, но достаточно решительно произнес:

— Товарищи, прошу всех спуститься в убежище.

Две женщины послушно спустились по ступенькам в бомбоубежище, а все остальные, в основном мужчины, не тронулись с места.

Тогда Феликс вскочил на лавку возле ворот и громко повторил:

— Граждане, в последний раз предлагаю спуститься в убежище.

Высокий седоватый мужчина в осеннем пальто с поднятым воротником (я его окрестил Артистом) не выдержал.

— Мальчик,— сказал он раздраженно,— оставь нас в покое. Мы не хуже тебя знаем, где нам стоять.

— Я командир тимуровской команды,— сказал Феликс.— В настоящий момент исполняю обязанности дежурного. Если в течение двух минут все находящиеся под аркой не спустятся в убежище, я вызову военный патруль.— Он поймал костяной свисток, который болтался на лямке противогаза, и поднес его к губам, готовый свистнуть.

Время было суровое. Объясняться с патрулем никому не захотелось. Через две минуты под аркой остались только я да Феликс.

— Здорово ты их,— сказал я.

— Давай тоже вниз,— ответил Феликс,— дисциплина существует для всех.

Я, конечно, обиделся. Приоткрыл массивную дверь в убежище, сделал два или три шага вниз. В следующее мгновение дверь за мной стремительно захлопнулась, а меня что-то незримое толкнуло изо всех сил и ударило о стену. И я услышал грохот...

Стоя на полутемной лестнице, которая вела круто вниз, я прислонился к холодному прочному кирпичу. «Если бы Феликс не послал меня в убежище, что со мной сейчас было

бы? — подумал я. И вдруг, с испугом: — А где Феликс?!» Выходить не хотелось: было страшно. Но я представил, что за толстой, обитой железом дверью, в двух-трех метрах отсюда Феликс лежит на земле, истекая кровью. Я начал толкать плечом дверь — она не поддавалась. Снизу, оттуда, где кончалась лестница, на меня глянуло лицо Артиста.

— Ты чего? — спросил он.

— Не могу открыть дверь. А там, наверное, Феликс ранен.

Человек быстро поднялся по ступенькам, толкнул дверь, она и у него не открылась. Тогда, отодвинув меня чуть в сторонку, он с силою ударил в дверь ногой — она нехотя отошла.

В убежище тем временем раздались тревожные голоса:

— Что случилось, что происходит?

— Да вот, похоже, того мальчишку дежурного ранило, тимурца...

От этих слов мне стало совсем не по себе. И как только приоткрылась дверь, я тут же бочком в нее протиснулся.

Там, где стоял табачный магазин, зияла огромная дыра. Весь тротуар перед магазином и трамвайные рельсы были усыпаны битым стеклом и штукатуркой. И в этом мусоре ничком лежала женщина в ярком цветастом платке.

«Где же Феликс?» — я в тревоге посмотрел в другую сторону.

Феликс стоял в глубине арки, неподалеку от входа в убежище. Кепка его лежала на земле, а сам он, прислонясь к стене, держал возле виска быстро намокающий кровью носовой платок.

— Ты ранен? — закричал я.

— Да нет. По-моему, это осколком кирпича. Намочи платок. — Он оторвал руку от виска, и я увидел, что у него сорван лоскут кожи и из одной какой-то точки, пульсируя, вытекает кровь.

Возле нашей парадной из земли торчал короткий обрубок трубы с краном. Дворники пользовались им для поливки. Быстро ополоснув платок и хорошо намочив его, я побежал обратно. Возле Феликса уже стояла небольшая толпа. И молодая женщина вытирала кровь на виске ваткой, которую она то и дело смачивала одеколоном «Кармен». Феликс стоял, плотно сжав губы, ему, наверное, было больно. Я вложил в руку Феликса его мокрый платок и вернулся к воротам. Дело в том, что я приметил на земле подозрительный предмет. Нагнулся и поднял зубчатый кусок металла весом килограмма в два. С одной стороны он был совершенно бесформен, а с другой округл и расчерчен ровными правильными линиями. Это был осколок дальнобойного снаряда.

Я посмотрел, куда же осколок врезался. На железной пластинке распахнутых ворот зияла глубокая царапина. Осколок словно пропилил край кованой накладной пластины, пропорол дубовую доску, к которой пластина крепилась, а потом еще врезался в стену, выбив половину кирпича.

Репродуктор на улице заиграл отбой. Народ сразу валом повалил из убежища. Кто-то сразу побежал к табачному магазину, еще не зная, что там произошло; кто-то задержался возле Феликса, которому уже забинтовали голову. А возле меня остановился Артист.

— Ты где это взял? — спросил он, показывая на осколок.

Я был обижен за Феликса. И молча приложил осколок к зазубринам железной пластины ворот, а потом показал на выщербленный плотный кирпич в стене. Смуглое лицо Артиста сделалось желтовато-зеленым.

— Многих этот кусок железа мог покалечить, — сказал он. И резко повернулся в сторону Феликса.

— Товарищ тимуровец, — обратился к Феликсу Артист (Феликс от неожиданности вздрогнул). — Спасибо вам, что вы заставили нас... что проявили настойчивость... Не сердитесь... если можете. — Он протянул руку.

Феликс хотел протянуть свою. И смутился:

— Извините, грязная.

— Она не грязная, — ответил Артист. — Она в крови. — И осторожно пожал ладонь Феликса.

Зажигалка

Однажды Феликс дежурил на крыше с милицейским капитаном, которого звали Александр Иванович. Капитан недавно поселился в нашем доме.

Фашистские самолеты в тот вечер шли волна за волной. И, несмотря на безостановочную пальбу зениток и отчаянность наших истребителей, «юнкерсы» прорвались в город. В перекрестье прожекторных лучей «юнкерсы» стали заваливаться на крыло. И падать. Прожектористы их сразу потеряли. А через две-три секунды с неба донесся нарастающий свист и от фундамента до чердака вздрогнул весь наш дом.

Феликс стоял на гребне крыши, чтобы тут же заметить, если вспыхнет зажигалка. Тугая стена воздуха толкнула его в грудь, понесла прочь с крыши и, прежде чем он успел о чем-нибудь подумать, ударила о дымоходную трубу. Феликс потерял сознание.

Очнулся он быстро и увидел, что труба помешала ему свалиться в бездонную дыру двора, где еще несколько месяцев назад мы с увлечением играли в войну, звонко щелкая курками оловянных браунингов.

Неподалеку вспыхнул яркий свет. Феликс подумал, что кто-то из жильцов с перепугу включил в комнате электричество, позабыв опустить штору светомаскировки. Собрав последние силы, Феликс приподнялся, чтобы

посмотреть, в какой квартире включили свет, и увидел «зажигалку». Алюминиевый блестящий цилиндр, заостренный и подожженный с одного конца, стремительно разгорался, и от него во все стороны летели крупные белые искры, похожие на гигантский бенгальский огонь, который освещал теперь не только крышу, но и верхние этажи дома.

Милицейский капитан и Феликс очутились возле бомбы одновременно. Щипцы, лопаты, бочки с водой и горки песка — все оставалось на чердаке.

Капитан осторожно подкрался к «зажигалке» с хвоста и, поддев рукою полу шинели, собирался схватить ее за короткий и более холодный стабилизатор, но зажигалка, будто живая, фыркнула, выбросив фонтан новых искр. Капитан отпрянул.

— Я за щипцами! — крикнул он Феликсу и кинулся к слуховому окну.

Вдоль ободка крыши лениво потек серебристый расплавленный металл. Жесть кровли под ним задымилась. И светящийся ручеек так же лениво устремился в образовавшееся отверстие, куда стала медленно клониться и бомба, точно желая заглянуть на чердак перед тем, как туда упасть.

Дом наш был старый, и перекрытия на чердаке деревянные. И хотя стропила были опрысканы и обмазаны каким-то защитным раствором, сержант-пожарник еще в августе нас предупредил, что такие чердаки особенно хорошо горят...

Понимая, чем грозит всему дому этот брызгающий веселыми искрами цилиндр и похожий на тяжелую ртуть ленивый ручеек, Феликс оторвался от спасительной трубы и, покачиваясь на ослабевших ногах, приблизился к бомбе.

«Зажигалка», слепя, как вольтова дуга, источала нестерпимый жар. Задыхаясь от этого жара и понимая, что через две-три секунды будет уже поздно, он присел на немеющих ногах возле бомбы. Его качнуло к провалу. Он машинально уперся ладонью в жесть крыши и тут же отдернул руку, словно прикоснулся к утюгу: кровля была горячая. Теперь он это ощущал даже через подошвы ботинок. Сидя на корточках, он сделал два или три маленьких шажка к бомбе. Невольно закрыл глаза, потому что на нее невозможно было смотреть, и ощупью схватил стабилизатор голыми руками.

Цилиндр оказался тяжелей, чем думал Феликс. К тому же бомбу держала жесть крыши. Феликс выдернул зажигалку из дыры, куда она собиралась провалиться. И не открывая глаз, громко вскрикнув от боли, в ужасе отбросил ее от себя, позабыв о том, что может полететь вслед за нею в тот же провал.

Две недели после этого дежурства Феликс ходил с забинтованными руками. Они оказались обожжены до костей. А новый жилец всем объяснял, что если бы Феликс не поспешил, то он спокойно сбросил бы зажигалку щипцами. Но в доме над капитаном посмеивались. И он от нас скоро съехал.

...В марте 1942 года меня вывезли через Ладогу на Большую землю. В октябре 1944-го я возвратился в Ленинград. И как только мы занесли вещи домой, тут же побежал к Феликсу — наши квартиры находились на одной площадке.

Открыла мне мама Феликса, тетя Гита.

— Как ты вырос,— сказала она и повела в комнату.

— Где Феликс? — спросил я.

Она показала рукой на портрет в рамке, который висел на стене. Феликс в морском кителе с лейтенантскими погонами, на которых я разглядел «птички» — морской летчик,— смотрел серьезно и сосредоточенно, как прежде.

Я улыбнулся.

— Тетя Гита, я могу Феликсу написать?

Она помотала головой. Открыла резной буфет, взяла с полки маленькую красную коробочку и протянула мне. Я снял крышку. В коробочке, поблескивая золотом и рубином, лежал новенький орден Отечественной войны.

— Посмертно,— сказала мать Феликса и, обхватив меня за плечи, прижалась. Я почувствовал, как она дрожит от безмолвного плача.

Мужество

В Ленинграде в годы блокады действовали сотни тимуровских команд, отрядов и дружин. Они возникали при школах (многие школы переместились в убежища), при домоуправлениях и райкомах комсомола. Дела, которыми занимались ребята, были самые разнообразные.

Тимуровцы ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, выясняя, не нужна ли комунибудь их помощь. И если обнаруживали заболевших или ослабевших, начинали за ними ухаживать.

Тимуровский отряд Люси Фотовой нашел в одной из квартир мальчика Юру. Мама его умерла. И сам он был болен. Люся и ее товарищи перенесли Юру в красный уголок при домоуправлении, где было теплей. Они топили в красном уголке печку, приносили Юре обед, читали ему вслух книжки. А когда Юра поправился и немного окреп, тимуровцы определили его в детский дом.

На первый взгляд может показаться: «Что же тут особенного?» Но одна особенность в этой тимуровской работе была.

Передо мной сейчас лежит извещение отдела торговли Ленгорисполкома от 18 января 1942 года. В нем говорится, что исполком разрешил выдать в счет существующих месячных норм детям до 12 лет — крупы 300

граммов, сахару — 250, жиров — 75 граммов. Но поскольку эти продукты выдавались на десять дней, то нетрудно подсчитать, сколько же приходилось на день... А ребята старше 12 лет получали не детскую продуктовую карточку, а иждивенческую. И нормы выдачи там были еще меньше: крупы — 100 граммов, сахару — 100, а жиров — 50. И вот эти ребята, получавшие такой маленький паек, находили в себе силу и решимость изо дня в день помогать другим.

Стакан воды

Сохранились секретные документы германского верховного командования. Из них видно, что фашисты планировали смести Ленинград с лица земли. А потом распахать то место, где стоял город, плугом. Гитлеровцы методично уничтожали с воздуха и из дальнобойных орудий склады, жилые дома, музеи, заводы и сооружения, которые обеспечивали город водой.

Когда наступила зима, здания почти не отапливались, и с водой в Ленинграде стало совсем плохо. В городе сразу возникли водовозные тимуровские команды. Об одной из них еще в 1942 году на страницах «Пионерской правды» рассказала школьница Надя Латушина. Их команда заботилась о тех семьях, где были маленькие дети.

Каждое утро тимуровцы собирались в школе, впрягались в саночки, на которых стояли ведра и кастрюли, и отправлялись на Неву. Там во льду они продолбили лунки. Лунок было много. И все-таки у каждой стояла небольшая очередь. Ребята наполняли черпаком свои ведра и снова впрягались в санки — теперь уже изрядно тяжелые.

Останавливаясь через каждые несколько сот метров, чтобы передохнуть, ребята довозили санки до тех домов, которые они опекали. Там, где был один маленький ребенок, они оставляли литр воды. Где двое — два. А когда ведра пустели, тимуровцы опять впрягались в санки и снова отправлялись на Неву. И успевали засветло сделать несколько рейсов.

В сильные морозы вода в ведрах покрывалась толстой ледяной коркой, ее приходилось пробивать. Случалось так, что вода замерзала снизу доверху. Тогда тимуровцы собирали во дворе щепочки, бумагу, хлам и мусор, разводили костер, растапливали в ведрах лед и все-таки разносили воду по квартирам.

Нередко им приходилось совершать свой путь под артиллерийским огнем. Несколько человек из этой самоотверженной команды погибли при исполнении тимуровских обязанностей.

Благодарность

Из воспоминаний бывшей ученицы школы № 205 Евгении Григорьевны Кляцкиной (Курицкой)

Во время блокады я училась в школе № 205. Нашим директором была и ныне здравствующая Раиса Захаровна Хралова. И тем, что мы, ее ученики, в то время учились, не потеряв ни года, и тем, что выжили, мы обязаны прежде всего ей.

Раиса Захаровна нас учила: «В любой ситуации выживают и побеждают люди активные. Люди смелые и самоотверженные. И я хочу, чтобы вы росли такими».

Каждый из нас имел свои обязанности. Я и мои подруги — Зина Мещерская, Таня Солоцкая и Полина шефствовали над домами по Пушкинской улице и Лиговскому переулку. Мы подымались в квартиры, где в ту пору не закрывались двери.

Если люди нуждались в помощи, мы приносили воду, разжигали печку-буржуйку, прибирали. И часто при этом обнаруживалось, что у людей не выкуплен хлеб. И некому за ним пойти. Нас просили: «Девочки, если вам не трудно». И протягивали карточки.

Случалось, нас просили в доме, куда мы пришли в первый раз. Никто не знал наших имен и адресов. Но люди почему-то нам верили. И, протягивая карточки, доверяли нам жизнь всей своей семьи.

Мы в свои двенадцать лет отчетливо это понимали.

Помню, что деньги я клала в один карман, а карточки прятала в другой, потайной, откуда они сами не могли выпасть. Но тогда и по карточкам приобрести хлеб было нелегко. Доставляли его порой с перебоями. Немцы бомбили и обстреливали хлебозаводы. И бывало, что несколько дней вместо хлеба выдавали муку — 75 или в лучшем случае 100 граммов в день на человека. Это был совсем маленький пакетик.

Мы с подругой занимали очередь с ночи и попеременно ходили домой греться. А утром разносили по квартирам выкупленный хлеб.

Мы в ту пору были голодные, как все в Ленинграде. И когда мы несли хлеб, то был сильный соблазн съесть хотя бы маленький довесок. Ну, кто бы об этом узнал? А даже узнав, кто бы нас за это осудил? Ведь мы стояли в очереди за этим хлебом целую ночь.

Но сильнее голода, сильнее постоянного ощущения сосущей пустоты было сознание того, что мы — пионеры-тимуровцы. Нам, детям, доверены человеческие жизни, и мы,

помогая выжить семьям фронтовиков, помогаем фронту.

Одна пожилая женщина, мать командира, снимок которого висел над ее постелью, как-то отрезала две маленькие дольки от своего пайка и предложила нам. Мы отказались. Ведь если б мы взяли, это значило бы, что мы вызвались помогать за плату.

— Но ведь без вас я не смогла бы выкупить этот хлеб,— сказала женщина.— Возьмите. Очень вас прошу.

Мы с подругой молча помотали головами и тут же ушли, потому что очень хотели есть. И боялись, что не выдержим и согласимся.

В годы блокады люди медленней ходили, тише разговаривали. Получалось это непроизвольно: каждый берег энергию. Тем значительней подвиг ребят, о которых я сейчас расскажу.

Однажды большая группа учеников школы привезла на санках к себе на школьный двор сухие дрова. На уроках в классе замерзали даже чернила.

И когда стало в классах теплей, подумали ребята: «Нам-то хорошо. А как тем, у кого не хватает сил орудовать пилой и топором?»

И создали тогда ребята тимуровскую команду «дровосеков». Обойдя квартиры и узнав, кому нужна помощь, они брали ключи, отпирали сарай, а пилы и топоры они приносили свои.

В сарае ребята подымали тяжелое бревно, клали его на козлы. То и дело меняясь, разрезали бревно на несколько чурбаков покороче. И принимались колоть. А топор был тяжелым. И топорище все норовило выскользнуть из ослабевших от недоедания рук. И если слабо ударишь, полено не расколешь, а топор застрянет.

Наколов дрова, ребята несли их в квартиру. Растапливали железную печку. Грелись, отдыхали несколько минут. И шли пилить-колоть дрова для соседней квартиры.

Только за два месяца тимуровцы-«дровосеки» одного лишь Петроградского района Ленинграда напилили, накололи и разнесли по квартирам более ста кубометров дров.

Одна девочка из 205-й школы всю блокаду помогала своей соседке по квартире, муж которой был на фронте. Если девочка шла за хлебом, то выкупала хлеб и соседке. Если за водой — то приносила и воды. Когда женщина заболела, девочка за ней ухаживала. Получала лекарства, кипятила чай. Так продолжалось долгие месяцы. И соседка выздоровела.

А потом кончилась война. К соседке с фронта возвратился муж. И первое, что он

Дорогие ребята,
славные тимуровцы!

Сорок лет назад по всей нашей стране вспыхнули тимуровские звезды. Трудное это было время — шла война с фашистскими захватчиками. Юные пионеры на фронте и в тылу, чем могли, помогали старшим. Геройские поступки совершали ребята Москвы, Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда. Они тушили зажигалки, разносили повестки, заботились о семьях эвакуированных.

Сегодня тимуровскую эстафету несете вы, пионеры 80-х годов. И как бы порадовался Гайдар, если бы узнал о ваших замечательных делах. Тысячи ветеранов войны и труда благодарны вам за любовь и ласку. Стремитесь всегда и во всем походить на героев Гайдара. Давайте бой квакинцам. Будьте дисциплинированны и настойчивы. И никогда не успокаивайтесь на достигнутом.

Тимур ГАЙДАР,
контр-адмирал, член Всесоюзного штаба Тимура

сделал, придя домой, постучал в комнату к этой девочке. Солдату хотелось многое ей сказать, но сказать он ничего не смог. Ему мешали слезы. И тогда солдат просто нагнулся и поцеловал девочку.

* * *

С той поры, когда возникли первые команды, когда появились первые ребята с красноармейскими звездочками на груди, прошло четыре десятилетия.

В Ленинграде сейчас живут сотни бывших пионеров, бывших тимуровцев блокады, которые помогли отстоять свой город. Здесь существует удивительное объединение — бывших детей, активных защитников Ленинграда. Дважды в год несколько тысяч человек заполняют громадный многоярусный зал Дворца культуры имени Ленсовета. Люди собираются вместе, чтобы встретиться с друзьями, чтобы вспомнить то далекое, трудное, но гордое для каждого из них время, когда они не болтались без дела, а как могли помогали своей стране.

И когда я смотрю на этих уже зрелых людей, удостоенных солдатских наград за подвиги, совершенные в детстве, я думаю, что сегодняшним пионерам, сегодняшним тимуровцам есть у кого принять эстафету доброты, человечности и мужества.

САМИ О СЕБЕ

Забот полон рот

Прошлым летом я ходила в школу. Нет-нет, не заниматься: учусь я хорошо. Просто я помогала ухаживать за кроликами, которых у нас много в живом уголке. Крольчата смешные, симпатичные. Интересно наблюдать за ними: кажется, что они, как дети, играют в какую-то свою игру — бегают, забиваются в уголки, прячутся за маму. У всех кроликов разные характеры, как у людей: они хитренькие и умные, тихие и резвые.

А еще я работала в школьной библиотеке. Не только подклеивала и сшивала разорванные книги, но и выдавала их. Времени-то свободного много: читай — не хочу. Вот и бегут все за книжками, читают их быстро. А как приятно советовать малышам, что выбрать, какую книжку взять. Ведь те книжки, которые им нужны, мы давным-давно прочитали, вот и советуешь им взять свою самую любимую.

Но, выдавая книги другим, сами мы тоже выбираем время для чтения. Бывает так: понравится одному книжка, и все ее вслед за ним читают, обсуждают, спорят. За лето мы познакомились со многими замечательными книгами.

Жанна НУЖНЕНКО,
г.Тростянец, Сумская область.

«Умелые няни»

Лагерь «Чайка» построился на утреннюю линейку. Вожатый объявил: «Шестой отряд пойдет сегодня к малышам на дачу. Сменит их пятый отряд. Думаю, справитесь!»

С этим напутствием ребята шестого после завтрака отправились к детсадовцам. По дороге придумали название своему отряду — «Умелые няни».

Сначала все шло хорошо: малыши бегали, играли, возились вместе с шефами. Но пора было их кормить. А завтраком и не пахло: у девочек убежало молоко. Хорошо, воспитатели пришли на помощь, быстро беду поправили. И девочки повели детсадовцев завтракать. Мальчики тем временем решили оборудовать площадку для игр. Сделали качели. Вадим опробовал их на прочность, сел и с визгом: «Ой, мамочки!» — соскочил. В сиденье торчал гвоздь. Потом сколотили скамейку.

После завтрака стали малышей укладывать спать. Но выяснилось, что они ужасно грязные, все вывозились в песке и за едой. Пришлось их прежде как следует вымыть.

В таких заботах прошло полдня. Наконец появились вожатый и пятый отряд. Они увидели, что дети спят, и спросили: «Почему дети у вас спят?» Шестой отряд ответил: «После еды малышам нужен отдых». Тут вожатый сел на скамейку, которую сделали мальчики. Та под ним сломалась, а он не в силах был подняться, лежал на обломках и хохотал: «Ну и умелые няни!»

Лишь шестому отряду было не до смеха.

Фамилии своей писать не буду, так как была одной из «умелых нянь».

Н. О.,
г. Нарва, Эстонская ССР.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Шлем витязя

НОВАЯ ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ ДЖОННИ ВОРОБЬЕВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Директор школы номер два Борис Иванович был молод и непоседлив. Приехав из дома отдыха, он поспешил в свою школу, где летом располагался городской пионерский лагерь. Директору не терпелось повидаться со своими питомцами. Но школа встретила его гулкой пустотой. Оказалось, что ребят увели в парк слушать какую-то лекцию. Борис Иванович отправился туда же.

Июльский полдень плавился от солнца, но площадка перед летней эстрадой была укутана в тень: над скамейками склонялись большие березы. В этой березовой тени алели галстуки и сатиновые испанки.

Бориса Ивановича встретили веселыми кликами и наперебой сообщили, что из Москвы приехал ученый, который будет рассказывать про историю городка, про всякую старину и как лучше искать клады. А приветствовать ученого от имени ребят готовится известный Джонни Воробьев из третьего (то есть уже из четвертого) «А».

Услыхав последнюю новость, Борис Иванович задумчиво поднял правую бровь, почесал ее и ушел в комнату за эстрадой...

В комнатке было прохладно и малолюдно. В углу сидел и перебирал бумажки довольно молодой человек в клетчатом костюме. У человека была тонкая шея и круглая голова в коричневом берете, натянутом почти до ушей. Это и был ученый-лектор.

Кроме того, здесь находились Джонни и

педагог Вера Сергеевна — Джоннина двоюродная сестра.

Несколько лет Вера Сергеевна была воспитательницей детского сада, но недавно поняла, что ее призвание — в работе со школьниками младшего и среднего возраста. И устроилась в Дом пионеров. Сегодня она отвечала за проведение лекции. Именно она предложила, чтобы лектора приветствовал Джонни. Отношения Веры Сергеевны с двоюродным братцем редко бывали мирными, но сейчас у нее не оставалось выхода: другие ребята отказались выступать, стеснялись. Кроме того, они могли сбиться от волнения, а Джонни — Вера Сергеевна это знала — не смутился бы перед целой Академией наук. Что-что, а держаться перед людьми Джонни умел. Если хотел, конечно.

Джонни согласился выступить как-то слишком охотно, и это слегка встревожило Веру Сергеевну. Однако среди других волнений и хлопот перед началом лекции беспокойство забылось. Тем более, что сегодня Джонни был восхитителен. Его парадная пионерская форма выглядела так, будто ее шили специально для этого случая у портных Людовика Четырнадцатого (из романа «Виконт де Бражелон»). Джонни носил ее с изяществом королевского пажа. Прическа его тоже была великолепна. В марте Джонни остригся под машинку, и после этой операции его подрастающие волосы стали почему-то курчавиться. К середине лета Джоннину голову украшала шапка золотистых кудряшек. Сейчас Вера Сергеевна расчесала эти кудряшки, а затем легким движением придала им некоторую небрежность. Джонни молча выдержал эту процедуру. И вообще он вел себя по-джентльменски. Обаятельной улыбкой встретил вошедшего директора, потом стал терпеливо слушать Верины последние наставления.

— Все запомнил? — суетливо спрашивала она.— Главное, не становись к зрителям спиной, это невежливо... А в конце не забудь сказать: «Мы все надеемся, что после вашей лекции будем еще больше любить наш замечательный город...»

— Хорошо, Вера,— ласково сказал Джонни.— Ты, пожалуйста, не волнуйся, я не подведу... Мне уже можно идти?

И он ушел, чтобы сесть среди ребят, а потом, когда выйдет лектор, подняться на эстраду.

Эстрада была заставлена плоскими фанерными елками: они остались от вчерашнего детского спектакля про Лису и Петуха. Из-за этого «леса» и появился лектор. Послышались нерешительные хлопки. Большинство ребят не знало, надо ли аплодировать сейчас или подождать до конца выступления.

На сцену легкой походкой взошел Джонни. Аплодисменты усилились. Джонни одарил улыбкой сначала слушателей, потом лектора. Дождался тишины и с чувством сказал:

— Уважаемый товарищ кандидат наук... Дорогой Валентин Эдуардович...

Вера Сергеевна за елками нервно мигнула: обращение по имени и отчеству не было запланировано. Однако дальше все пошло как надо. Джонни вдохновенно проговорил:

— От имени юных жителей нашего города позвольте приветствовать вас и признаться, что мы с нетерпением ждем вашей лекции...

Вера Сергеевна облегченно кивала.

Валентин Эдуардович слушал, вытянув шею и согнувшись над звонкоголосым Джонни, будто внимательный журавль над чирикающим птенцом. При последних словах он поправил очки и взволнованно стащил с головы берет. Голова оказалась абсолютно голой. Это вызвало в рядах слушателей незапланированное оживление.

Джонни продолжал:

— Мы, Валентин Эдуардович, очень любим наш город. Он у нас древний. Здесь все любят старину. Особенно с этой весны, когда начали ломать старый квартал на Песчаной улице и в одном доме нашли жестянку с золотыми монетами. Говорят, ее до революции какой-то купец запрятал...

— Женя...— беззвучно застонала за фанерным «лесом» Вера Сергеевна.— Не то!.. Ты совсем не то...

Но Джонни, оживляясь все более, говорил:

— С тех пор все роют, и старые и малые. Клады ищут. Везде роют: и в подпольях и в огородах...

За очками Валентина Эдуардовича блеснуло удивление, но Джонни уже не смотрел на лектора. Теперь он обращался к слушателям:

— Ну, в огородах копают — это их дело. А спортивную площадку, где мы в футбол играли, помните? Появились какие-то с палками и линейками и тоже давай мерить и канавки рыть! Мы спрашиваем: это зачем? А они говорят: экспедиция приедет, будем всякие древности раскапывать...

Валентин Эдуардович растерянно оглянулся и опять натянул берет. Ряды слушателей напряженно внимали Джонниной речи. А он так увлекся, что даже стал прохаживаться по сцене.

— Экспедиция — это, конечно, здорово. Может, мечи старинные найдут или кольчуги. Мы обрадовались, назавтра тоже лопаты взяли, чтобы помогать, приходим на площадку, а там железные гаражи стоят! Ничего себе экспедиция, а?!

Ряды зашумели. В этом шуме было одобрение Джонниным словам и негодование по адресу коварных владельцев гаражей. Тем более, что история с гаражами многим была известна и раньше.

Джонни, подняв руку, вновь дождался тишины. И взволнованно проговорил:

— Мы эту площадку, помните, сколько расчищали? А теперь что? Опять посреди улицы мяч гонять?.. И еще вот что я вспомнил...— Он снова поднял руку, призывая к спокойствию, сделал шаг назад, оказался рядом с большой фанерной елью и... пропал.

Зрители успели заметить, как мелькнули в воздухе Джоннины коричневые ноги в белых носочках и начищенных для торжественного случая полуботинках. Все притихли от изумления.

...Борис Иванович аккуратно поставил Джонни на пол в комнате за сценой.

— Приехали...

Возмущенно дыша, но не теряя достоинства, Джонни сказал:

— Это насилие.

— Да,— печально согласился Борис Иванович.— Я понимаю, что действовал не совсем законно. Только у меня не было выхода. Ты срывал мероприятие.

— Я? Срывал?

— Да. Человек приехал из Москвы, а ты едва не провалил ему выступление. Воспользовался оказанным тебе доверием и устроил этот цирк... Зачем, Воробьев? Тебе мало прежней скандальной известности? Решил еще раз привлечь к себе общее внимание?

— Не к себе, а к тем, кто ставит гаражи...

— Против гаражей надо было протестовать не так.

— А как?

— Шли бы с ребятами в горсовет. Или письмо бы написали в газету. Вон твой друг Волошин чуть не каждую неделю в газете стихи печатает, помог бы...

— Одно дело стихи, другое — письмо,— возразил Джонни.— Волокиту разводить...

— А ты решил, как легче и скорее! И вон что натворил...— Борис Иванович кивнул на дверь, за которой слышался нестройный шум и взволнованный голос Веры Сергеевны.

Директор с упреком сказал:

— Думаешь, легко теперь будет читать лекцию? Твои друзья расходились, как на стадионе.

— А может, им интереснее слушать меня, а не лекцию,— сердито брякнул Джонни.

— А вот это, милый мой, демагогия.

— Что-что? — насторожился Джонни. К незнакомым словам он относился с подозрением.

— Это греческое слово,— разъяснил директор.— Демагог — это человек, который говорит вроде бы правильные словеса, но прячет за ними всякие несправедливые мысли. Чаще всего в личных и корыстных целях.

— Значит, я в корыстных? — окончательно оскорбился Джонни. Отвернулся и стал разглядывать левую коленку. Он зацепился ею за край фанерной елки в момент похищения со сцены. На коленке была царапина. Длинная, но тонкая и неглубокая. Пустяк. Однако Джонни вспомнил, как бесславно покинул эстраду, и сказал:

— А еще директор...

— Я сейчас в отпуске,— возразил Борис Иванович.— Я действовал не как представитель школьной власти, а как частное лицо.

Джонни подумал, что в таком заявлении тоже достаточно демагогии, но высказать это не успел. В наступившей за дверью тишине раздался сильный и удивительно тонкий голос лектора:

— Товарищи дети! Приступая к этой лекции, я прежде всего хочу отметить, что в период усиления противоречий между удельными феодальными княжествами возникновение вашего города в данном регионе было заметным фактором, оказавшим влияние на ряд процессов, которые, в свою очередь...

С полминуты Джонни внимательно слушал, а потом с чувством сказал:

— Д-да...

Борис Иванович опять приподнял и почесал правую бровь. Почему-то вздохнул, посмотрел на Джонни и непедагогично предложил ему японскую жевательную резинку с пингвином на фантике. Но Джонни отверг эту неуклюжую попытку примирения. Он холодно попрощался и ушел из парка.

Джонни брел — руки в карманы, голова ниже плеч. Настроение было, сами понимаете, какое. Правда, главное он успел: сказал со сцены о гаражах. Но какой скандальный конец!..

Хорошо, хоть Катька этого не видела, она до завтра уехала к дедушке. Но другие-то видели! А ведь среди этих других были не только друзья...

— Эй, артист!

Джонни рывком обернулся. Оказалось, его догонял Витька Шпаньков, по прозвищу «Шпуня»,— давний и прочный недруг. Шпуня улыбался.

— Привет, Джонни! А ты правда как народный артист выступал. Только в конце непонятно: фьють — ножки дрыгнулись, и нет человека. Фокус, как у Кио...— Шпуня еще сильнее растянул свою безобразную, глупую, ехидную, гнусную и отвратительную улыбку и спросил: — А может, тебе от волненья койкуда захотелось? Если брюхо болит, ждать, конечно, не будешь...

Отвечать на это было нечего, и Джонни приступил к действиям. Без слов. Он сделал красивый выпад, целясь кулаком точно в нос противника. Этот прием не раз помогал ему сбить со Шпуни лишнее нахальство. Но если не везет, так не везет! Джонни наткнулся на встречную атаку. Ему показалось, что в левом глазу вспыхнул бенгальский огонь. «Ох и синяк будет»,— мельком подумал он и ухватил Шпуню за рубашку. Тот дал подножку, и оба покатились в неогороженный газон, где вместе с тощими цветами росла буйная уличная трава...

Сначала бой шел на равных, но скоро Джонни почему-то оказался лежащим на спине, а Шпуня, радостно сопя, сидел у него на груди. Джонни приготовился саданить его по хребту коленом и вдруг услыхал:

— Стоп! Нарушение правил!

Шпуню сдуло, как семя одуванчика. Только простучали затихающей дробью его подошвы.

А над собой Джонни увидал Бориса Ивановича.

Директор поставил Джонни на тротуар и осторожно вынул из его кудрей щепочки и сухие стебельки. Потом заметил:

— Хорошо он тебе припечатал. И уложил как миленького...

— Он?! Уложил?! — взвинтился Джонни.— Да это у меня прием такой: сперва поддамся, а потом... Он бы сейчас уже носом в траве копался! Ну, почему вы не даете ничего довести до конца?

— Дорогой мой! Значит, я должен идти мимо, когда два ненаглядных питомца вверенной мне школы сцепились, как гладиаторы на арене Колизея?.. Впрочем, второго я не разглядел. Ты его знаешь?

— Еще бы,— хмуро откликнулся Джонни.

— А кто это?

Джонни поднял на директора взгляд. В Джонниных глазах (в правом — большом и ясном и в левом — слегка заплывшем) было безграничное изумление: неужели ему, Джонни Воробьеву, предлагают стать ябедой?

— Ну-ну,— сразу смутился Борис Иванович.— Ценю твое благородство... Но скажи, тебе не кажется, что столько подвигов для одного дня — это чересчур?

— В самый раз,— буркнул Джонни, заправляя под ремешок парадную рубашку, которая была уже непарадная.

— Воробьев,— со вздохом сказал Борис Иванович.— Во мне крепнет желание обстоятельно побеседовать с твоими родителями.

— Вы в отпуске,— напомнил Джонни.— Вы сейчас не директор, а частное лицо.

— Да, верно... Что ж, это избавляет тебя от крупных неприятностей. На время...

Но судьба не избавила Джонни от неприятностей. Даже на время. Была суббота, и мама с папой оказались дома. Увидев сына с могучим синяком и в потрепанном состоянии, мама стала деловито капать себе валерьянку, а папа заходил по комнате и сказал:

— Опять... Какие же объяснения ты дашь н а э т о т р а з?

— Он первый начал,— сообщил Джонни, трогая синяк. Шпунины кулаки были небольшие, но очень твердые, и под глазом сильно болело.

— Ах, первый! — воскликнул папа.— Этот злодей подошел к моему сыну и ни с того ни с сего трахнул его по глазу!.. Так это понимать?

— По глазу — это уже потом,— уточнил Джонни.

— Но все-таки драку начал не ты? — спросил папа с надеждой и сомнением.

Джонни не стал унижаться до лжи. Просто сказал:

— А чего он каждый раз дразнится?

— Ах, о н д р а з н и т с я!.. А ты дерешься! То есть на слова отвечаешь кулаками!.. Неужели ты до сих пор не уяснил, что человек, который надеется лишь на грубую силу, никогда не станет культурным членом общества? Имей в виду, что агрессивность характера совершенно не способствует становлению гармонично развитой личности...

Джонни опять потрогал синяк и вздохнул:

— Ты, папа, говоришь, как этот...

— Кто?

— Ну, этот... сейчас вспомню. Греческое слово. Де... де... де...

— Демосфен? — спросил слегка польщенный отец.

— А это кто?

— Знаменитый оратор в Древней Греции...

— Нет, не то. Похоже на «педагога». А, вспомнил! Де-ма-гог.

Воробьев-старший тихо икнул и оторопело уставился на сына. Мама стала капать валерьянку на свою белую юбку.

— Это ты мне? Своему родному отцу? — тонким голосом произнес наконец папа.

Джонни слегка струхнул.

— А что? Это же приличное слово. Научное. Мне его Борис Иванович сказал.

— Так это он сказал т е б е! — взорвался отец.— Потому что ты в самом деле демагог, разгильдяй, уличный пират, бич школы и несчастье родителей!

На «несчастье родителей» Джонни обиделся. Он хотел даже возразить, что не сам себя воспитывал, а именно родители, но не успел. Появилась Вера Сергеевна. Она свистела от гнева, как перекипевшая кофеварка.

И все пошло снова...

Наконец папа грозно сообщил:

— Довольно! Терпение у меня лопнуло!

Терпение Воробьева-старшего лопалось довольно часто. Как правило, это не приносило Джонни заметных неприятностей. Но сегодня оно лопнуло окончательно. Поэтому Джонни будет сидеть дома до тех пор, пока не перевоспитается. Или по крайней мере два дня... Да, два дня он и носу не высунет на улицу! Будет заперт в этой комнате до понедельника! Где ключи от внутренних дверей? Почему в этом доме ничего никогда нельзя найти?

Мама с папой стали шарить по ящикам стола. Вера Сергеевна давала советы, где лучше искать. Джонни стоял посреди комнаты и молча наблюдал за этой суетой. Он считал ее неразумной по двум причинам. Во-первых, все старые ключи он давно отдал братьям Дориным, которые строили электронную модель марсианского ящера и собирали для деталей всяческую металлическую дребедень. Во-вторых, если арестанта запрут в этой комнате, где же вся семья будет смотреть телевизор?

Наконец Джонни пожалел родителей и снисходительно сказал:

— Папа, зачем столько хлопот? По-моему, достаточно взять с меня слово, что я никуда не уйду.

— А ты дашь? — неуверенно спросил отец.

— Что же делать...— печально отозвался Джонни.

Он знал по опыту, что синяк все равно продержится не менее двух дней. Вообще-то Джонни не стеснялся боевых отметин, однако ходить с «блямбой», полученной от Шпуни, было унизительно.

Какой несчастливый день! Сначала дурацкая история на эстраде, потом этот «довесок». И, главное, до сих пор так больно...

Воскресенье с утра до обеда Джонни провел, сидя на подоконнике. Сначала пятый раз читал «Трех мушкетеров». Потом, чтобы сделать приятное Вере, громко пел песни. Одну он даже повторил несколько раз. Это был боевой марш юнармейских отрядов школы № 2, который сочинил восьмиклассник Сергей Волошин — Джоннин друг и поэт:

...Пускай нам нынче утром
В бою не повезло,
Мы крепко стиснем зубы
Противнику назло!
Мы стиснем их покрепче,
Подымем снова флаг
И вдарим нынче вечером
Противнику во фланг!

Потом Джонни немного осип и стал слушать разговор, который вели за стенкой мама и Вера.

Мама говорила:

— Нет, Вера, ты совершенно неправа. Он очень славный человек. И, кроме того, извини меня, но тебе уже тридцать лет... ну, пусть двадцать девять. Это не девятнадцать...

Джонни сразу понял, что речь идет о Валентине Эдуардовиче. Дело в том, что Валентин Эдуардович приезжал сюда не первый раз. Это перед ребятами он выступал вчера впервые (Вера уговорила), а взрослым он читал лекции и раньше. С Верой он познакомился еще в мае. Водил ее в кино и несколько раз приходил в гости...

Мама продолжала доказывать:

— Ну хорошо, хорошо, я понимаю, что дело не в машине и не в квартире, хотя и это не лишнее... Но он прекрасно к тебе относится!

Вера сказала с легким стоном:

— Да. Но он лысый, как коленка.

Джонни хмыкнул, сравнение ему понравилось. Он поставил левую ногу на подоконник — так, что коленка оказалась перед глазами. Джонни представил, что это лысина.

Лысина была загорелая и не очень чистая. Ее пересекал боевой рубец. То есть это была засохшая царапина, однако в масштабах лысины она вполне могла сойти за след сабельного удара.

Видимо, лысина принадлежала старому, храброму рыцарю, который провел жизнь в походах и битвах. В какой-то схватке с него сбили шлем, и вот — шрам.

Джонни, который сам был рыцарем в душе, посочувствовал старому бойцу и решил подарить ему новый шлем. На папином столе громоздился письменный прибор, который когда-то купил Джоннин прадедушка. На приборе возвышались могучие чернильницы синего стекла (в которых сейчас хранились канцелярские кнопки и скрепки). Медные крышки чернильниц были похожи на шишаки русских витязей. Джонни снял одну крышку и, вернувшись на подоконник, примерил ее на коленку.

Шлем оказался маловат. Если набекрень, то ничего, а если по-боевому, «на лоб», то никак не лезет. Это огорчило Джонни. Он со вздохом надел крышку на палец, поднял над головой и крутнул...

И тут его насторожило воспоминание.

Смутное воспоминание, размытое. Просто Джонни подумал, что где-то уже видел такую картину: шлем, надетый на жердь или на тонкий столб. Где видел? Когда?

Почему-то вспомнилась тесовая крыша сарая, теплый вечерний запах травы, шепот неуклюжего Мишки Панина... Ага! Они играли в разведчиков! Джонни и Мишка лежали на крыше в засаде. Джонни обводил подслеповатым биноклем окрестности. В сдвоенный круг бинокля попадали деревья, заборы, ленивые куры, а противников не было. Проплыл в поле зрения покосившийся дом бабки Наташи, потом гряды на ее огороде... а над грядами...

Почему он сразу не сообразил? Ведь уже тогда мелькнула мысль: «Что-то не так...» Но, кажется, в тот миг завопил «ура» и скатился с крыши в траву Мишка. Начались крики, погоня — и все это до позднего вечера. Дома Джонни бухнулся в постель как подрубленный и наутро ничего не помнил...

Но сейчас-то он вспомнил!

Может быть, еще не поздно? Может быть, пока никто не обратил внимания?

Ох, какой он дурак, что обещал сидеть дома! Если бы заперли, можно было бы удрать из окна. Подумаешь, второй этаж! А честное слово покрепче всякого замка.

Что ж, когда нельзя уйти, остается звать друзей. Лучше всего Катьку. Наверно, она уже вернулась от дедушки.

Джонни прыгнул к столу, дернул ящик, отыскал там карандаш и листок, нацарапал крупно: «Катя! Приходи, есть дело».

Весной такого письма хватило бы. Но прошли времена раннего знакомства, когда Катька прибегала по первому зову. Сейчас она могла фыркнуть и рассудить, что Джоннино дело подождет. Пришлось писать подробности...

Когда не следишь за почерком и ошибками, пишется быстро, и Джонни сам не заметил, как накатал целую страницу (правда, очень крупными буквами). Внизу он расписался «Дж». Теперь надо было искать гонца.

Минут семь или восемь Джонни сидел на подоконнике и нервно хлопал по коленке сложенным в треугольник письмом. Ждал. Наконец повезло.

— Юрик! — обрадованно завопил Джонни. — Эй, Юрка-а!

Второклассник Молчанов ростом походил на дошкольника, но был сообразителен и достаточно смел. Он и Джонни познакомились еще в давние детсадовские времена и с той поры участвовали во многих славных делах. Тех самых, где Джонни выступал как полководец, а Молчанов как умелый и верный солдат.

Лучшего гонца и желать не надо.

Юрик на лету поймал письмо и заверил обожаемого командира, что доставит пакет без промедления.

Ах, если бы каждый знал, что его ждет через несколько минут!

Юрика ждали Шпуня и его приятель Рудольф Капустин. То есть они не ждали специально, а просто оказались на пути, когда Юрик со скоростью кавалериста вылетел из-за угла Крепостной на Песчаную. Рудольф Капустин был толстоват и выглядел неповоротливым, но в самом деле отличался быстротой решений и поступков. Правда, не всегда эти поступки были благородными, однако это уже другой разговор... Юрик не успел ни отвернуть, ни затормозить — Рудька моментально сгреб его в охапку.

— Юрочка! — обрадовался Шпуня.— Куда мы так спешим? Как поживает славный генерал Джонни? Носит ли под глазом большой красивый орден?

Юрик забился, как мышонок в когтях безжалостного ястреба, и пропищал:

— Пустите! Меня в магазин послали.

— Нехорошо обманывать старших. В магазин без денег не бегают,— заметил проницательный Шпуня.

В самом деле: в руках Юрик ничего не держал, а карманов на парусиновых шортиках не было.

— Может быть, денежки в этой бумажке? — поинтересовался Шпуня. Спрятанный на животе треугольник предательски просвечивал сквозь сетчатую майку.

Шпуня выдернул подол майки и подобрал упавшее письмо. Юрик обмер. Как он теперь покажется на глаза Джонни? Шпуня стал

неторопливо разворачивать листок. Юрик рванулся и бесстрашно попытался трахнуть Шпуню ногой. Тот, ухмыляясь, отошел и прочитал.

— «Катя»... Ага, сердечное послание...

Юрик опять хотел вырваться, чтобы отобрать письмо или погибнуть в бою, но Рудольф сдавил его и прижал спиной к своему мягкому пузу.

— «Приходи, есть дело»...— отчетливо читал мерзкий Шпуня.

Юрик начал колотить Рудьку затылком в грудь и пятками по ногам. Но это было все равно, что бить куриным перышком асфальтовый каток.

— «На огороде у бабки Наташи стоит пугало,— продолжал Шпуня.— На башке у пугала, по-моему, старинный шлем. Я точно видел. Бабка его, наверно, выкопала на грядах. Катька, если это настоящий шлем, знаешь, какой это клад! В сто раз лучше, чем жестянка с монетами! Можно его отдать в школьный музей. Музей сразу станет знаменитый. Катька, жми ко мне, потому что сам я никак не могу, засадили дома...»

Шпуня довольно хмыкнул и свернул письмо. Посмотрел на Молчанова, который уже не вырывался, а внимательно слушал. Сказал с удовольствием:

— Ты, Юрочка, передай своему Джонни, что пускай сидит спокойно. Мы справимся с этим делом без него и без Катьки... Рудик, отпусти ребенка...

Освобожденный Молчанов отскочил на несколько шагов, сказал с этого расстояния Шпуне и Капустину, кто они такие, и, всхлипывая, убежал.

Шпуня задумчиво уложил письмо в карман.

— Ну?— нетерпеливо сказал Рудольф Капустин.

— Дело интересное. Надо обдумать,— откликнулся Шпуня.

Рудька возразил, что надо не думать, а лезть в бабкин огород. Иначе Джонни успеет раньше.

— Он же сидит,— напомнил Шпуня.

— Ха! Ты что, не знаешь Джонни?

Этой фразой он склонил Шпуню к немедленным действиям.

Юрик Молчанов не убежал далеко. Он укрылся за ближним палисадником, чтобы не упустить Шпуню и Рудьку. Юрик понимал, что может заслужить прощение только одним способом: проследить за врагами и постараться сорвать их планы.

Враги свернули на Крепостную, и Юрик последовал за ними, прячась у заборов за кустами дикого укропа и репейника.

Домик бабки Наташи был очень стар и кособок, а забор — высок, хотя и не прочен. Юрик увидел, как Шпуня и Рудька несколько раз прошлись вдоль этого забора и остановились в наиболее удобном месте. Лезть в чужой огород среди ясного дня — дело отчаянное. Но, если время не терпит, приходится идти на риск. Шпуня кряхтя подсадил Рудольфа, а тот, оказавшись на заборе, легко вздернул за собой Шпуню. И оба скрылись.

Юрик не стал карабкаться за ними. Он знал, где есть узкая, но вполне подходящая для него лазейка. Этот ход прокопал себе бабкин лопоухий пес Родька — шалопай и приятель всех окрестных мальчишек. Ребята про лазейку знали, а бабка нет. Родька ей не признавался, мальчишки — тем более.

Раздвинув лопухи, Юрик скользнул в темный лаз, прокрался вдоль забора и притаился в кустах. Тут же подскочил Родька, узнал своего, лизнул Юрика в нос и побежал по делам — гонять от миски с кашей нахального петуха Маргарина.

Юрик взглядом индейского разведчика окинул территорию. Двухметровое пугало в остроконечном шлеме косо торчало над грядами. Недалеко от пугала качалась помидорная зелень. Там, видимо, пробирались по-пластунски Шпуня и Рудька.

Юрик решил, что выждет момент и поднимет шум, а сам ускользнет. Бабка выскочит и заметит похитителей. Тогда им будет не до шлема.

Но бабка Наташа появилась на крыльце без всякого зова. Раньше срока. Повертела головой и стала искать что-то в карманах передника. Юрик понял, что шуметь сейчас опасно: Шпуня с Рудькой притихнут, а бабка кинется ловить его, Юрика.

Могла и поймать. Она была подвижная и крепкая старуха, сама вела свое хозяйство и никогда ничем не болела. Только глаза ее стали в последнее время слабеть. Бабка обзавелась двумя парами очков: одни для ближнего расстояния, другие для дали. Эти очки бабка носила в многочисленных карманах передника и часто теряла их и путала.

Шпуня и Рудольф не видели бабку. Они видели теперь только свою цель — старинный шишкастый шлем витязя. Достигнув подножия пугала, похитители вскочили. Тощий и легкий Шпуня запрыгал, пытаясь дотянуться до шлема. Но тот висел слишком высоко. Тогда Рудька ухватил пугало за дерюгу, и оно со скрипом легло на гряды.

— Эй! Что ли, есть там кто?— раздался басовитый бабкин голос.

Шпуня с Рудькой подскочили, оглянулись и только сейчас заметили опасность. Рудька стремительно упал между грядами и заполнил своим грузным телом всю межу. Шпуне падать стало некуда. Он поджал ногу и раскинул руки, стараясь доказать, что пугало — вот оно, никуда не девалось.

Пока бабка Наташа была без нужных очков, такая замена могла сойти. Шпуня стоял не дыша, хотя у него сразу зачесался нос, а старые трикотажные штаны стали сползать, потому что резинка была слабая. Шпуня с завистью думал о толстом Рудькином животе, но сделать вдох боялся.

На бабкином носу появились блестящие окуляры. Шпуня замер и услышал, как звенит кругом мирная летняя тишина. В этой тишине бабка сказала:

— Тьфу, будьте вы неладны...— Значит, стекла оказались не те. Но бабка энергично продолжила поиски и почти сразу вынула другие очки. Все мальчишки знали, что в своих дальномерах она четко видит до самого горизонта. Бабка водрузила очки на нос, и Шпунины нервы не выдержали. Он ринулся в бега.

Рудольф бросился за Шпуней, и они в один миг достигли забора — как раз там, где была тайная лазейка. Когда Шпуня стремительно ввинтился в лаз, Рудька вскочил на нижнюю перекладину. Она крякнула, опустилась и припечатала Шпунину поясницу.

Рудька упал с забора на улицу, вскочил и помчался с быстротой, удивительной для столь упитанного школьника. Напрасно Шпуня сдавленно вопил ему вслед, умоляя о помощи. Капустин скрылся. Проклиная предательство, Шпуня задергался в ловушке. Но осевшая балка будто крепкой ладонью прижимала к земле похитителя исторических ценностей.

Юрик видел из укрытия, как дрыгаются и скребут по траве Шпунины ноги в выгоревших трикотажных штанинах. Увидел это и пес Родька. Подскочил и весело загавкал. Он, конечно, не хотел Шпуне вреда, а просто решил, что это игра, и радовался от души.

На шум подошла бабка Наташа. Она сменила дальномеры на очки ближнего прицела и некоторое время наблюдала за суетливым дерганьем ног. Потом через калитку вышла на улицу. Шпуня безнадежно затих. Бабка с любопытством осмотрела его «с фасада». Они встретились глазами и ничего не сказали друг другу. Бабка задубелой ладонью бесстрашно ухватила и выдернула у забора крапивный стебель. Помахала им и пошла к калитке. Шпуня проводил ее тоскливым взглядом. Потом слабо дернулся еще раз и стал ждать неизбежного.

Ждать пришлось долго. Бабка не спешила. Юрик видел из кустов, как она пошла в сарайчик и вынесла оттуда скамеечку, на которую обычно садилась, чтобы подоить козу Липу. Она протерла сиденье передником, принесла скамеечку к Шпуниным ногам, удобно села, положила на колени крапиву и аккуратно поддернула пышные рукава кофты.

Юрик, замерев, как лягушонок вблизи от цапли, и не мигая, смотрел на зловещие бабкины приготовления...

А Шпуня ничего этого не видел и не чуял. Ему казалось, что времени прошло очень много. Он даже стал глупо надеяться, что бабка по старости лет про него забыла, крапиву отдала на обед Липе, а сама занялась хозяйственными делами. И, может быть, сейчас на улице появится кто-нибудь из приятелей, освободит Шпуню и они сразу пойдут искать подлого и вероломного Рудольфа Капустина...

В конце улицы показался мальчишка-велосипедист. Шпуня задрожал от радостного нетерпения. Но тут же опечалился. Это был не союзник и вообще не мальчишка, а Катька Зарецкая в шортах и майке.

Шпуня схватил валявшуюся рядом суковатую палку и взял ее на изготовку, как автомат.

Катя подъехала и очень удивилась:

— Шпуня! Ты что здесь делаешь?

Именно в этот горький миг Шпуня ощутил, как заскорузлые бабкины пальцы взялись за резинку его штанов.

— Ды-ды-ды...— сказал он, делая вид, что ведет огонь короткими очередями.— Ды-ды-ды-ды... Ды-дых...

Катькины ресницы распахнулись от изумления.

— Уходи,— быстро сказал ей Шпуня.— Мы в войну играем, не мешай.

— С кем ты играешь? — опять удивилась Катька.

Вместо ответа Шпуня вдруг выкатил глаза и часто задышал.

— Шпуня, что с тобой?

— Ранили,— плаксиво сказал Шпуня.— Из огнемета... Да уходи ты!

— Кто тебя ранил? Никого не видно.

Шпуня опять задышал, будто глотнул горячей липкой каши, и со стоном объяснил:

— По тылам бьет, зараза, из укрытия... Ой, ой, ой... Ну, уходи же скорее, ты меня демаскируешь! Человек в засаде, а она...

Катя пожала плечами и уехала, не оглянувшись на ненормального Шпанькова, который, видимо, совсем поглупел за каникулы...

Бабка тем временем отбросила потрепанный крапивный стебель, встала, ухватила крепкими руками перекладину и, кряхтя, приподняла ее.

Шпуня вылетел из лазейки, как... Можно сказать, как стрела, как пробка из бутылки, как ракета, как пуля. Но, пожалуй, он вылетел, как все это, вместе взятое. И понесся, натягивая штаны почти до подмышек.

Бабка Наташа погрозила Родьке и понесла в сарай скамеечку. Юрик тихо подождал, когда она скроется. Потом проверил перекладину: не осядет ли опять? — и скользнул на улицу. Там он увидел Катю, которая возвращалась на велосипеде из магазина.

Юрик остановил ее и про все рассказал.

В ожидании Кати Джонни мечтал. Он закрывал глаза и представлял совсем как наяву, будто держит на коленях тяжелый, черный, рябой от старости шлем, с которого сыплются чешуйки ржавчины...

Вот это будет новость! На весь город. Надо попросить Серегу Волошина, чтобы написал в газету заметку. «Историческая находка школьника Евгения Воробьева...» Придется, конечно, ради справедливости и бабку Наташу упомянуть. И обязательно Катю... А Катин

двоюродный брат Тимофей пусть сделает снимок для газеты. С подписью...

В музее надо повесить под шлемом подробную подпись, кто нашел шлем и когда. После этого ни Шпунин синяк, ни история в парке не смогут ни капельки повредить Джонниному авторитету.

Тут Джонни одернул себя: надо прежде всего думать не о личных целях, а о научной пользе. Но о личных целях все равно думалось: «Придется перед газетной съемкой припудрить синяк, а то Шпуня будет всем показывать снимок и хвастать: это я ему вделал... И хорошо бы сняться прямо в шлеме...»

Джонни размечтался так, что не заметил, как Юрик и Катя перебежали улицу и проскочили во двор.

Их пустили к Джонни беспрепятственно. Хотя он и сидел под домашним арестом, на свидания с друзьями запрета не было.

Перебивая друг друга и веселясь, Катя и Юрик поведали Джонни, как был наказан Шпуня за свою вредность и коварство.

Но Джонни не стал радоваться. Гордая Джоннина душа содрогнулась, когда он представил, какое поругание достоинства и чести выпало на долю его несчастного недруга.

— Чего смешного...— хмуро сказал он.

Катя, у которой был все же не такой рыцарский характер, заспорила. Шпуня, мол, сам виноват и получил, сколько заработал. Но Джонни сухо заметил, что есть вещи, которые нельзя желать даже врагу. И сделал строгий выговор Молчанову за то, что он не попытался освободить попавшего в ловушку противника.

Катя надулась, а Юрик нет, потому что безоговорочно верил Джонни. Он виновато отошел в сторону — обдумать недавние события и рассмотреть их с новой точки зрения.

Джонни покосился на сердитую Катьку и деловито сказал:

— Теперь надо срочно разрабатывать операцию «Шлем витязя».

Катя хихикнула:

— Вляпаешься, как Шпуня, бабка устроит тебе операцию...

— А что делать?

— Да очень просто. Пойти к ней по-хорошему и спросить, где нашла шлем и не отдаст ли для музея.

Это был не такой романтичный, но, пожалуй, самый правильный вариант. Иначе что может выйти? Бабка прочитает в газете о находке и не обрадуется, а по вредности характера подымет крик: стащили нужную вещь с огорода. Разве ей докажешь, что исторические ценности — общее достояние?

— Думаешь, бабка отдаст? — усомнился Джонни.

— А зачем он ей? На чучело можно что-нибудь другое приспособить.

— У меня ржавая немецкая каска есть,— подал голос Юрик.— Я ее у ручья откопал. Для пугала в самый раз.

И Джонни с благодарностью подумал, что для газеты надо будет сфотографировать и Молчанова.

Но тут же он опять забеспокоился:

— А бабка нас послушает? Она толком никого не помнит, подумает, что мы вроде Шпуни...

— С Викой пойдем,— сказала Катя.— Вику-то она знает.

Это было хорошо придумано. Восьмиклассница Вика иногда помогала бабке Наташе по хозяйству и пользовалась у нее полным доверием. Однако Джонни опять огорчился:

— Вы-то пойдете. А я должен сидеть.

— Отпросись. Думаешь, не отпустят?

Джонни вздохнул. Он знал, что отпустят, если очень попросить. Но просить — значит унижаться.

И все же дело есть дело. Джонни пошел к отцу.

— Папа,— сказал он, стараясь не терять независимого вида,— я не хотел об этом говорить, но у меня очень важная причина...

— Я понял,— сказал отец.— Проси прощенья и убирайся.

Это был не выход. Опечаленный Джонни объяснил:

— Не могу я, папа. Я попросил бы, если виноват. А как, если я прав...

— Тогда сиди,— рассудил отец.— Страдай за правду.

Джонни застонал в душе, но сохранил внешнюю сдержанность. Подумал и предложил:

— Я мог бы дострадать позже. Завтра или послезавтра. Какая разница?

— Гм...— сказал отец и задумался.

Джонни осторожно проговорил:

— В конце концов даже преступников иногда отпускают под честное слово. Помнишь, мы итальянский фильм смотрели? Там у одного свадьба была, и его на день выпустили из тюрьмы...

Отец с интересом взглянул на единственного сына:

— А что, у тебя уже свадьба?

— Да в тыщу раз важнее!

— В таком случае иди,— смилостивился отец.— Но имей в виду: отсидишь не позднее чем через три дня.

Они отыскали Вику и объяснили, в чем дело. Вика сказала, что все это Джоннина очередная фантазия и таких фантазий она слышала от него множество. Взять хотя бы историю с допотопным крокодилом, который будто бы завелся в ручье. Или случай с инопланетным кораблем, который сел на пустырь за стадионом! С ума сойти...

Но Джонни был Викин друг, и к бабке Наташе они пошли вместе. Позади всех шагал Юрик в громадной треснувшей каске. Он был в ней похож на тонкий несъедобный гриб...

Бабка Наташа встретила гостей во дворе. Вику она любила, поэтому и к спутникам ее отнеслась приветливо.

— Вот и ладно, что навестили. Как раз варенье клубничное свеженькое, чаек будем пить... Родька, брысь, не пыли хвостом!.. Вот это гости так гости. А то нонче один через забор пожаловал, так я его проводила по-своему... Заходите в дом...

В тесной комнатке она принялась всех рассаживать за столом.

— Ты, детка, вон туда лезь, в уголок. Маленький, проберешься. А железяку пока под стул затолкай... Да знаю, что каска, насмотрелася на их в свое время... Ты с Викушкой вот тут садись, а ты, мальчик, туда...

— Это не мальчик, а Катя,— уточнил Джонни.

— Ну и ладно, что Катя, теперь не разберешь. Все в штанах, и волосы одинаково стриженые...

У Кати и правда прическа была, как у Джонни, только кудряшки темные.

— Да я ничего,— продолжала бабка,— я не против нонешней моды. Пущай, кто как хочет, так и одевается, лишь бы люди-то были добрые, не проходимцы всякие. А то сегодня пришли двое, сами в галстуках да в шляпах соломенных, а глаза-то жуликоватые. Даже Родька загавкал не по-хорошему...

Оказалось, что недавно к бабке приходили два дядьки. Они упрашивали подписать бумагу, что она, Наталья Федосьевна, согласна получить новую однокомнатную квартиру, а дом ее пускай сносят. Соседние владельцы, мол, уже согласились. На будущий год место здесь выровняют и построят кооперативный гараж...

— Еще чего! — взвился над стулом Джонни и на миг даже забыл про шлем.— Мало им нашей площадки!

— Баба Ната, ни за что не соглашайтесь,— обеспокоенно сказала Вика.— Они не имеют

права, здесь зеленая зона. И места исторические.

— Я сама знаю, что исторические. У меня в этом доме еще бабка жила, она его у вдовы Полуархиповой сама купила... А этим лишь бы поближе к центру. Весь город задымили окаянными своими «Жигулями».

— Вы бы их гнали отсюда, как Шпуню,— посоветовала Катя.

— Я и то... Говорю: что мне квартира? У моей внучки с мужем в Москве квартира трехкомнатная, они меня к себе чуть не силком тянули: «Правнучек годовалый Димочка по вас, бабушка, так скучает». А я все равно не могу. Липу я куда дену? Да и Родьку бестолкового жалко, беспризорный останется. Так я этим с бумагой и сказала: «Покуда жива, от своего огорода не стронусь...» А они знаете что? С виду культурные, а говорят: «Вы же, бабушка, еще совсем крепкая, сколько ждать-то?» Тут уж Родька совсем лаем зашелся, они бумагу схватили да со двора...

Когда бабка закончила рассказ, Джонни постарался направить разговор в нужную сторону:

— Наталья Федосьевна, вы говорили, что дом у вас исторический. Может, здесь и вещи какие-нибудь находились исторические, не только ваша бабушка?

Бабка Наташа замигала, а Вика хихикнула и сказала в упор:

— Баба Ната, он вот про что: будто на вашем пугале старинный шлем висит, какие раньше у богатырей были.

Бабка снова замигала, соображая, и вдруг затряслась от мелкого смеха:

— Да не-е... Какие там богатыри. Это ступка. Шляпу-то с чучелы ветром сшибает, а ступка, она тяжелая, вот я ее приспособила...

Это был удар. И по Джонниным планам и по его самолюбию. Уши у Джонни загорелись, как стоп-сигналы, а кудрявая голова поникла.

Катя его пожалела.

— Что-то не похоже,— сказала она.— Ступки не такие, у них донышки широкие.

— Эта ступка особенная,— возразила бабка Наташа.— Она вроде бокала была, а потом ножка у нее поломалась... Это еще бабушки моей имущество. Бабка-то Катерина Никитишна, царство ей небесное, знаменитая была на всю округу, травами людей лечила. А в этой ступке она, значит, всякие корешки да цветочки толкла, чтобы лекарства варить...

Джонни поднял голову.

— Все-таки вещь старинная,— сказал он неуверенно.— Может, сгодится для музея? А на пугало мы каску наденем...

— Это можно,— охотно согласилась бабка Наташа.— Каска, она даже больше соответствует...

Все, кроме Вики, пошли в огород и «обезглавили» пугало. Джонни с печальным вздохом взял в руки то, что недавно считал шлемом витязя. Это была чугунная посудина. По форме она очень походила на фужер, у которого на папином дне рождения Джонни случайно перешиб ножку.

Пугало увенчали каской и вернулись в дом. Свой малоценный трофей Джонни положил в сенях на лавку.

Вика уже поставила на стол чашки и солидную плошку с вареньем. Теперь она, сидя у окна, листала растрепанную большую книгу. Джонни хмуро глянул через Викино плечо. Она смотрела подшивку древнего журнала. Журнал назывался «Нива».

На всей странице пестрели объявления. А внизу был напечатан портрет круглощекого мужчины с громадными черными усами. Усы лихо загибались вверх. Рядом с портретом стояли слова:

ПЕРУИН — ПЕТО

Продираясь через «яти», Джонни прочитал: «Бесподобное, наилучшее и вернейшее средство для ращения волос. У кого едва видны мелкие волосы, скоро развивается пышная борода и роскошные, щегольские усы...»

Джонни вздохнул. Усы его не интересовали, а слова «Перуин — Пето» вызвали в голове печальные стишки:

Перуин — Пето,
А шлема нету.
Перуин — Пето,
А шлема нету...

Сели пить чай. С горя Джонни подцепил полную ложку варенья и осторожно потянул над скатертью.

— Не жадничал бы ты,— прошептала Вика.— И сядь как следует.

Джонни (он сидел боком) подтянул ноги, чтобы сунуть под стол, и уронил с ложки на колено крупную каплю. Он ловко подцепил ее пальцем и почему-то вспомнил про лысину.

Вот бы ругался старый рыцарь, если бы на макушку ему плюхнулась такая жидкая лепеха! Ведь шлема-то нету...

Шлема-то нету...
Перуин — Пето...

«Ой-ей-ей,— словно кто-то шепотом сказал внутри Джонни.— Ой-ей-ей, товарищи...» Это рождалась в нем новая блестящая идея...

С минуту Джонни сидел, одеревенев и тупо глядя перед собой. Катя наконец спросила:

— Что с тобой?

Джонни прошептал:

— Как ты думаешь, бабушка бабки... то есть Натальи Федосьевны, от всех болезней лечила?

Катя пожала плечами, а Вика сказала вполголоса:

— Джонни, опомнись. Она же знахарка была. Наверно, совсем неграмотная.

Бабка Наташа, видно, уловила суть разговора. Но не обиделась. Она с достоинством сказала:

— Бабушка моя Катерина Никитишна была ученая. Даже по-французски знала. Всяким

другим ученым письма писала, потому что травами лечить — это ведь тоже по науке надо.

— А от лысости она лечила? — нетерпеливо спросил Джонни.

— Чего-чего?

— Я в журнале прочитал про лекарство, чтоб усы отращивать. А может, было и такое, чтоб на лысине волосы появились?

— Джонни, ты что опять придумал? — с беспокойством прошептала Вика. Но бабка встретила Джоннин вопрос полным пониманием. Она разъяснила, что у Катерины Никитишны были средства от всех человеческих недугов (только от слабости зрения не было). Можно проверить. Книга с рецептами сохранилась до сих пор. Люди предлагали за нее бабке Наташе большие деньги, только она не отдала. Мало ли что. Вдруг заболеет на старости лет, вот старинные рецепты и пригодятся.

— Джонни...— строго начала Вика, едва бабка вышла. Но он сердитым шепотом сказал:

— Да подожди ты... Я, может, сделаю счастливыми двух человек.

Джонни слегка кривил душой. Он хотел сделать счастливыми троих: Веру, Валентина Эдуардовича и себя. Потому что, если Вера уедет с мужем в Москву и навсегда избавит Джонни от своей педагогики, разве это не будет счастьем?

Бабка Наташа вернулась с пухлой книгой, похожей на конторскую. Внутри книги на разлинованных желтых страницах были наклеены листочки с непонятными надписями, вырезки из газет и бумажные ленты со словами на иностранном языке.

— Ничего не понятно,— огорчился маленький Юрик. Джонни сердито засопел и сказал Вике, чтобы листала до конца.

Не зря сказал! В середине книги он увидел знакомое объявление с Перуином — Пето. Оно было наклеено в верхнем углу, а ниже — тонкий лист. Видимо, письмо. Его напечатали в давние годы на старинной машинке — тоже с «ятями» и множеством твердых знаков.

Взволнованным шепотом Джонни стал читать:

«Сударыня!

В ответ на Ваше любезнейшее письмо с ценными для меня советами посылаю Вам рецепт надежнейшего средства от облысения. Средство это разработано на основе знаменитого «Перуин — Пето», но действует во много раз сильнее. Посему опасайтесь, сударыня, касаться им незащищенных поверхностей кожи. Действие жидкости таково, что она через сутки вызывает произрастание волос даже на тех местах, где ранее они никогда не росли.

Рекомендуйте Вашим пациентам смазанный участок кожи укрыть и держать в тепле до появления первых признаков растительности.

Не сомневаясь в Вашей порядочности, сударыня, выражаю твердую надежду, что оный рецепт будете Вы содержать в полной тайне.

С совершенным почтением...»

Далее стоял витиеватый росчерк, а под ним порыжевшими чернилами были написаны столбиком непонятные слова. Иностранными буквами.

— По-английски, что ли? — пробормотал Джонни.

— По-латыни,— сказала Вика.— Интересно, кто это разберет?

— Давай перепишем,— сказала Катя.

— Господи, да зачем?

— Знаю, зачем. Давай,— повторила Катя, и Джонни взглянул на нее с благодарностью и надеждой.

— Есть человек, он разбирается,— объяснила Катя.

Вика пожала плечами и спросила:

— Баба Ната, можно переписать?

Бабка Наташа сказала, что для хороших людей ничего не жаль. Дала кусок оберточной бумаги, а у Кати в кармашке нашелся карандашик.

На всякий случай Джонни попросил Вику переписать все: и латинский рецепт и письмо.

Пока Вика, ворча, занималась «этой бредятиной», Катя рассказала, что в ее доме живет Вова Шестопалов, которого зовут Алхимик. Он очень умный, разбирается во всяких веществах и ставит разные опыты. Еще в первом классе он изготовил из бритвенного крема, тертой селедки и черной туши искусственную осетровую икру, которую охотно ели все соседские кошки и сам Вовка. Наверно, ели бы и другие, но случайно на тюбик с икрой сел Вовкин папа. Он был в белых брюках, и опыт пришлось прекратить.

Потом Вова два раза взрывался во время опытов, но научных занятий не оставил. Он очень умный...

Джонни слушал это внимательно и с некоторой ревностью. В последних словах Кати он уловил излишнее восхищение и спросил:

— Если такой умный, зачем взрывался?

Но Катя объяснила, что это было давно, а теперь Алхимик достиг больших успехов и даже на отрядном сборе показывал научные фокусы.

Вика оторвалась от переписки. Она строго сказала:

— Чтобы опыты делать, надо химию знать. Ее с седьмого класса учат. А Вовка твой в котором?

Катя сообщила, что Алхимик перешел в пятый, но советоваться по химическим вопросам к нему ходят даже восьмиклассники.

— Хорошего конца у этой истории не будет,— уверенно произнесла Вика. И все же отдала Джонни бумагу с рецептом.

Когда попрощались с бабкой Наташей и вышли в сени, Юрик напомнил:

— А ступка? Возьмем?

— Да ну ее к лешему,— сказал Джонни.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Страна пионерия

VIII Всесоюзный слет пионеров, который проходил в Москве в мае этого года, дал старт новому этапу марша под девизом «Смена смене идет!». Он посвящается 60-летию пионерской организации, которое будет отмечаться 19 мая 1982 года.

У пионерской организации замечательная история, тесно связанная с историей нашей страны. Чтобы лучше ее знать, «Пионер» предлагает тебе заочное путешествие по удивительной стране Пионерии, в которой живут сегодня 20 миллионов мальчишек и девчонок в красных галстуках, твоих сверстников. До вас в этой стране учились верности Родине и партии, дружбе и товариществу миллионы советских людей. Они давно стали взрослыми и своим трудом укрепляют могущество нашей Отчизны.

Лето — прекрасная пора для путешествий и походов, далеких и близких.

Совершив заочное путешествие по стране Пионерии, попробуй вместе с ребятами пойти в поход по своему пионерскому маршруту, нарисовать карту родных мест и рассказать «Пионеру» о том, что интересного ты увидел и услышал во время похода, о встречах с пионерами разных поколений, о делах первых пионерских отрядов. И тогда ты поймешь, что на карте большой страны Пионерии — города и деревни, где живешь ты и твои товарищи.

Итак, вначале — в заочное путешествие по карте-схеме страны Пионерии, которая помещена на страницах 26-27.

Первая наша остановка — в Москве.

Здесь в феврале 1922 года возникли первые пионерские отряды. Здесь впервые прозвучала твоя любимая песня «Взвейтесь кострами, синие ночи!». В столице были открыты первая станция юных натуралистов и первый Дом пионеров, прошел в 1924 году первый пионерский парад. А в 1929 году Москва принимала делегатов I Всесоюзного слета пионеров. И первый слет деткоров состоялся в Москве, и памятник первому пионеру-герою Павлику Морозову был открыт на Красной Пресне. Стадион «Динамо» встречал первых финалистов клуба «Кожаный мяч», а каток в «Сокольниках» — первых финалистов «Золотой шайбы». В 1979 году в Кремлевском Дворце съездов состоялось открытие самого представительного форума детей планеты — Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!».

Москва — поистине город пионерства. Здесь великий Ленин встречал на параде Всевобуча юных коммунистов. Здесь с пионерами не раз разговаривала Н. К. Крупская. Юные пионеры столицы встречались с Георгием Димитровым, Кларой Цеткин, Долорес Ибаррури. Они слышали выступления Луиса Корвалана, Алваро Куньяла. Такие встречи остаются в памяти на всю жизнь.

И если тебе, участнику экспедиции «Моя Родина — СССР», придется приехать в Москву, в город, где находится главный штаб страны Пионерии — Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, побывай в местах, которые близки и дороги всем поколениям пионеров.

«Королевством без королей и подданных» назвал «Артек» великий пролетарский писатель Франции Анри Барбюс. Лагерем будущего назвала «Артек» бесстрашная немецкая коммунистка Клара Цеткин. А мы с тобой называем «Артек» столицей страны Пионерии, всесоюзной школой пионерского актива. Две палатки, керосиновые лампы, деревянные столы — вот с чего начиналась история «Артека». А теперь там одновременно отдыхают летом четыре с половиной тысячи пионеров.

Сколько событий видел этот лагерь! Не перечесть. Всесоюзные слеты — и первый послевоенный в 1962 году, посвященный 40-летию твоей организации. Как встречали делегаты слета пионеров-героев, об этом не рассказать словами. Это надо было видеть воочию. Мамлакат Нахангова — пионерка из легенды. За свой труд по уборке хлопка она первой среди пионеров была удостоена высшей награды Родины — ордена Ле-

нина. Владимир Казначеев. В годы войны юный партизан отправил под откос несколько фашистских составов вместе с техникой и живой силой врага. Родина отметила эти подвиги орденом Ленина. Костя Кравчук. Кавалер ордена Красного Знамени. В годы оккупации он с риском для жизни бережно хранил два боевых знамени воинских соединений. И когда столица Украины была освобождена, он вручил боевые реликвии советскому командованию.

В «Артеке» проходили всесоюзные сборы и слеты юных друзей пограничников, юнкоров, тимуровцев. Здесь проходят финалы «Стартов надежд». Каждый год сюда приезжают ребята из многих стран мира.

На карте ты найдешь родных братьев и сестер «Артека» — российский «Орленок», белорусский «Зубренок», лагерь на Дальнем Востоке «Океан», «Аревик» в Армении, «Молодая гвардия» на Украине. Свыше 13 миллионов ребят отдыхают сейчас в пионерских лагерях. 13 миллионов! А в «Артеке» на первой лагерной линейке стояла всего сотня ребят. Вот как изменилась жизнь в стране Пионерии!

«Улучшать окружающую жизнь» — это завещала пионерам Н. К. Крупская.

Взгляни внимательно на нашу карту-схему. На самом краешке советской земли, на Чукотке, в Анадыре, стоит условный знак Дворца пионеров — Дворца дружбы ребят Страны Советов. Три миллиона рублей заработали юные ленинцы, чтобы подарить детям оленеводов, геологов, рыбаков такой замечательный подарок.

Ты видишь на карте нефтепровод «Дружба». По нему идет нефть к нашим друзьям в страны СЭВ. Ты видишь железную дорогу Абакан — Тайшет, линии электропередач в Сибири, рельсы, мосты, поезда БАМа — Байкало-Амурской магистрали. Металлолом для них собирали юные ленинцы. Пионерский металл шел и для изготовления вагонов метро, машин, тракторов и троллейбусов. И как здорово, что на многих экскаваторах, электропоездах, теплоходах есть таблички со словами: «Сделано из пионерского металла».

Наше заочное путешествие продолжается.

Ты видишь в морях и океанах корабли-сухогрузы. Они изготовлены рабочими ГДР в Ростоке. Все они носят имена пионеров-героев. Эти корабли провожают в первое плавание пионеры-тельмановцы из ГДР. Они повязывают нашим морякам красные галстуки, дарят сувениры. И несут советские моряки по всем морям и океанам правду об СССР, рассказывают зарубежным ребятам о делах и подвигах нашей пионерии.

«Миллион — Родине» — это операция по сбору макулатуры. Сотни гектаров леса сберегли для страны юные ленинцы. А вот участники операции «Зернышко» — их первый слет проходил в Целинограде — помогают взрослым в уборке урожая. Узбекские ребята собирают хлопок. Молдавские пионеры ухаживают за садами, а на Украине юные ленинцы выращивают кроликов.

У пионеров каждой республики есть свои интересные трудовые дела.

На карте ты найдешь Льгов, где родился Гайдар, Арзамас, где он стал комсомольцем, Канев, где открыта библиотека-музей имени А. П. Гайдара. Пять миллионов тимуровцев в нашей всесоюзной тимуровской команде. На счету у них много добрых дел.

Пройди и ты дорогами Гайдара, узнай, чем сегодня занимаются тимуровские команды и отряды.

По всей стране Пионерии созданы клубы «КМ» и «ЗШ», отряды юных друзей пограничников, космонавтов, моряков, работают школьные лесничества, «голубые» и «зеленые» патрули, которые зорко стоят на охране природы, участвуют в операции «Живое серебро».

Дорогой друг! Путешествуя по стране Пионерии, открывай для себя новые страницы ее истории, стремись приумножить славные дела пионерской организации! Ждем твоих писем.

Рисунок В. ДОНСКОВА.

СЕГОДНЯ В СТРАНЕ ПИОНЕРИИ — ТЫ И ТВОИ ТОВАРИЩИ — ГРАЖДАНЕ

Рисунок А. БОРИСОВА.

ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ПИОНЕРОВ.

ЭТОЙ ВЕЛИКОЙ И СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЫ.

ПРО МОЮ РАБОТУ, ПРО МОЙ ЛОКОМОТИВ, ПРО ПЛЕМЯША АНДРЕЯ

Рассказывает делегат XXVI съезда КПСС Николай Иванович НИКОНОВ, машинист локомотивного депо имени Ильича

...Сегодня в рейс иду ночью. Принимаю локомотив. Мой помощник Саша Колесников кивает головой: «Все в порядке, Николай Иванович...» Забираемся в кабину — каждый на свое место. На дальнем пути нас ждет груженый состав, подготовленный в дорогу. Спит Москва. Тихо.

Где-то далеко от Белорусского вокзала, на Чертановской улице, досматривают ночные сны мои дети — девятиклассница Света, третьеклассница Аня, племянник Андрюша, которого воспитываю с малых его лет. И вот сейчас думаю о них.

Кем станут дочери, не знаю, сами еще не решили, Андрюша учится в железнодорожном училище на машиниста, вернее, на помощника машиниста. И это, признаюсь, мне приятно. Пройдет время, возьму его в свой экипаж, сделаю машинистом, передам ему, что сам знаю и умею.

Без малого тридцать лет жизни отдал я нашей службе. Однажды деревенским мальчонкой увидел паровоз, вырастающий, как чудо, из белоснежного пара, и потерял покой. «Буду водить поезда — и никаких гвоздей» — так решил. И выбору своему до сих пор рад. Мне кажется, ребята, это очень важно — не изменять себе, своей мечте.

Вот впереди моя дорога: Москва — Вязьма, Вязьма — Москва. Туда 240 километров, обратно столько же — небольшой участок пути, знакомый мне до самых малых подробностей. Но именно по этому маршруту я проделал почти три миллиона километров. Не шутка, верно! Такими расстояниями могут гордиться, пожалуй, лишь космонавты; да, впрочем, нас, машинистов - миллионеров, и называют иногда земными космонавтами. Вот так! Ну, разумеется, обзор у нас не тот: из кабины локомотива всю землю не окинешь взором. Но и та, малая часть Родины, которую прорезает моя личная магистраль, вызывает великое чувство гордости и любви к нашей земле, к нашему Отечеству. Вот я миновал Бородино, поле незабываемой русской славы. Вот знакомый небольшой разъезд, березовая роща за ним. Вот город Гагарин, колыбель веселого парня, который, улетая к звездам, просто сказал: «Поехали...»

Сегодня, как и вчера и позавчера, мы с помощником поведем по этому привычному маршруту тяжеловесный состав. В нем вагонов на двадцать больше, чем положено по норме.

Понятно, что поезд-тяжеловес сложнее вести,

чем обычный. Поверите ли, тяжесть эту как бы спиной ощущаю. И по напряжению машины и по тому, как колеса вагонов трогаются с места. А идти этот поезд должен так же плавно, без рывков и толчков, как и обычный. Что надо для этого? Так регулировать скорость, чтобы она равномерно распределялась между всеми вагонами — и теми, которые уже преодолели подъем, и теми, что еще тянутся в горку. Тогда голова и хвост поезда (а между ними, учтите, едва ли не километр!) живут как бы в одном ритме, на одном дыхании.

Это удивительное чувство, когда железная грохочущая махина угадывает любое движение твоей руки, когда свой электровоз ощущаешь примерно так же, как наездник ощущает под собой умного, стремительного, хоть и ретивого коня.

Вот тогда, ребята, исподволь появляется та особая привязанность к локомотиву, когда спиной чувствуешь тяжесть состава, буквально осязаешь бег машины и упругость торможения...

Электровозы ВЛ-8, ЧС-2 (вы их, конечно, видели, они на всех дорогах сейчас есть) мало чем походят на паровозики моей юности ОВ (мы их любовно называли «овечками»). Смотрю сейчас на старую фотографию: чумазые «овечки», чумазые машинисты. Теперь машинист чувствует себя в кабине электровоза как оператор в машинном зале электростанции. Чистота, уют, порядок. Горжусь своим локомотивом — современной могучей машиной. Горжусь и грузами, которые перевожу, которые каждодневно требуются людям,— хлеб, лес, нефть, уголь, цемент, ткани, игрушки...

На XXVI съезде партии вместе с другими делегатами я голосовал за «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». И мысленно прикидывал, какие новые грузы повезу в нынешней, одиннадцатой пятилетке. Ну, разумеется, замечательные тракторы «Беларусь» и мощнейшие автомобили БелАЗы — по моей Белорусской дороге начнут они свой путь в Нечерноземье, в Сибирь, на стройки Дальнего Востока. Повезу я и продукцию новых предприятий Белоруссии, которые вступят в строй в этой пятилетке, и тех, что еще расширят свое производство. Среди них — завод сельскохозяйственных машин, Брестский ковровосуконный комбинат, Новополоцкое объединение «Полимир», металлургический завод, предприятия радиотехнической, электронной, приборостроительной промышленности...

Важные задачи поставил перед нами, железнодорожниками, XXVI съезд партии, большая работа ждет нас в одиннадцатой пятилетке. И это для всех нас радостно. Судите сами, откроется движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской магистрали! Строители ее закончат свой трудовой поход на Тихом океане. Теперь дело за нами. Нам, работникам железнодорожного транспорта, осваивать знаменитую магистраль.

В планах одиннадцатой пятилетки учтены и наши трудности, то, что всех нас беспокоит. Такой пример: на многих участках у нас есть еще однопутки, где поезда идут только в одном направлении. Это сдерживает движение, порой составы простаивают, чтобы пропустить встречные маршруты. В одиннадцатой пятилетке однопуток станет меньше, проложат 5000 километров вторых путей. Появятся железные дороги и там, где их не было,— на 3500 километров вырастут наши магистрали. Тогда и грузов и пассажиров мы сможем перевезти гораздо больше.

В локомотивный парк страны придут новые, более совершенные электровозы. И неудивительно: в новой пятилетке будут электрифицированы 6000 километров дорог!

Вот какой размах работ предстоит! А это значит, больше понадобится машинистов, диспетчеров, проводников.

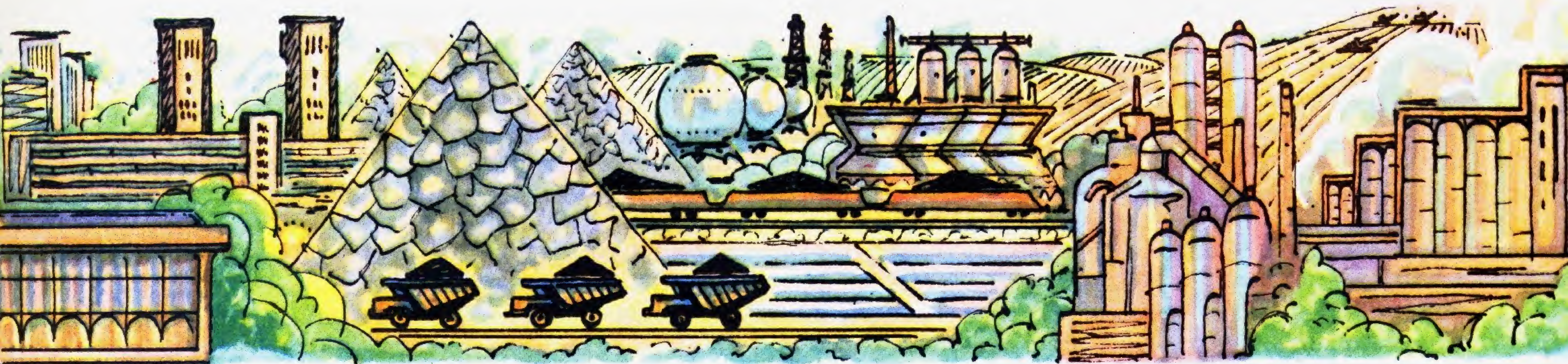
Ждем вас на транспорте, дорогие ребята! Открываем вам зеленый свет на наши магистрали, станции, депо, вокзалы!

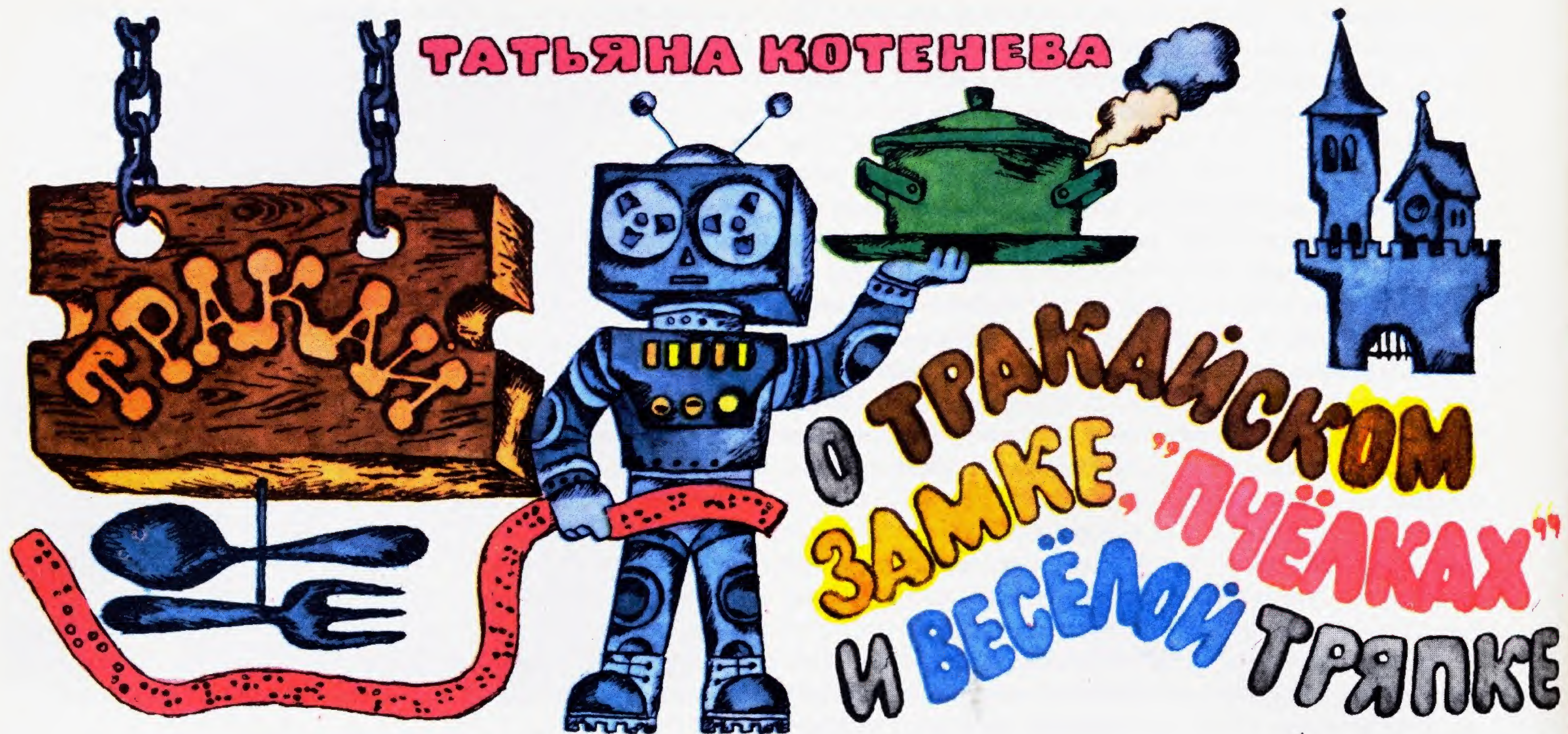
...Москва — Вязьма, Вязьма — Москва. По географическим масштабам страны крошечный участок железной дороги. Но это мой участок. Это моя дорога. Она вливается в огромную, насыщенную магистраль нашей Отчизны, как малая речушка в полноводный и безбрежный океан. Сеть железных дорог подобна животворной системе кровоснабжения: малый поселок связан с большим городом, только что возникшая в тайге новостройка со столицей нашей Родины.

Мой локомотив летит вперед. И нет конца этому неукротимому движению!

Литературная запись Ю. КРУТОГОРОВА.

Рисунок В. РОГАНОВА.

Умеют ли роботы жарить котлеты?

Как-то так получается, что ребята, размышляя о том, кем стать, частенько говорят: «Это интересная профессия, а эта — нет». А разве есть неинтересные?

Я лично глубоко убеждена: любое дело в руках умелого человека становится увлекательным. И ребята, о которых пойдет речь, тоже так думают.

А главное, до той поры, пока человечество не создаст роботов, которые будут за нас котлеты жарить, мыть, подавать, убирать, до той поры без человеческих рук, все могущих и все умеющих, нам просто не обойтись. К тому же я не очень уверена, что котлеты, приготовленные роботами, нам понравятся.

Отдых — дело серьезное

Умелых и заботливых рук человеческих часто не хватает. Особенно в службе быта.

Кто из нас не слышал о курортах Литвы! В этот живописный край летом приезжают тысячи отдыхающих. Как сделать их отдых удобным и приятным? Только в Тракае, маленьком курортном городе, ежегодно отдыхает тридцать тысяч человек. И о каждом нужно позаботиться.

Вот и решили литовские школьники взять на себя часть этой заботы.

— Теперь трудно себе представить, как бы мы обходились без ребят, без их помощи,— сказал мне директор дома отдыха «Тракай» Вальдас Даубарос.— Отдыхающих с каждым годом все больше. Мы сами не справлялись: не хватало обслуживающего персонала. Спасибо ребятам, выручили.

Тракай — древняя столица Литвы. Края эти озерные, лесные. Словно сказочный, встает прямо из озерной глади Тракайский замок, когда-то безуспешно осаждавшийся крестоносцами. И леса здесь особенные, по-северному суровые. Кажется, что забрел в дремучие дебри и не выбраться теперь из лесной глухомани. Но выглянет солнышко, лес вдруг расступится, весело блеснет между деревьями озерная голубизна. Сюда, на берег озера Монис, и приезжают ребята в самом начале лета. Вот уже три года существует летний лагерь труда и отдыха «Рута». Отдыхают и работают в нем ученики средней школы № 2 города Тракая.

Первый день в лагере самый суматошный. Ребята разбирают обширный багаж: спортивный инвентарь, книги, пластинки, гитары, внушительный запас ватмана для лагерного пресс-центра, форменная одежда (эскизы которой, кстати сказать, сделали школьные художники, а сшили ее школьные портнихи). Поднимается над лагерем флаг. На массивной железной цепи укрепляется дубовая доска с выжженными на ней замысловатыми буквами — названием лагеря.

Еще в марте, задолго до каникул, штаб лагеря продумал, как разместятся ребята в восьми комнатах отведенного им дома. С той поры, конечно, произошли существенные изменения: дружили две «закадычные» подружки, а теперь их стало три, и они, разумеется, хотят поселиться в одной комнате. И штабу надо это обязательно учесть.

— Ведь от этого будет зависеть настроение девочек,— говорит комиссар лагеря Альфонсас Балтрунас.— И то, как они будут работать.

От этого будет зависеть наша общая дружба.

Очень охотно помогают в «Руте» новичкам. На первых порах ни на минуту не оставляют без опеки во время работы. А к работе ребята приступают сразу, ни одного дня не позволяют себе бездельничать.

Пчелки

«Пчелки» — так называется одна из бригад. Состоит она из девочек. Одни из них работают горничными, другие — официантками. Главная «пчелка» Гражина Кайревичюте вот уже два года — бригадир официанток. О своей работе Гражина рассказывает с явным удовольствием:

— Когда на тебя каждый день смотрят сотни глаз, невольно становишься подтянутой, собранной. Девочек, которые раньше были немножко рассеянными, теперь просто не узнать, так четко и быстро они работают. Настоящие «пчелки». Иногда устаем, но мы стараемся, чтобы этого никто не заметил.

В самом деле, труд официанта далеко не легкий. Это только кажется, что «порхать» с подносом между столиками, мило улыбаясь,— занятие легкое и не слишком серьезное. Надо накормить три раза в день десятки людей, ничего не перепутать, не разбить, не разлить, спокойно выслушать претензии, быстро и вежливо все исправить. Трудно быть хорошим официантом: дело это требует ловкости, собранности, а иногда и выдержки.

Ирена Станиславовна Потоцкая, начальник лагеря, рассказывает о «пчелках» с гордостью.

— У наших девочек никогда не бывает конфликтов с отдыхающими. И вовсе не потому, что взрослые снисходительны к их работе. Девочки и в самом деле работают ничуть не хуже взрослых.

Как-то раз попробовал поработать официантом Римвидас Ромонаускас. Понадобилось тогда заменить заболевшую Нерингу Мартинкуте.

— Я так устал за этот день,— говорил он потом.— Устал все время держать в голове, кто какое блюдо заказывал. Я все время боялся перепутать. Разбил три тарелки. Изо всех сил старался, но все равно в столовой почему-то целый день смеялись. Удивляюсь, как это у наших девочек все так ловко получается. Наверное, потому, что они девочки.

А вот Виталий Каралявичус и Райтундас Келертас думают совсем иначе. Они оба работают горничными, и работают ничуть не хуже девочек.

Представляю недоумение многих читателей. Горничные? Что это такое? Что за профессия такая?

Название этой профессии произошло, конечно же, от слова «горница». Горница! Слово-то какое звонкое, светлое. В самом слове этом ощущается свежесть, чистота, праздничность. В русских избах горницей называли парадную ее половину. Самым дорогим и желанным гостям говорили: «Милости просим в горницу». Может быть, поэтому в профессии горничной и сегодня есть, на мой взгляд, какая-то праздничность.

Веселая уборка

Что же тут, спрашивается, интересного, праздничного — разносить салаты и ходить с тряпкой? А все дело в том, для чего работать и с каким настроением. Если не замечать людей, которых ты обслуживаешь, тогда работать, ничего не скажешь, тягостно.

Я спрашивала ребят из «Руты»: не кажется ли им их работа неинтересной? Вот что они ответили мне.

— Люди, которые приехали в наш дом отдыха, заслужили свой отдых, и мы делаем так, чтобы они отдохнули как можно лучше. У нас никогда не бывает недоразумений с НАШИМИ гостями. Наоборот, всегда получается, что мы с ними становимся сначала добрыми знакомыми, а потом друзьями. Выступления нашей сатирической бригады взрослые очень любят. К сожалению, пока не можем сказать того же о наших дискотеках, кое-кому они кажутся слишком шумными. Но это мы учитываем! В «Тракае» отдыхает много заслуженных, интересных людей: герои труда, герои войны, ветераны. Они всегда охотно встречаются и разговаривают с нами. Ни один наш свободный вечер не бывает скучным. Очень любят у нас в доме отдыха волейбольные турниры. Не знаем, чьи волейболисты сильнее — наши или в команде взрослых. Но болельщики активны одинаково.

Вот и получается, что утром Гражина Кайревичюте приносит завтрак не просто незнакомой женщине — «отдыхающей», а своей вчерашней веселой собеседнице, с которой проговорила весь вечер, и адресами успела обменяться, и посекретничать. А Райтуидас Капртас убирает комнату капитана проигравшей ему накануне команды. Словом, просто делаешь приятное для своих друзей. И тряпка в руках невольно становится веселой.

Как стать необходимым?

Нужно пойти туда, где ты нужен. Не ждать, пока позовут, не ждать, когда вырастешь. Необходимым можно стать сегодня. Возьмись за ту работу, которую, кроме тебя, некому сделать: на почте, в столовой, в доме отдыха, в детском саду... Везде, везде нужны проворные и добрые человеческие руки.

Рисунки
В. НАГАЕВА.

В. СТЕПАНОВ

Новый день идет

Строги
шаги
часов вечерних.
Строги
шаги,
как у военных.

Часы
в бессменном карауле
за столько лет
не отдохнули.

За шагом
шаг,
за годом
год.
Вниманье!
Новый день идет.

Как нелегко
часам опять
по стойке «Смирно!»
замирать.

Дождь на проводах

Дождинок
круглая вода
висит,
дрожит
на проводах.
Как много их,
прозрачных бус,
как глобус,
голубых.
И я боюсь,
мне будет жаль,
когда они
за шаром шар
сорвутся —
капли дождевые,
похожие
на глобусы земные.

Ведь если
присмотреться к ним,
к таким
прозрачно-голубым,
на каждой капельке найдем
свое окно,
свой сад,
свой дом...

Семь моих цветных карандашей

Этот ветер
выдумали листья:
захотелось им
прошелестеть.

Эти лужи
выдумали тучи,
чтоб с земли
на небо посмотреть.

Это солнце выдумали птицы:
им запеть хотелось
поскорей.

Выдумали радугу
на небе
семь моих
цветных карандашей.

Скажите, пожалуйста!

Спросить бы у лошади,
узнать бы у лошади,
да только ответ
получить нелегко.
Узнать бы у лошади,
спросить бы у лошади:
«Скажите, пожалуйста,
дорогая лошадь,
какое вам время года
нравится больше всего?»

Как здорово было бы
именем этим —
осенним,
весенним,
а может быть, летним —
потом жеребенка
ее называть;
ребенка ее
угощать
и ласкать.

Говорить:
«Зима, Зима,
Мила, мила».

«Весна, Весна!
Молока на».

А может быть, так:
«Лето, Лето,
съешь конфету!»
Или:
«Осень, Осень,
прокати нас,
мы все тебя просим!»

Осень

Ладони сложу,
положу
на них голову
и уплываю
в сны.
Я слышу,
как осень проходит
по городу
под шорохи тишины.

Все тише шаги,
осторожней
у осени
по мостовой.
И листья,
что так на ладони
похожи,
кладет она тоже
один на другой.

Рисунок Ю. РОДИНА.

Ветер в твоих руках

Несколько лет назад в одном из домов, что стоят на берегу Строгинского залива Москвы-реки, начали происходить таинственные события. В доме был подвал, и все окрестные мальчишки считали его своей собственностью. До тех пор, пока какие-то взрослые люди не распорядились им по-своему. Вечерами в подвале стал загораться свет, и было слышно, как кто-то пилит, строгает, забивает гвозди.

Уже через неделю дотошные мальчишки знали: в подвале строят виндсерфер. Но никто не знал, что это такое, даже в энциклопедии не смогли отыскать этого слова. Подгоняемые любопытством, ребята приникали к подвальным окнам, но так и не сумели ничего разузнать. Однажды к спорящей компании подошел мужчина и пригласил всех с собой. Посредине подвала стоял грубо сколоченный стол-верстак, и на нем лежало что-то длинное и изогнутое, красиво сверкая полированными боками. Это «что-то» было похоже и на крыло спортивного самолета и на громадную лыжу. Ясно пока было одно: штука эта «бегает» быстро.

Ребята наперебой стали высказывать предположения. Как только не называли неизвестный предмет: и лодкой, и байдаркой, и каноэ... Но оказалось это «что-то» виндсерфером, или парусной доской. Раз доска «парусная», должны быть парус и мачта. Но их не было. Все объяснилось на берегу залива, куда ребята отнесли виндсерфер по просьбе его хозяина.

Парусная доска оказалась легкой, ее бегом доставили до места. Быстро собрали парус на длинной мачте, и виндсерфер был готов к спуску на воду.

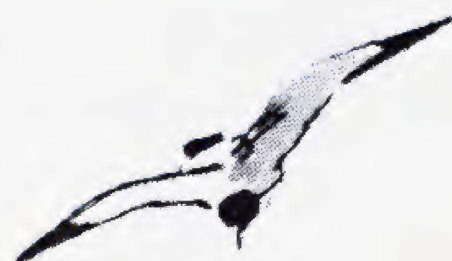
«А где сидеть? А руль где?» — сыпались, как горошины из стручка, вопросы.

Сидеть оказалось негде, надо было стоять. Руля тоже не оказалось. А мачту, чтобы не падала, приходилось держать в руках. Дождавшись порыва ветра, Борис Михайлович вспрыгнул на доску и, ловко управляя парусом, отошел от берега. Доска казалась устойчивой и послушной: куда ни поверни парус, виндсерфер повинуется любому движению. Тем временем на берегу собралась уже целая толпа взрослых и детей.

Тринадцать лет назад на калифорнийском берегу, где родился этот вид спорта, наверное, было не меньше любопытных. Всем интересно было посмотреть на необычный миниатюрный парусник. Он и вправду небольшой: шестьдесят сантиметров в ширину и три метра шестьдесят сантиметров в длину, а весит всего двадцать семь килограммов. Байдарка и то тяжелее! Но на виндсерфере уже пересечен суровый Берингов пролив и бурный туманный Ла-Манш.

Каждый октябрь, когда дуют сильные и устойчивые ветры, в Англии проходит «неделя рекордов». В 1979 году спортсмену-виндсерфингисту Клайву Коллензо удалось достичь на парусной доске скорости 42,48 километра в час. Такая скорость не всегда под силу даже моторной лодке. Конечно, чтобы показать такой темп, ветер должен

быть достаточно сильным. Но, главное, нужно тренироваться. Катание на парусной доске можно назвать парусным атлетизмом: мачту-то спортсмен держит в руках. Чем сильнее он физически, тем легче ему справиться с ветром, наполняющим парус.

Виндсерфинг доступен всем, кто умеет плавать и может дотянуться до гика. Гик на виндсерфере — тот же руль. Дело в том, что мачта на парусной доске гибкая, и спортсмен должен все время держать ее в руках, чтобы парус не упал в воду. Перпендикулярно мачте крепится гик. По форме он напоминает английскую булавку. В середине этой «булавки» и находится парус. Держа в руках гик-«булавку», спортсмен одновременно держит мачту и управляет парусом. Так что не очень-то легко совладать с парусной доской! Первым чемпионом мира по виндсерфингу стал американский мальчик Боби Швейцер. Стал чемпионом в пятнадцать лет! А четырнадцатилетний Роберт Нэш с Гавайских островов трижды добивался этого титула.

В нашей стране новым видом спорта увлеклись не так давно. Но уже многие энтузиасты построили своими руками виндсерферы и соревнуются в умении управлять ими. Четыре года разыгрывается Кубок СССР среди наших спортсменов-виндсерфингистов, а на Московской Олимпиаде было принято решение сделать этот вид спорта олимпийским.

Нет ничего приятнее, чем мчаться, обгоняя катера, по пенной поверхности воды. Для этого нужны ветер, вода и парусная доска. Постройка виндсерфера — дело непростое, но в школьной мастерской под руководством учителя ты вполне можешь с ним справиться. Чертежи и описание конструкции ты найдешь в №№ 6, 7 журнала «Моделист-конструктор» за 1980 год.

Ю. ЗОТОВ,
член технической комиссии при Федерации парусного спорта по виндсерфингу.
Н. ШЕРШАКОВ,
судья по парусному спорту, инструктор по виндсерфингу.

Судейский „светофор"

ГОЛ В СВОИ ВОРОТА

Впервые судейский «светофор» я увидел на Олимпийских играх в Мексике, и он мне очень понравился. Через несколько лет такой же «светофор» появился и в нашем футболе. Если кто-то из игроков нарушает правила, судья достает из кармашка желтую или красную карточку и показывает ее футболисту, который виноват. Держат карточку высоко над головой, чтобы и зрители знали, кто нарушил правила. Желтый цвет — строгое предупреждение, красный — удаление с поля до конца игры.

Может показаться, что удаление — не такое уж страшное наказание. Играют же иногда в меньшинстве и даже порой добиваются успеха! Вы наверняка знаете об одном из таких случаев. На Олимпийских играх в Австралии наша сборная по футболу встречалась с командой болгарских футболистов. Наша команда играла в меньшинстве, вдевятером, да еще Николай Тищенко и Валентин Иванов получили травмы. Правда, они не покинули поля, а продолжали действовать на флангах, заставляя соперников внимательно следить за своей игрой. Встреча окончилась победой сборной СССР. Счет был 2:1. Но обычно бывает иначе. И особенно обидно, когда назначают штрафное время за «грубую» игру. Тогда удаление — как гол в свои ворота.

Вспоминаю чемпионат мира 1966 года, футбольный матч СССР — ФРГ. В начале игры наша команда осталась вдесятером: получил травму Иосиф Сабо. Но советские футболисты достойно продолжали борьбу. И вот один из игроков сборной ФРГ грубо сыграл против Игоря Численко. Наш футболист не ожидал удара. Обернулся, увидел пробегавшего мимо противника и... дал сдачи. Только вместо обидчика попало совсем другому. Судья попросил нашего футболиста покинуть поле. Можно понять Игоря Численко: ему было больно, и он не сумел сдержаться, но наша команда из-за этого осталась вдевятером. И хотя наши футболисты сумели провести в ворота соперника ответный гол, встреча закончилась проигрышем сборной Советского Союза — 1:2.

В разных командных играх разные бывают удаления. В хоккее с мячом, например, игрока наказывают на пять или десять минут. В футболе могут даже дисквалифицировать на несколько матчей. Ну, а в хоккее с шайбой удаление до конца игры — настоящее ЧП и случается очень редко. Чаще всего хоккеист попадает на скамью штрафников на две минуты. Казалось бы, что значат две минуты? Не такое уж продолжительное время, но иногда оно решает исход матча.

В начале этого года в чемпионате СССР по хоккею с шайбой встретились столичные команды «Динамо» и «Спартак». Соперники давние, и встречи между ними всегда проходят в упорной борьбе. Так было и на этот раз. Открыли счет динамовцы, но вскоре спартаковцы провели ответную шайбу. Счет стал 1:1. До конца встречи оставалось ровно три минуты, когда судья удалил с поля на две минуты игрока «Динамо». Тренер спартаковцев Борис Павлович Кулагин использовал промах соперника: на поле вышла лучшая пятерка спартаковских хоккеистов. И добилась успеха. Матч окончился со счетом 2:1 в пользу «Спартака».

Каждый игрок во время матча — большое преимущество. Нелегко, наверное, тому, кто окажется на скамье штрафников: ведь он оставил команду в меньшинстве, поставил своих товарищей в сложнейшее положение. Вот и судите сами, как дорого обходится штрафное время.

«Я живу в большом селе. На нашей улице много ребят, и мы часто собираемся вместе, а летом ходим купаться на речку. Только не все ребята умеют хорошо плавать. Расскажите, пожалуйста, в какие игры можно играть в воде тем, кто плохо плавает».

Света ЗГИННИК, пос. Луганское, Донецкая область.

Наверное, многие ребята хотели бы научиться плавать, а те, кто уже умеет держаться на воде, не прочь научиться плавать смелее и увереннее. Помочь этим ребятам могут специальные игры.

Торпеды

Возьмитесь за руки и присядьте в кружок на дно. Так, чтобы получилась фигура, которая похожа на раскрывшийся цветок. Это начало игры. Когда все будут готовы к старту, нужно посильнее оттолкнуться и постараться как можно дольше скользить по воде. Кто окажется дальше всех от центра «цветка», тот и выиграл.

Морской бой

Это командная игра. В неглубоком месте надо выстроиться в две шеренги лицом друг к другу на расстоянии пяти — семи шагов. Между командами плавают два-три мяча — «мины». Их касаться нельзя: тот, кто нарушает это правило, или тот, кого мяч «осалит», выбывает из игры. Задача каждой из команд в том, чтобы ударами ладоней по воде отогнать мячи в сторону противника. Победителем становится та команда, у которой останется больше игроков..

Если ты любишь запах леса...

Каникулы... Не нужно вставать рано утром и бежать в школу, а после уроков садиться за подготовку домашнего задания. Весь день — твой. Все недели лета — твои: что хочешь, то и делаешь, а не хочешь, так и не делай ничего. Только так, по-моему, скучно жить...

Если ты любишь запах леса, алую россыпь земляники в густой траве и веселые приключения, без которых невозможна жизнь туриста, собирай своих друзей, берите рюкзаки и отправляйтесь в поход. Только не забудьте о «шутке правой ноги». Не знаете, что это такое? Ошибаетесь. Вспомни, сколько раз, когда ты попадал в лес, невольно срывались слова: «А мы здесь уже, кажется, были...» Из-за разницы в развитии ног человек одной ногой, обычно правой, делает шаг длиннее, чем другой. И если видимость плохая, турист может сбиться с верного пути и поневоле пойдет по кругу, радиус которого будет равен 3,5 километра. Поэтому направление маршрута надо обязательно сверять по компасу. Не забудь положить его в рюкзак. А еще не забудь про соль. И не только потому, что без соли получится невкусной походная еда... Если дрова недостаточно сухие, высыпь в костер горсть соли, и он легко загорится. Заодно последи за дымом: завтра возвращаться, и хорошо бы знать прогноз погоды. Когда дым столбом поднимается к небу, бояться дождя не надо, но если он стелется по земле — это признак ненастья.

Правда, и от дождя в походе только весело...

Рисунки Д. БАРАБАША.

Гид по Спортландии Т. ПЕТРОВА.

Эля КУКЛИНА живет в Горьком, учится в шестом классе. Она сочиняет стихи и песни, занимается в обычной школе и в музыкальной. «Кораблик» взял в плавание одно из стихотворений Эли.

Лесное озеро

Озеро, лесное озерцо,
Простоту твою и ясность мне бы!
Отразилось в нем мое лицо
И кусочек утреннего неба.
Удивленно смотрит на меня
Голубое-голубое око.
Ива, ветви к озеру склоня,
Рядом с ним застыла одиноко.
И стоит в тиши она, скорбя,
Словно мать, печалится о сыне.
Не она ль наплакала тебя,
Мой осколок поднебесной сини?
Говорят, часть неба в нем живет.
Нет, ему одной частицы мало.
Весь огромный синий небосвод
Маленькое озеро вобрало.

*

Катя КРЫЛОВА живет в Ленинграде, но стихи сочинила о том, как хорошо летом в степи.

В степи

Легко вскочу в седло,
Помчусь за горизонт.
Вот позади село,
В степи ковыль поет.

Пое[illegible] весне,
О сол[illegible] цветах.
О том, [illegible]шадь мне
Досталась — [illegible]росто страх!

Но я ведь не боюсь!
Лечу! Лечу вперед!
Скачу за горизонт.
В степи ковыль поет.

«Кораблик» уже брал на борт стихи Ксюши ДРАГУНСКОЙ, шестиклассницы из Москвы. Вот новое стихотворение Ксюши.

Лошадь в городе

По улицам Москвы,
По пыльным мостовым
Везет телегу лошадь,
Старая лошадь.

Закутав ноги в плед,
В телеге едет дед,
Шагает тихо лошадь,
Усталая лошадь.

А дети тянут мам:
«Смотри скорей, вон там
Идет живая лошадь!»
Откуда лошадь в городе?
Ей, может, страшно в городе
Одной, среди машин?

Но ты не бойся, слышишь?
Ты любишь жвачку, лошадь?
Прекраснейшая лошадь,
Ты хочешь апельсин?

А старичок в телеге
Качает головой:
«Ах, бедные вы дети,
Ни лошади живой,
Ни воздуха, ни солнца...»

Все причитает дед,
И лошадь уезжает,
А дети смотрят вслед.

Ира СВИСТУНОВА живет в городе Константиновке Донецкой области. Ире 13 лет.

Разговор

— Ты кто?
— Я гном, веселый
гном.
— Ты где живешь?
— В краю лесном.
— Ну как там, гном,
В твоем лесу?
— Там заяц обхитрил
лису.
— А что лиса?
— На зайца злится.
— А заяц что ж?
— Лису боится.
Ты приходи к нам
Завтра в лес.
Увидишь тысячу
Чудес!
— Приду, спасибо.
Где ты, гном?
А гном уж скрылся
За стволом.

*

НА РЕЙДЕ.
Работа
Ивана ЖАЛКО-ТИТАРЕНКО,
киевлянина 13 лет.

ЧЕШСКИЙ НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ.
Работа Наташи ШИШЛОВОЙ. Наташе 13 лет, живет она в Киеве.

Айпеленг КОСИТСИЛЕ 12 лет, она из Южной Африки. Айпеленг пишет серьезные стихи — о борьбе за свободу, о героях. «Кораблик» печатает одно из ее стихотворений в переводе Феликса Бурташова.

Гарриет Табмэн

Гарриет Табмэн родилась давно —
в 1826-м.
Она родилась в семье рабов,
а значит,
тоже была рабом.
С детства бесстрашной она росла,
а в те — ее юные годы —
в ужасном месте она жила,
на плантации братьев Бродас.
И замуж рано вышла она —
за негра по имени Джон.
Он тоже был черным, но в те времена
свободным уже был он.
Она же —
рабыней, слугой среди слуг.
И было ей так тяжело,
что черным казалось ей все вокруг,
когда даже было светло.

И как-то однажды, в осеннюю ночь,
когда все ложились спать,
Гарриет мужу сказала:
— Джон, я хочу убежать.
И вот что ответил тогда ее муж:
— Бежать? Я тебя не пойму.
Но коль убежишь ты, я все расскажу
хозяину твоему.

И Гарриет не убежала тогда,
но много ночей и дней
ему о своих говорила мечтах,
а Джон лишь смеялся над ней.
Наверно, у Джона был птичий мозг —
крошечной величины.
И, конечно, понять он так и не смог
мечты молодой жены.

А ночью глухою, когда Джон спал,
покинула Гарриет дом.
И где она скрылась, никто не знал,
не слышал, не ведал о том.

Но время спустя под родительский кров
пришла она с целью одной:
три сотни таких же бесправных рабов
теперь увести за собой.
Из рабства на волю пришла увести,
на север — к друзьям своим,
чтоб люди свободу могли обрести
и стать наконец людьми.

Я думаю, разные люди они —
Гарриет и этот Джон:
она борьбе отдала свои дни.
А он? Лишь мешал ей он.

Владимир ЖЕЛЕЗНИКОВ,
лауреат Государственной премии СССР

Всего-то несколько дней...

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № № 3, 4, 5, 6.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич проснулся на рассвете, когда на горизонте уже появлялась светло-серая полоска. Точнее, не проснулся, а встал, потому что не спал почти всю ночь.

Он умылся холодной водой, плеская ее большими пригоршнями в лицо, чтобы освежиться. Аккуратно побрился, автоматически надел свой костюм. Потом критически оглядел себя. Да, Ленка права! Какое же на нем все старое — совсем не смотрится. Надо бы переодеться.

Но так как его гардероб был скуден, то он вдруг решил надеть свою старую военную форму. Он достал ее из шкафа, вывесил на балкончик, чтобы получше разглядеть — форма оказалась в полном порядке. Он несколько раз встряхнул ее, почистил щеткой и не поленился пройтись по костюму утюгом.

Орденские планки, которые в три ряда украшали грудь кителя, ему не понравились, от времени они сильно потускнели и стерлись, и это было нехорошо. Он снял их и решил сегодня купить новые.

Потом Николай Николаевич быстро переоделся, суровый и сосредоточенный, сел к столу и что-то долго писал и переписывал. Написанное сложил и спрятал в нагрудный карман.

Только после этого Николай Николаевич заглянул в комнату Ленки. Ее непривычная, стриженая и поэтому такая маленькая и беззащитная голова покойно лежала на белой подушке — она крепко спала.

Николай Николаевич посмотрел на часы: было уже восемь. Он решил, что Ленку будить не стоит, пусть поспит: катер уходил в одиннадцать.

Неужели он уедет отсюда и неужели это все произойдет сегодня!.. Николай Николаевич вдруг заторопился, решительно накинул на плечи свое знаменитое пальто и, неслышно прикрыв двери, вышел из дома.

Через час старый дом Бессольцевых содрогался от сильного и тревожного стука, будто какой-то великан бил по нему огромной кувалдой.

Этот стук разбудил Ленку. Она рывком села на кровати, еще ничего не понимая, повернулась к окну и увидела, как чья-то рука приложила поперек ее окон доску. В комнате сразу стало меньше света. И снова раздался сильный, резко бьющий по голове стук.

Она поняла: дедушка заколачивал свой дом.

Происшествие, так поразившее Ленку, выбросило ее из кровати, и она, как была в ночной рубахе, выскочила на улицу.

Ленка не почувствовала утреннего холода, пронзившего ее тело, и даже не ощутила, что босая ступает по мокрой осенней траве.

Она ничего этого не заметила, потому что глаза ее видели только Николая Николаевича, стоявшего к ней спиной на лестнице-стремянке и заколачивающего окна дома. Как завороженная следила Ленка за его неистовой рукой с топором, которая размеренно ходила туда-сюда и била наотмашь, вколачивая гвозди в старые бревна. Одна за другой доски неумолимо ложились поперек окон.

Ленка подняла голову вверх — все четыре ее любимых балкончика, которые выходили на четыре стороны света, были уже заколочены. Это особенно сильно ее опечалило.

— Дедушка! — крикнула Ленка.— Что ты делаешь?

Николай Николаевич оглянулся, увидел испуганную стриженую Ленку в длинной белой рубахе, босую и какую-то легкую, летящую, в его возбужденном сознании мелькнуло: «Совсем как Машка!» — и крикнул ей:

— Еще гвоздей!

— Ты уезжаешь?.. Со мной? — спросила Ленка, не трогаясь с места.— Ты бросаешь свой дом?!

— Кому говорят — еще гвоздей! — Он так повелительно крикнул, что ее ветром сдуло.— И оденься! Сумасшедшая!

Когда Ленка одевалась, то у нее зуб на зуб не попадал. Нет, не от холода, а оттого, что дедушка решил все бросить и уехать с нею.

Решил бросить свой город!

Свой дом!!

Свои картины!!!

Ленка схватила ящик с гвоздями и поволокла его к дедушке. Николай Николаевич взял

из ящика гвозди и заколотил два последних окна..

Дом Бессольцевых снова оглох и ослеп.

Николай Николаевич, тяжело ступая, слез со стремянки.

Ленка ткнулась ему в грудь и заревела.

Теперь, когда работа была закончена, он как-то протяжно вздохнул — он боялся, у него не будет сил взглянуть на свой заколоченный дом.

— Ну хватит! — сказал Николай Николаевич.— Что мы с тобой, как два дурачка, разревелись у всех на виду. Мы что, хороним кого-нибудь?.. Наоборот — мы живы! Мы живем на полную катушку! Мы совершим еще что-то замечательное!

Потом, наскоро позавтракав, отключили электричество и газ, перекрыли воду в садовой колонке и закрыли все двери на замки. Погрузили два чемодана и мешок яблок на садовую тележку. Сверху Николай Николаевич положил картину, аккуратно завернутую в старое полотенце, вышитое крестом еще бабушкой Колкиной — это была их «Машка». И они пошли на пристань, подгоняемые внутренней тоской, которую оба старались скрыть друг от друга.

— Дедушка,— сказала Ленка, помогая Николаю Николаевичу везти тележку,— ты здорово придумал с «Машкой».— Она схватила картину.— Лучше я ее понесу. Повесим ее на самое видное место. И нам не будет скучно. Посмотрим на Машку и все картины вспомним.— Заглянула ему в глаза: — Правда, дедушка?..

— Правда, Елена! — ответил Николай Николаевич и чему-то рассмеялся.

— А чего ты смеешься? — не поняла Ленка.— Чего радуешься?..

— У меня для этого масса причин,— возбужденно ответил Николай Николаевич.— Сейчас сядем на катер, и я тебе их подробно изложу.

Вот тут-то они и услышали знакомые тревожные крики:

— Держи! Держи-и-и-и!

Следом раздался свист и улюлюканье погони.

Ленка привычно втянула голову в плечи.

Николай Николаевич заметил это и спросил:

— Ты что, опять испугалась? Забыла, какая ты храбрая?..

Ленка кивнула, прислушиваясь к приближающимся крикам.

— А ты не забывай,— строго сказал Николай Николаевич.— Как забыла, так жди неприятностей.

— Я стараюсь,— сказала Ленка.

Она приготовилась к встрече с несокрушимой Железной Кнопкой и ее дружками. А что, если они сейчас устроят ей «почетные проводы», будут кричать на нее «Чучело» на виду у всех пассажиров катера?.. Что тогда? Легкий озноб прошел по ее телу, но все же она собралась и твердо решила, если они это сделают, то она бросится драться. Она не отступит. Нет, не отступит!..

— Подержи, пожалуйста! — Ленка отдала Николаю Николаевичу сверток с картиной и медленно, как-то по-новому откинув голову назад, пошла навстречу приближающимся крикам.

Но затем произошло нечто неожиданное — она увидела бежавшего Димку! А следом за ним во главе с Мироновой и Лохматым вылетел почти весь шестой класс — они гнали Димку! А она испугалась — вот смешно.

Димка бежал неловко, трусцой, как курица с подбитым крылом, прижимаясь к забору, чтобы его меньше было видно, и поминутно оглядывался назад с побелевшим от страха лицом.

Зато у преследователей глаза горели яростным огнем, щеки пылали нервным румянцем людей, которые имели право на подлинный гнев.

Кто-то схватил Димку за руку, кто-то подставил ножку. Он упал, тут же вскочил, вырвался из цепких рук преследователей и побежал дальше, сверкая пятками.

Все шквалом пронеслись мимо Николая Николаевича и Ленки, не замечая их.

— Дедушка,— одними губами произнесла Ленка,— значит, Димка все-таки сознался?..

— Выходит, сознался,— ответил Николай Николаевич.

— А что теперь будет? — спросила Ленка, уставившись на Николая Николаевича испуганными глазами.

— Что будет?.. Теперь они из тебя сделают героя.

— Да?..— Ленка откровенно засмеялась.— Что же мне делать?

— Ну, играй победу! — Николай Николаевич почему-то с грустью и удивлением посмотрел на Ленку.— Ну, торжествуй!

— Я сбегаю,— сказала Ленка,— посмотрю!..

— Не надо, Елена! — попросил Николай Николаевич.— Лежачего не бьют.

— Но я торжествую! — почему-то с вызовом крикнула Ленка.— Я играю победу!

— Елена, подожди! — попытался остановить ее Николай Николаевич.

Но Ленка не послушала его и бросилась следом за ребятами к школе.

Николай же Николаевич неловко потянул тележку, перевернул ее — чемоданы, мешок с яблоками и картина упали. Он быстро поднял тележку, сложил все обратно, откатил ее в сторону, взял картину и заспешил за Ленкой.

Ленка вбежала в класс, когда Димка под натиском ребят, спасаясь от них, взобрался на подоконник.

— Бей его! — заорал Валька и схватил Димку за ногу, чтобы стащить с подоконника.

— Не примазывайся! — с презрением оборвала его Железная Кнопка.— Не суйся к нам со своими грязными руками.

Лохматый саданул Вальку, и тот отскочил в сторону.

А ребята стали медленно наступать на Димку, как когда-то наступали на Ленку.

— Пустите меня! — крикнул он.— А то я...— он беспомощно оглянулся в поисках спасения,— выпрыгну в окно!

— Не выпрыгнешь! — сказала Миронова.— Ножку сломаешь, а это больно.

Димка загнанными глазами посмотрел на Железную Кнопку, весь как-то в отчаянии вытянулся и распахнул окно...

Все: «Ах!» — и отпрянули.

Вот в это время в класс и вбежала Ленка. Никто ее не видел, потому что они все стояли к ней спиной. Все их внимание было приковано к Димке.

— Слезь с окна! — тихо и спокойно произнесла Ленка.

Димка резко оглянулся, увидел Ленку... и спрыгнул с подоконника.

— Наша красавица пришла! — пропела Шмакова, хотя в ее голосе чувствовалась какая-то неуверенность.

Ребята веселой гурьбой окружили Ленку:

— Привет, Чучело!

— Здорово!..

— Наше — вам!..

— Оказывается, ты молодец, Бессольцева! — Лохматый хлопнул Ленку по плечу.

— Разрешите пожать вашу лапку,— паясничал, как всегда, Рыжий, пожимая Ленкину руку.

— Вот хорошо, что ты еще не уехала.— Сама Железная Кнопка, улыбаясь, приближалась к Ленке.— Что же ты нам сразу все не сказала?.. Впрочем, это твое личное дело.

А Димка тем временем сообразил, что все про него забыли, проскользнул по стенке за спинами ребят к двери, взялся за ее ручку, осторожно нажал, чтобы открыть без скрипа и сбежать... Ах, как ему хотелось исчезнуть именно сейчас, пока Ленка не уехала, а потом, а потом, когда она уедет, когда он не будет видеть ее осуждающих глаз, он что-нибудь придумает, обязательно придумает... В последний момент он оглянулся, столкнулся взглядом с Ленкой — и замер.

Он стоял один у стены, опустив глаза.

— Посмотри на него! — сказала Железная Кнопка Ленке. Голос у нее задрожал от негодования.— Даже глаз не может поднять!

— Да, незавидная картинка,— сказал Васильев.— Облез малость.

Ленка медленно приближалась к Димке.

Железная Кнопка шла рядом с Ленкой, говорила ей:

— Я понимаю, тебе трудно... Ты ему верила... Зато теперь увидела его истинное лицо!..

Ленка подошла к Димке вплотную — стоило ей протянуть руку, и она дотронулась бы до его плеча.

— Садани его по роже! — крикнул Лохматый.

Димка резко повернулся к Ленке спиной.

— Я говорила, говорила! — Железная Кнопка была в восторге. Голос ее звучал победно.— Час расплаты никого не минует! Справедливость восторжествовала!.. Да здравствует справедливость! — Она вскочила на парту.— Ре-бя-та!.. Сомову — самый жестокий бойкот!

И все закричали:

— Бойкот! Сомову — бойкот!

Железная Кнопка подняла руку:

— Кто за бойкот?..

И все ребята подняли за нею руки — целый лес рук витал над их головами. А многие так жаждали справедливости, что подняли сразу по две руки.

«Вот и все,— подумала Ленка,— вот Димка и дождался своего конца».

А ребята тянули руки, тянули и окружили Димку и оторвали его от стены, и вот-вот он должен был исчезнуть для Ленки в кольце непроходимого леса рук, собственного ужаса и ее торжества и победы.

Все были за бойкот!

Только одна Ленка не подняла руки.

— А ты? — удивилась Железная Кнопка.

— А я — нет,— просто сказала Ленка и виновато, как прежде, улыбнулась.

— Ты его простила? — спросил потрясенный Васильев.

— Вот дурочка,— сказала Шмакова.— Он же тебя предал!

Ленка стояла у доски, прижавшись стриженым затылком к ее черной холодной поверхности. Ветер прошлого хлестал ее по лицу: «Чу-че-ло-о-о, пре-да-тель!.. Сжечь на костре-е-е-е!»

— Но почему, почему ты против?! — Железной Кнопке хотелось понять, что мешало этой Бессольцевой объявить Димке бойкот: — Именно ты — против. Тебя никогда нельзя понять... Объясни!

— Я была на костре,— ответила Ленка.— И по улице меня гоняли. А я никогда никого не буду гонять... И никогда, никогда не буду травить. Хоть убейте!

— Какая храбрая! — Шмакова зловеще хихикнула: — Одна против всех!

— Раз так, то и Чучелу бойкот! — заорал Валька.— Ату-у-у их! — Он свистнул.

Но свист его погас, потому что никто его не поддержал.

В это время появилась веселая и нарядная Маргарита Ивановна.

— Это что еще за собрание? Вы что, звонка не слышали? — сказала она.— Живо по местам! У меня потрясающая новость...— Маргарита Ивановна заметила Ленку: — Ты еще не уехала? Это прекрасно! — Ее взгляд остановился на Ленкиной стриженой голове.— Ты что, заболела?..

— Она опалила волосы у костра,— сказал Васильев,— и остриглась.

— У костра? — переспросила Маргарита Ивановна.— У какого костра?

Но потрясающая новость, которую Маргарита Ивановна хотела всем сообщить, била в ней ключом, и она сразу забыла или, точнее,

Димка под натиском ребят, спасаясь от них, взобрался на подоконник.

привыкла к тому, что Ленка острижена, потому что опалила волосы у какого-то костра.

— Ребята, ребята! Внимание!..— Она постучала костяшками пальцев по столу, чтобы всех утихомирить.— Внимание!.. Слушайте! — Голос Маргариты Ивановны звенел необыкновенно радостно: — Сейчас нам Лена Бессольцева расскажет потрясающую новость.

— Какую новость? — не поняла Ленка.

— Так ты ничего не знаешь? — удивилась Маргарита Ивановна.— Разве тебе дедушка ничего не сказал? Быть не может!.. Ну, хорошо! Тогда я вам все скажу сама.— Она прошлась между рядами, вернулась к учительскому столу.— Ребята! Я только что узнала, что всем нам хорошо известный Николай Николаевич Бессольцев, дедушка Лены, подарил городу свой дом и коллекцию картин, которую собирали многие поколения Бессольцевых и которая принадлежит кисти их предка, художника, жившего в начале девятнадцатого века!.. Теперь у нас тоже будет городской музей!

— Музей?! — Ленка была потрясена.

— А сколько ему заплатили? — с любопытством спросил Валька.

— Я же объяснила — он это все подарил! — вновь радостно сказала Маргарита Ивановна.

— Даром? Все-все даром?..

— Ну, конечно,— ответила Маргарита Ивановна.

Валька растерялся. Смысл жизни терял для него основу — он хотел заработать много-много денег, он считал это самым большим счастьем, потому что на деньги он купил бы себе автомашину, цветной телевизор, моторную лодку и зажил бы в собственное удовольствие. И вдруг «кто-то», по доброй воле, отказывается от всех своих богатств. От дома, который стоит тысячи. От картин, которые, говорят, стоят «мильён».

И весь класс ахнул. Ребята, конечно, не понимали истинного значения картин, которые Николай Николаевич отдал городу, но знаменитый дом на холме они знали с самого детства. И то, что теперь дом Бессольцевых принадлежит городу, произвело на них ошеломляющее впечатление. Они с восторгом и с

большим удивлением смотрели на Ленку, как на человека, имеющего отношение к чему-то им непонятному, но чудесному.

В классе было так тихо, так бесконечно тихо, что нерешительный стук в дверь прозвучал особенно отчетливо.

— Да, да, войдите! — сказала Маргарита Ивановна.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилась фигура Николая Николаевича. В руке он держал что-то завернутое в полотенце. И весь класс, повинуясь какому-то новому, непонятному чувству, неслышно встал перед Николаем Николаевичем.

— Извините,— сказал он.— Я вынужден прервать вас. Лена, мы опаздываем на катер.

— Товарищ Бессольцев... Николай Николаевич! — Маргарита Ивановна схватила его за руку и втащила в класс.— Это вы?! Входите, пожалуйста.

— Мы уходим, уходим...— сказал Николай Николаевич.— Мы не будем вам мешать.

— Позвольте передать вам...— Маргарита Ивановна разволновалась,— наше восхищение... Вы такой человек! Такой человек!.. Я впервые в жизни встретила такого замечательного человека. Спасибо вам. Честное слово, я сейчас разревусь.

— Извините.— Николай Николаевич был крайне смущен.

«Значит, они уже все узнали,— подумал Николай Николаевич.— Значит, кто-то на хвосте уже разнес эту новость по всему городу». Ему стало радостно и грустно одновременно: ему так хотелось сообщить об этом Ленке самому.

Дело в том, что когда Николай Николаевич отдавал свое заявление по поводу дома и картин в райисполкоме, то там оказалась его старая знакомая, директор местной музыкальной школы. И она краем уха услышала, о чем он говорил, дождалась его в коридоре, подошла к нему и спросила подчеркнуто вежливо и немного витиевато:

— Николай Николаевич, быть может, вы будете столь любезны, что разрешите не делать из вашего заявления тайны?..

Он кивнул, что вроде бы разрешает, потому что увидел, что она очень взволнована, и обрадовался этому. Однако в следующий момент подумал, что лучше ей этого не разрешать, но ее уже не было в коридоре, в одно мгновение она куда-то исчезла.

— Дедушка, ты из-за меня?! — спросила Ленка.— Все картины?! Как же ты будешь жить без них?..

— Не только из-за тебя, хотя и ты сыграла в этом не последнюю роль,— громко и свободно ответил Николай Николаевич. Он сделал непривычно широкий жест рукой и стал вдруг раскованным, легким, праздничным, красивым.— Это давнишняя моя мечта. Вчера она снова посетила меня. И вот...

Николай Николаевич замолчал и долго-долго молчал, так долго, что успел рассмотреть более пристально, чем всегда, лица ребят, которые сидели перед ним и с которыми у него были такие сложные отношения.

Но разве все это имело значение, когда он вышел на такой ясный и простой путь?

Николай Николаевич улыбнулся, нет, не им, а себе, своим мыслям, своей адской жизненной силе, которая билась у него в груди.

Он смотрел на их лица, стараясь заглянуть в глаза, и увидел, что во многих из них бьется пытливая мысль, а у некоторых безразличие, а у иных даже злость и непонимание. Но ведь есть такие, у которых бьется, бьется и пробивается пытливая мысль, и это будет всегда! И вдруг, мгновенно осененный, вдруг понявший, что это необходимо сделать, он поднял над головой картину, по-прежнему завернутую в полотенце, вышитое крестом, и сказал:

— Эта картина мне очень дорога. Тут изображена наша старинная согражданка.— Николай Николаевич строго посмотрел на Маргариту Ивановну.— Она была вашей предшественницей, учительницей русской словесности здесь в городке... сто лет тому назад.— Он улыбнулся: — Не думайте, что это было так уж давно. Она всего лишь моя бабушка...— и добавил просто и тихо: — Эту картину я дарю вашей школе.

— Дедушка! — сказала Ленка в страхе и в немом преклонении перед поступком Николая Николаевича.— Де-ду-шка!

Нет, даже она не могла понять в эту секунду величие своего деда Николая Николаевича Бессольцева.

— Идем! — Николай Николаевич крепко взял Ленку за руку.— Катер нас ждать не будет, хотя, может быть, мы с тобой и стали знаменитыми людьми.

— Я вас провожу,— вдруг объявила Маргарита Ивановна.

— Что вы,— возразил Николай Николаевич,— это лишнее.

Маргарита Ивановна вдруг смутилась и покраснела:

— Заодно провожу и мужа... Он у меня этим же катером уезжает.

И они все трое вышли из класса.

В последний раз мелькнула Ленкина стриженая голова, в последний раз Николай Николаевич сверкнул своими большими заплатками на рукавах пальто, и они исчезли, сопровождаемые полным безмолвием.

— На каких людей мы руки подняли! — нарушил тишину Васильев и тяжело вздохнул: — Э-э-эх!

— Все из-за Сомова! — Лохматый подлетел к Димке, крепко сжав кулаки.

— У-у-у,— понеслось со всех сторон,— Сомо-о-ов!

Одни из них забыли, что они сами тоже гоняли Ленку. Другие забыли, что жили, как будто вся эта история их не касается. Третьи, что хотели заступиться за Ленку, да не успели!.. Каждый, конечно, чувствовал какую-то неловкость перед самим собой, перед другими,

Николай Николаевич поднял картину, по-прежнему завернутую в полотенце, и сказал: — Эту картину я дарю вашей школе.

но в этом трудно признаваться, и все они дружно и единогласно обвиняли одного Сомова.

— Бойкот — Сомову! — крикнула Железная Кнопка.— Голосуем!

Но голосование снова не вышло, потому что в дверь просунулось жизнерадостное и возбужденное лицо Маргариты Ивановны.

— Директор мне разрешил. Я только туда и обратно... А вы здесь сидите тихо.— Она хотела уже исчезнуть, но почему-то спросила: — Да, что это вы кричали про бойкот? Опять?.. Кому? За что?

— Вашему Сомову!.. Вот кому! — Миронова впервые за все время этой борьбы побледнела от волнения.— Он дважды предатель!

— Сомов — предатель?..— Маргарита Ивановна по-прежнему стояла в дверях.— Ничего не понимаю.

— Он рассказывал вам, что мы сбежали в кино? — спросила Миронова.

— Ну, рассказывал.— Маргарита Ивановна улыбнулась. Она подумала про то, что они совсем еще дети, играют в каких-то предателей.

— А мы-то думали, что это сделала Бессольцева!..

— Гоняли ее, били! Смеялись над нею,— сказал Васильев.— А Сомов молчал.

— И вы молчали, Маргарита Ивановна,— вдруг тихо, но внятно и беспощадно произнесла Миронова.

— Я молчала?..— Маргарита Ивановна испуганно посмотрела на Миронову и вошла в класс, прикрыв двери.— Я думала, Сомов вам все рассказал...— Она посмотрела на Димку.— Как же так вышло, Сомов?..

Димка ей ничего не ответил и не поднял головы.

— Ждите, Сомов вам ответит,— сказал Васильев.

— Маргарита Ивановна, скоро катер уйдет! — громко крикнул Валька.— И муж ваш тю-тю!

— Катер?..— спохватилась Маргарита Ивановна.— Подождите! Я быстро, я сейчас...— Она хотела уйти, но почему-то не ушла.— Давайте спокойно разберемся!.. Значит, Сомов все скрыл? Но при чем тут Бессольцева?..

— Потому что она взяла всю вину на себя,— объяснила Миронова.— Она хотела помочь Сомову... А он ее предал!

— Вот почему она меня так ждала,— в ужасе догадалась Маргарита Ивановна.— Она думала, что я вам все расскажу, а я забыла... Все забыла.

Маргарита Ивановна вдруг поняла, что произошла чудовищная история, что Лену Бессольцеву преследовали и били, что та рассчитывала на ее помощь. А она все-все забыла. Это открытие настолько ее потрясло, что она на какое-то время совершенно забыла о ребятах, которые кричали и шумели по поводу Димки Сомова. Собственное ничтожество — вот что занимало ее воображение!..

— Так кто за бойкот? — Миронова в какой раз подняла вверх руку.

— Лично я отваливаю,— неожиданно сказал Рыжий.— Сомова презираю... Когда Попов вчера рассказал нам про Ленку, меня чуть кондрашка не хватила. Но объявлять ему бойкот теперь я не буду... Раз Ленка против, то и я против. Я всегда был как все. Все били, я бил. Потому что я Рыжий и боялся выделиться.— Он почти кричал или почти плакал: голос у него все время срывался.— А теперь — точка! Хоть с утра до ночи орите: «Рыжий»! Я все буду делать по-своему, как считаю нужным.— И впервые, может быть, за всю свою жизнь, освобожденно вздохнул.

Маргарита Ивановна мельком, незаметно взглянула на часы: до отправления катера оставалось десять минут. Она подумала, что ей надо немедленно бежать. Муж будет ее ждать, волноваться, что-нибудь сочинит невероятное, вроде того, что она его разлюбила... А она не могла, не могла уйти!..

— Как же ты все скрыл?..— неожиданно чужим, высоким голосом спросила Маргарита Ивановна.— Как? — Она в гневе схватила его за плечи и сильно встряхнула.— Отвечай! Тебе не удастся отмолчаться. Придется все рассказать!

— А что, я один молчал?..— вырвалось у Димки.— Вон Шмакова и Попов тоже все знали.

Весь класс в один голос выдохнул:

— Как?.. И Шмакова?!

— Ребя...— признался Попов.— Она тоже. Мы вместе с ней под партой сидели.

— И ты молчал? — спросила Миронова у Попова.— Из-за Шмаковой?

— Из-за меня.— Шмакова улыбнулась.

— А другой человек в это время страдал и мучился,— сказал Рыжий.

— А мне было интересно,— ответила Шмакова,— когда же Димочка сознается... А он

Маргарита Ивановна подошла к Мироновой и положила руку на ее вздрагивающее плечо.

юлил... вилял! — Она повернулась к Димке. — А мы с Поповым, между прочим, Димочка, никого не предавали.

Лохматый подскочил к Шмаковой и замахнулся:

— Ух, Шмакова!

Попов бросился на Лохматого и схватил его за руку.

— Поосторожней! — И сказал громко, чтобы все слышали: — Ребята... Она добрая.

— Какая она добрая! — Лохматый оттолкнул Попова, но почему-то не стал с ним драться.

— Ну, не добрая! — зло сказала Шмакова. — На добрых воду возят.

— Она наговаривает на себя, — сказал Попов.

— Не нуждаюсь я в твоей защите, Попик, — сказала Шмакова. — И сидеть я с тобой не хочу. — Она взяла свой портфель. — И вообще я люблю перемену мест, — почти весело, с вызовом пропела она своим обычным голосом. — Сяду я к бедному Димочке, а то его все бросили. — И она села на Ленкино место.

Попов пошел за нею следом, будто он был привязан к ней невидимой веревочкой: куда она, туда и его веревочка тащила. Он дошел до сомовской парты и остановился. Не знал, что делать дальше. Молча стоял над Шмаковой.

— А я хотел быть сильным, — сказал Лохматый и посмотрел на свой кулак. — Думал, останусь в лесу, как отец. И будут меня все бояться. Все Вальки... И все Петьки... Вот и порядок настанет. — Он ткнул себя в лицо кулаком. — Хорошо бы себе морду набить.

— Ребята! — вдруг закричал Попов. — Что же это такое происходит? Шмакова к Сомову села, а он — предатель!..

— Верно, — сказала Миронова. — Бойкот предателю! — Она подняла руку: — Голосую... Кто «за»?..

Никто не последовал ее примеру.

Только Попов поднял руку, подержал, уронил и медленно вернулся на свое место.

— Эх, вы! — Железная Кнопка с презрением посмотрела на класс. — Ну тогда я одна объявляю Сомову бойкот... Самый беспощадный! Вы слышите?.. Я вам покажу, как надо бороться до конца. Никто никогда не уйдет от расплаты!.. Она каждого настигнет, как Сомова! — Голос у Мироновой сорвался, и она заплакала.

— Смотрите, Железная Кнопка плачет, — сказала Шмакова. — Где-то произошло землетрясение.

— Все из-за нее! Из-за нее! — твердила Миронова, вытирая слезы. — Из-за матери моей... Она считает, что каждый может жить, как хочет... и делать, что хочет... И ничего ни с кого не спросится. Лишь бы все было шито-крыто!.. И вы такие же! Все! Все!.. Такие же!..

— Каждый свою выгоду ищет! — радостно крикнул Валька. — Что, неправда?

— А Бессольцевы? — спросил Васильев.

— Бессольцевы!.. — Валька презрительно ухмыльнулся: — Так они же чудики, а мы обыкновенные.

— Это ты обыкновенный?! Или я!.. А может, скажешь, Сомов тоже обыкновенный?.. Мы детки из клетки, — мрачно сказал Рыжий. — Вот кто мы! Нас в зоопарке показывать... За деньги.

Маргарита Ивановна молча слушала ребят. Но чем она больше их слушала, тем ужаснее себя чувствовала — какой же она оказалась глупой, мелкой эгоисткой. Все-все забыла из-за собственного счастья.

Она подошла к Мироновой и положила руку на ее вздрагивающее плечо.

Миронова рывком сбросила руку и жестко сказала:

— А вам... лучше уйти! А то мужа прозеваете.

— Не надо так, — сказала Маргарита Ивановна.

А сама подумала: поделом ей. Что заслужила, то и получила, хотя сама себя тут же поймала на мысли, что она внутренне старается как-то себя оправдать.

На реке раздалась сирена отъезжающего катера. Сирена долетела до класса и несколько секунд вибрировала хриплым гудком.

— Сигнал! — Маргарита Ивановна подошла к окну. — Катер ушел.

Все до единого бросились к окнам.

Только Сомов не шелохнулся.

Они стояли у окон, надеясь в последний раз увидеть катер, на котором уезжала Ленка Бессольцева — чучело огородное, которая так перевернула их жизнь.

Рыжий отошел от окна, взял оставленную Николаем Николаевичем картину, развернул полотенце, и вдруг его лицо невероятно преобразилось, и он яростно закричал:

— Она!.. Она!..

Все невольно оглянулись на него:

— Где?..

— Кто она?..

— Она... Ленка! — Рыжий показал на картину.

— Как две капли, — прошептал Лохматый и заорал: — Чучело!

— Врешь! — сказал Васильев. — Бессольцева!

Да, Машка была очень похожа на Ленку: голова на тонкой шейке, ранний весенний цветок. Вся незащищенная, но какая-то светлая и открытая.

Все молча смотрели на картину.

И тоска, такая отчаянная тоска по человеческой чистоте, по бескорыстной храбрости и благородству все сильнее и сильнее захватила их сердца и требовала выхода. Потому что терпеть больше не было сил.

Рыжий вдруг встал, подошел к доске и крупными печатными неровными буквами, спешащими в разные стороны, написал:

«Чучело, прости нас!»

КОНЕЦ.

ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ

Дорогая редакция «Пионера»! Я читаю журнал не один год, но написать решился впервые. Мне захотелось написать о судьбе моей семьи в судьбе страны.

Старые фотографии в потертых альбомах. На пожелтевших снимках твои бабушки, дедушки, тети, дяди. Это — повесть о жизни семьи. Это — повесть о жизни страны.

Мой прадед Докучаев Кузьма Петрович. Многие тяготы первой мировой войны вынес он. Германская подводная лодка потопила миноносец, на котором служил Кузьма Петрович. Со своим другом он более десяти часов плыл в студеной воде и выжил только благодаря своей силе и выносливости.

На береговой батарее, куда попал прадед после гибели корабля, он примкнул к большевикам, а в 1916 году вступил в РСДРП. После штурма Зимнего дворца прадед, делегат от Балтийского флота на II съезде Советов, видел и слушал В. И. Ленина.

Когда по состоянию здоровья его списали на берег, он в родном своем донском селе устанавливал Советскую власть, вовлекал крестьян в первые колхозы. Вместе с другими коммунистами боролся против белых атаманов. В него не раз стреляли, хотели похитить, пытались убить. Но он до конца жизни бесстрашно выполнял свой долг коммуниста.

Мой дед Колотилин Петр Дмитриевич тоже не остался в стороне от кипучей жизни страны. В начале тридцатых годов он служил на границе с Ираном, охранял священную землю молодой Советской страны. В Великую Отечественную, несмотря на постоянные просьбы об отправке на фронт, его оставили на заводе. И он делал магазины к автоматам ППШ и системы для «катюш», которые были нужны армии как воздух, как хлеб. За свой трудовой подвиг он был награжден четырьмя медалями.

Отец пошел по стопам деда. Работает, не жалея себя, на заводе. Скоро наступит очередь принимать эстафету и нам. Хочется, чтобы отец верил, что она перейдет в надежные руки.

Андриан КОЛОТИЛИН,
7-й класс, 186-я школа, г. Москва.

ДИНАСТИЯ ЧАБАНОВ

Я хочу рассказать о нашей семейной династии чабанов колхоза имени Фрунзе, о нас, Байгускаровых.

С малых лет мой дедушка Юмагужа Давлетович остался сиротой и был батраком у своего старшего родного брата. В первую мировую войну дедушка был призван в армию, а когда началась гражданская война, вместе с другими солдатами перешел на сторону Советов. И с тех пор, как установилась Советская власть и появился колхоз, они с бабушкой Гульямал трудились в колхозе имени Фрунзе. Добились больших успехов. Но началась Великая Отечественная война, дедушку призвали в армию, а когда он вернулся, то надо было восстанавливать хозяйство.

Правление колхоза имени Фрунзе поручило дедушке работать на овцеферме. Мой дедушка со своими детьми Рабигой и Асманъяром стали чабанами. Втроем они ухаживали за всеми колхозными овцами. Маленький Ражан после учебы тоже помогал им.

Семья Байгускаровых трудилась отлично. От 100 овцематок они получали 125—130 ягнят. Колхоз награждал их всегда за работу. Старший сын деда Исмаил тоже чабан. Недавно, в День Победы, ему вместе с другими фронтовиками вручили памятный подарок. Получая награду, дядя Исмаил Юмагужович сказал: «Служу Советскому Союзу!» Моя тетя Рабига Юмагужовна — член КПСС. Она награждена грамотами, медалями. Мой отец Асманъяр Юмагужович, тоже коммунист, за хорошую работу в овцеводстве его награждают почетными грамотами и ценными подарками. И дядя Ражан Юмагужович трудится чабаном в колхозе. И дети моих родных тоже все работают в нашем колхозе.

И вот я думаю: почему так? Да потому, что отцовское трудолюбие, отцовское отношение к делу становятся образцом для детей и внуков. Колхоз благодарил раньше дедушку за хорошую работу, теперь благодарит его детей и внуков.

Наша трудовая династия внесла свой вклад в то, чтобы жизнь в нашей Советской стране становилась лучше день ото дня. И мы понимаем, что мечту наших дедов нам нести дальше, как эстафету, от сына к внуку...

Резеда БАЙГУСКАРОВА,
6-й класс, с. Акъяр, Башкирская АССР.

Ведет
журналист-
международник
Павел ГРИГОРЬЕВ

Залог победы — в единстве

Я договорился встретиться с Брайном Бантингом, одним из руководителей Южно-Африканской компартии, редактором журнала «Африкен Коммьюнист», и потому искал глазами негра, похожего на Поля Робсона. Неожиданно ко мне подошел среднего роста пожилой человек с европейскими и даже славянскими чертами лица.

— Нет ничего удивительного,— объяснил Бантинг.— Моя мать — русская...

История его семьи похожа на эпизод из романа Луи Буссенара «Капитан Сорви-голова». Начало нынешнего столетия. Англо-бурская война. Британский юноша приезжает добровольцем в Южную Африку. Он думает, что сражается за «добрую старую Англию», но на самом деле — за интересы монополистов-колонизаторов. В это же время в Южную Африку приезжает русская девушка. Она становится санитаркой, чтобы помогать «несчастным бурам», но на самом деле — голландским империалистам. В конце концов истина открывается им обоим. Они видят, каково приходится коренным африканцам, попавшим между английским и голландским империализмом, как между двумя жерновами. И оба они разочаровываются в деле, ради которого оставили свой дом и примчались сюда. В это самое время англичанина ранят, берут в плен. В лазарете за ним ухаживает русская медсестра. После женитьбы они решают остаться здесь навсегда.

Потом родители Бантинга заинтересовались марксизмом, были организаторами первых рабочих кружков. В 1921 году отец стал одним из основателей Компартии ЮАР. И теперь сын продолжает его дело.

В труднейших условиях работают сейчас южноафриканские коммунисты. По расистским законам ЮАР их можно бросать в тюрьмы без суда и следствия, подвергать самым жестоким пыткам. Коммунисты были вынуждены уйти в глубокое подполье. Но с каждым днем нарастает борьба южноафриканских рабочих за свои права, набирает силы национально-освободительное движение. Даже дети борются против расовой дискриминации в школах. И задача коммунистов — объединить все эти силы в единой борьбе против расистов.

— Залог нашей победы — в сплочении белых и черных,— говорит Бантинг.— Конечно, самые тяжелые схватки еще впереди. Но у коммунистов ЮАР большой опыт борьбы. Они живут в старейшей на континенте индустриальной стране с самым развитым отрядом рабочего класса. Русская революция победила и выстояла — одна во враждебном мире. С нашей революцией будут солидарны все страны социализма!

МАРШРУТАМИ ДРУЖБЫ

«Алло! Скажите, что с моим сердцем?»

Группа геологов пробирается под палящим солнцем пустыни. Дышать нечем, песок жжет, за плечами тяжелые рюкзаки... Не каждый перенесет такое напряжение. Может не выдержать сердце. Но люди уверенно идут вперед. Они знают, что в далеком городе, за сотни и сотни километров от этого ада, врачи внимательно следят за состоянием их здоровья. На привале радист выходит на связь с медиками, врачи по радио слушают биение сердца каждого из участников экспедиции. Его принимают на электрокардиограф и тут же расшифровывают на электронно-вычислительной машине. ЭВМ запоминает все данные о каждом геологе с первого дня пути, постоянно сравнивает их и сигнализирует о малейших изменениях в работе сердца. Поэтому, хотя в экспедиции нет врача, ее участники спокойны.

Другой пример. Родители на работе, ты в школе, дома осталась бабушка. И вдруг она почувствовала себя нехорошо. Правда, не настолько, чтобы вызывать «Скорую», но похоже, что сердце все-таки поша-

ливает. Надо его проверить. Бабушка набирает нужный номер и прикладывает телефонную трубку к левой стороне груди. Через минуту-другую голос врача в трубке дает подробный отчет. Но на самом деле это не врач, а ЭВМ...

Сегодня это похоже на научную фантастику. Но завтра такие заочные обследования по радио и телефону станут для нас таким же обыкновенным делом, как посещение районной поликлиники. Над созданием аппаратуры для таких обследований сейчас успешно работают советские и венгерские ученые. Наши взяли на себя теоретические разработки и все математические расчеты, а венгерские коллеги создают приборы. На заводе «Видеотон» они сделали экспериментальную электронно-вычислительную машину, которую советские и венгерские специалисты научили читать ленту электрокардиографа не хуже опытного врача.

Скоро каждый из нас сможет снять телефонную трубку и сказать: «Алло, скажите, пожалуйста, что у меня с сердцем?» Впрочем, пусть это нам никогда не понадобится.

ТВОЙ РОВЕСНИК ЗА РУБЕЖОМ

«Учитель, не задавайте мне на дом уроков!»

Со слезами на глазах школьница просила не давать ей домашнего задания. Оказалось, что после занятий она подрабатывает: до ночи заполняет медицинские карты в частной клинике. Вместе с ней работают еще три школьника. Всем четверым хозяин сказал, что это экзамен и что он возьмет на работу лишь одного из них, самого прилежного.

В ФРГ такая работа называется «пробной». Хозяин берет мальчика или девочку якобы на испытательный срок (он может быть очень долгим) и заставляет работать как взрослых, только бесплатно.

Комиссия министерства образования узнала о таком случае: один мальчик заболел и пять дней не ходил на занятия. На самом же деле он работал неподалеку от школы на стройке — боялся, что хозяин выгонит.

Сейчас в ФРГ работает более 300 тысяч детей. Из них только маленьких газетчиков насчитывается до 70 тысяч. 100 тысяч мальчиков и девочек батрачат на фермах, 30 тысяч работают в торговле и на транспорте, 20 тысяч трудятся в промышленности, 10 тысяч прислуживают в закусочных и таскают грязное белье в прачечных.

Они получают гроши. Хозяева не разрешают научиться хорошей профессии. А родители маленьких батраков помалкивают. Ведь они либо безработные, либо зарабатывают так мало, что несколько марок сына или дочери уже подспорье для семьи.

«Академия» для убийц

Здесь учат убивать: убивать пулей, ножом, дубинкой, голыми руками...

«Академия Чэпмена» — так невинно называется это лесное место в самой глуши американского штата Миссури. На просторной поляне выстроен длинный деревянный барак. В нем оборудована выставка всевозможного пехотного вооружения, коллекция боевых ножей и целая библиотека книжонок с интригующими названиями «Секреты современной борьбы с применением холодного оружия», «Взрывчатка для диверсий» и другие.

В «Академии Чэпмена» готовят наемников.

«Наставники» не теряют времени. Майк Уильямс по кличке «Злодей» обучает стрельбе из винтовки М-16 по мишеням, изображающим советских солдат и иранского лидера аятоллу Хомейни. Джон Донован по кличке «Динамит» инструктирует подрывников, Брюс Девилл занимается с парашютистами... Все они когда-то служили в американской армии. На совести каждого — кровь мирных жителей Индокитая, Африки или Латинской Америки, которых они в свое время по приказу Пентагона «спасали» от коммунистов. И вот теперь эти головорезы обучают наемников. Шеф школы — бывший офицер «зеленых беретов» Боб Браун.

В «Академию Чэпмена» собирается самое отребье американского общества, все те, кто за доллары готов убивать кого угодно и где угодно. Именно для них Боб Браун издает журнал «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). Браун печатает статьи, призывающие к борьбе с «коммунистической угрозой», репортажи из стран, где душат

Бывает, что курсанты «академии» уходят на практику на двух ногах, а возвращаются на одной. Но жажда наживы сильнее страха: выпускники «академии» готовы драться.

свободу, убивают и мучают патриотов. Есть в журнале и рекламный отдел с такими объявлениями: «Бывший наемник ищет «грязную» работу, связанную с высокой степенью риска. Владею всеми видами стрелкового оружия, эксперт по диверсиям, опытный телохранитель. Место и срок найма не имеют значения».

По таким объявлениям самозваный полковник Кэллан набирал себе людей для вторжения в Анголу. Правда, контракт его головорезов закончился смертным приговором суда Народной Республики Анголы.

Но жажда долларов превышает страх. Поэтому кое-кто из студентов «академии» еще не так давно воевал на стороне расистского режима Яна Смита в Родезии. Кто-нибудь уже подписал выгодный контракт с сальвадорской хунтой или с теми, кто готовит вторжение в Никарагуа. Молодчики Брауна знают, что, пока американские монополии будут смотреть на мир как на «сферу своих жизненных интересов», «грязной», опасной, но в то же время выгодной работы у них будет достаточно.

Генерал Пентагона говорит:
— Уж не думают ли они, что мы можем одновременно покупать новые танки и кормить этих заморышей?!

Эскимосам вернули каяк

Семнадцатилетний англичанин Майк Мэдден и три его товарища по байдарочному спорту решили доказать канадским эскимосам, что современный каяк из стекловолокна ничем не хуже их традиционного, сшитого из звериных шкур. А для охоты он даже лучше моторных лодок, которые своим грохотом распугивают дичь и рыбу, да еще отравляют прибрежные воды.

— Убедить эскимосов вернуться к каякам? — смеялись журналисты.— Да это все равно, что продавать им холодильники!

Когда-то действительно эскимос садился в свою байдарку-каяк чуть ли не из колыбели. Вся жизнь его проходила в охоте на воде. Но потом появились моторные лодки. На них можно уплывать далеко от дома, в места, где дичь непуганая. Но теперь лодок становится все больше, а дичи все меньше...

Чтобы показать все достоинства современного каяка из стекловолокна, ребята выбрали одну из опаснейших бухт канадского побережья — Фробишер-бей. Летом и зимой она забита паковым льдом и окутана туманами. Но ребята доказали, что на современных каяках можно ловко пробираться между айсбергами. Хотя и рискованно. Майка Мэддена чуть не раздавили две ледяные горы, между которыми трое его друзей успели проскочить.

Через какой-нибудь час охоты байдарочники притащили на буксире двух убитых моржей. Встречавшие их на берегу эскимосы уважительно кивали головами и говорили, что на моторной лодке, конечно же, невозможно так быстро и незаметно подкрасться к добыче.

Свои каяки и формы для их изготовления ребята оставили эскимосам. Они уехали полные надежд, что теперь эскимосы снова вернутся к своим традиционным лодкам и это облегчит им жизнь в трудных условиях Севера.

Если в конце XX века можно продолжать изобретать велосипед, то почему бы не изобрести снова эскимосскую байдарку-каяк?!

Морис КАРЕМ

Солдаты

Деревянный солдат
Ест шоколад,
Оловянный солдат
Ест мармелад,
А железный солдат
Ест рафинад,
А пластмассовый —
Марципан и цукат...
Но всамделишный солдат,
Если пушки гремят,
По дорогам фронтовым
Глотает пыль и дым.

Я хочу

— Я в твоем саду подрасти хочу,—
Говорит мне береза.
— И я хочу,
Но куда мне тебя посадить, береза?

— Я в твоем саду поиграть хочу,—
Говорит мне зайчонок.
— И я хочу,
Но куда мне тебя отпустить, зайчонок?

— Я в твоем саду полежать хочу,—
Говорит мне дорога.
— И я хочу,
Но куда мне тебя положить, дорога?

Ведь совсем невелик сад у меня:
Розовый куст и три муравья —
Вот и все его населенье.
Ползут муравьи вдоль-поперек,
А куст мне дарит белый цветок
Каждое воскресенье.

Серый день

Целый день сегодня серы
Тучи в небе, крыши, скверы,

И домишки из фанеры
Стали серы, как пещеры.

Листья серы, гнезда серы,
И колодцы, и вольеры,

И коровы, и пантеры
Бесконечно серы, серы.

Неужели так без меры
Все вокруг сегодня серы?

Нет! Вдали, где тучи серы,
Где исчезли крыши, скверы,

На пустом холме, одна,
Расцветает бузина!..

Ветер летит за мотыльком

Ветер летит за цветным мотыльком,
А мотылек — за весенним ручьем,
И за форелью стремится ручей
Быстро промчаться среди камышей.

Хочет форель обмануть мотылька:
Тихо таится на дне ручейка.
Хочет форель обмануть мотылек:
Тихо таится, присев на цветок.

Шепот и шорох — с утра до утра:
Шепчется с тучей большая гора,
Шепчется туча с далекой зарей,
Шепчутся зори с высокой горой.

Шепчется птица, под небом паря,
С тучей, зарей и горою. А я,
Как ручеек, пробираясь в камыш,
Слушаю шепот их.
Слышите?..
Ш-ш-ш...

Черный котенок

У меня есть котенок —
Он черный, бедняжка.
Вы скажете:
В угле он спал, замарашка!
Нет, нет!
Мой котенок
Был черным с пеленок,
Таким он родился, мой черный котенок:
От ушей до хвоста —
Одна чернота!

Вот
Какой
У меня котенок!
Он черный-пречерный
И злой, как чертенок.
Но утром,
Когда он спросонок мурлычет
И мордочкой теплой в ладошку мне тычет,
Я знаю, что нет никого
Нежнее его!

А дом мой взлетает иногда...

А дом мой взлетает иногда,
Когда наступает вечерний мрак,
На такую огромную высоту,
Что с земли его не увидеть никак.
За собой он тянет шуршащий сад,
И сад колышется над землей,
Словно ветром сорванный шарф
И размотанный за спиной.
И удивленная сирень
Вслед ему пускается в путь,
Хрупкие свои лепестки
Внезапно роняя на Млечный Путь.
Потом, напевая, взлетает вверх
Улица, как большая звезда,
И прозрачные липы летят,
Как положено, в два ряда...
А прохожие ходят внизу
И никак не могут понять:
То ли сильней застучали сердца,
То ли птицы стали кричать?

Перевел с французского
Михаил ЯСНОВ.

Мой воздушный змей

Мой воздушный, легкий змей,
Унеси меня скорей!

Я хочу подняться ввысь
И кружиться, словно лист,
И, как птица, унестись
К морю, в дальний край.

Мой воздушный, легкий змей,
Унеси меня скорей!

Всю я землю облечу
И спущусь, где захочу,
Хоровод я заверчу
Там, где май.

Унеси меня скорей,
Мой воздушный, легкий змей!

Загадки

Что без тела, но со смехом?
Это эхо!
Кто пчелы живой коснется?
Это солнце!
Что быстрее всех на свете?
Это ветер!
Что не слышно, как идет?
Это время-тихоход.
Что горит, а пепла нет?
Это свет!
Кто без лесенки взберется?
Это дым, что кверху вьется!
Кто любимый, добрый самый?
Это мама!

Голубое

Голубое! Таким было все мое детство,
Голубыми были поля по соседству
Льна.
Голубые! Такими были веснушки
Незабудок. Посеяла их на опушке
Луна.
А еще была такой голубою,
Когда мы в нее бросались гурьбою,
Река,
Голубая, светилась она, казалось,
Когда в нее рывком опускалась
Рука.
Голубой! Всего лишь одно мгновенье
Был таким перелив оперенья
У сизаря.
Как хотел, как мечтал я найти тогда слово,
Чтобы выразить тот перелив голубого,
Но зря.
Голубыми были анютины глазки,
Голубыми были старые сказки
Тогда.
Голубым я набил мои чемоданы
И уехал показывать в дальние страны —
Сюда.
Но самый мой голубой, драгоценный,
Когда, садясь у стола, как у сцены,
Семья
Буханку серого хлеба делила,
И мать голубую скатерть стелила,
Смеясь.

Перевела с французского
Елена ГУЛЫГА.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Какие животные живут в Австралии?

Ученик. Там живут сумчатые медведи какао.

Женя Петрунин,
г. Калуга.

* * *

Учительница. Для чего кактусу колючки?

Ученик. Чтобы не подпускать к себе верблюдов.

О. Софронов.

* * *

Учитель. Расскажи о рельефе Африки.

Ученик. Рельеф Африки очень жаркий.

Света Сергеева
и Наташа Бугрова,
г. Горький.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Придумай какое-нибудь предложение с фразеологическим оборотом.

Ученик. Я долго делал из мухи слона.

Сергей А.,
с. Н. Тимерсяны,
Ульяновская область.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Расскажи, что написал Фонвизин.

Ученица. Он написал много кинокомедий.

Ира Завьялова
и Света Облатко,
с. Лазо, Приморский край.

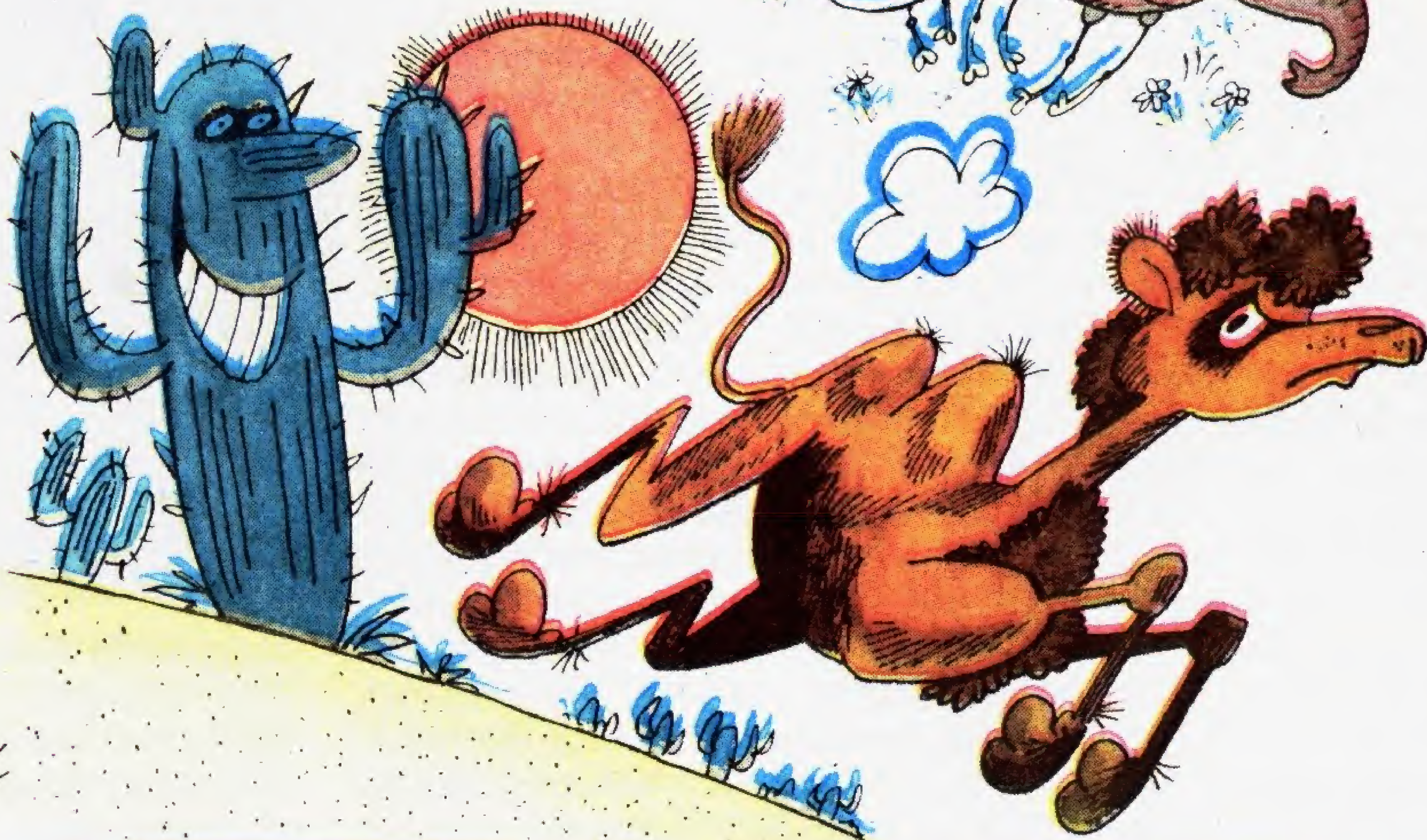
НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учительница. В каком движении находятся молекулы?

Ученица. В непрерывном и безобразном.

Н. Ростова,
г. Оренбург.

Из школьных сочинений

«Ветер, гнавший большие тучи, был остановлен».
«Со своими товарищами я учусь в школе и во дворе».
«На стене висела дикорастущая тарелка».
«Когда жарко, можно нырнуть в реку и сидеть долго, пока не позовут».
«Он повернулся и оторопел: перед ним, сидя на коне, стоял Тарас Бульба».
«Мальчики шли дружно и шлепали носами по лужам».
«Летчик махнул крыльями и обогнул шоссе».
«Мальчик смотрел в пустую даль».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Садовая-Самотечная, полдень

С. БОГАТЫРЕВА

Сюда надо приходить днем, лучше всего — в полдень, когда солнце высоко стоит в небе. Тогда ты увидишь их всех.

Стрелка еле-еле ползет к цифре 12. Когда ждешь, последняя минута всегда самая долгая. И вдруг — все-таки это будет вдруг, неожиданно — железный петух под крышей медленно-медленно повернется. Вытянет шею. Раскроет клюв. Да ка-а-ак запоет! Звонко-звонко, громко-громко, радостно-радостно, настоящим живым петушиным голосом! Услышат его «ку-ка-ре-ку» автобусы и троллейбусы на Садовой улице. Услышат жители соседних домов. Услышат пешеходы в подземном переходе. И все, кому нужно, поглядят на свои часы: по петушиному пению издавна в деревнях узнавали время, а теперь в центре Москвы по этому петуху проверяют часы. Петушок помолчит-помолчит, да как кукарекнет снова! А потом — в третий раз. И тут начнется самое интересное. Откроются одна за другой дверцы и оттуда выглянут старые наши знакомые: Медведь, Лиса, Филин, Кот, Обезьяна... Каждый покажется, сыграет или станцует, что умеет, а потом спрячется в свой домик и дверь прикроет изнутри. Тихо станет на улице перед театром. Разбредется в разные стороны толпа. Здесь в 12 часов — всякий день толпа: малыши с мамами и бабушками, ребята постарше, что не в школе в это время, взрослые люди и непременно хоть один автобус с туристами из других городов или из дальних стран. Вот смотри, два негритенка из такого автобуса сами в пляс пустились от восторга: очень уж им понравилось. Центральный театр кукол — достопримечательность столицы, ее ни один приезжий не минует.

Здание театра — большое, даже строгое на вид, а все равно напоминает сказочный терем-теремок, в котором дружно жили разные звери. Тут они тоже живут и тоже дружно: только что мы с тобой некоторых из них видели. Только мало мы видели: одни часы, а они тут — вроде картинки на обложке интересной книги, так и манят заглянуть внутрь.

В сказочный терем-теремок хорошо бы войти по-сказочному. Давай поверим, что в руках у нас волшебная лампа Алладина из прекрасного спектакля, который в этом театре идет уже больше сорока лет... Или шапка-невидимка из нового спектакля для взрослых — «Дракон»... Или, как в сказке «По щучьему велению»,— эту сказку тут играют сорок пять лет и показали почти три тысячи раз,— нам достаточно сказать шесть волшебных слов, чтобы исполнилось желание. А желание наше немудреное, да трудное: войти в высокие двери театра и увидеть там как можно больше.

Под шапкой-невидимкой

Что ж, входи. Только чур — уговор: ничего не трогать, никому не мешать, смотреть во все глаза и запоминать крепко-накрепко. Здесь ничего случайного, неважного не увидишь. Здесь все к месту, все нужно, все тебе по росту, все тебе интересно. Потому что ты, юный зритель,— самый желанный здесь гость и очень уважаемый человек.

С чего начнем? С самого знакомого — с золотых рыбок, которых и ты, может быть, пробуешь разводить. Важно скользят они в бассейнах и за стеклами просторных аквариумов. Ловят солнышко ярким своим оперением, таращат круглые глаза. Эта поводит прозрачным, светлым, как фата у невесты, хвостом, та шевелит яркими, как крылья бабочки, плавниками. Золотая, почти красная рыбка ткнулась носом в песок, подняла подводное облачко, что-то тащит, носом подталкивает. Смотри-ка, она денежку нашла! Да их тут полно — копейки, двушки, пятаки!.. Знаешь такой обычай: если хочешь вернуться к полюбившемуся морю, на прощание брось в волны монету? Уходя из Центрального театра кукол, зрители бросают монеты в аквариумы и бассейны — чтобы прийти сюда еще раз.

Вдруг за спиной запел кто-то, длинную трель пустил, с коленцами и переливами. Обернешься — а тут новые чудеса! Клетки с певчими птицами, словно огромные звонкие плоды, свисают с ветвей загадочного дерева без коры и листьев. Здешние канарейки — розовый Марсик, оранжевый Рубин, серенький Гумик, лимонно-желтые Кузя и Димка и самый старший из них, Лапик,— настоящие теат-

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ральные птицы: без публики поют неохотно. Зато когда в фойе народ, их не остановишь. Артисту нужен зритель, слушатель, чтобы в полную меру показать свой талант. Даже под шапкой-невидимкой от щедрого, голосистого Феликса ты не скроешься: он угадал гостя, спел для тебя.

А теперь шагнем в строгую тишину музея. Вот где глаза-то разбегаются! Куклы из соломы, из дерева, картона, кожи, меха, из ниток... Куклы-перчатки, куклы-марионетки, куклы на тростях... Куклы с острова Явы, куклы из Англии, Чехословакии, Японии, Индии, Китая, маски с Тибета. Не знаешь, на что и смотреть: уставишься на Рыцаря, итальянца в сверкающих латах, а краем глаза приметишь грозного Пирата в черной шляпе. Подбежишь к Пирату, да остановишься на полпути, не в силах пройти мимо славного вязаного Тигра. Переведешь взгляд на Эгле — Королеву Ужей, а тебя пугают Кащей Бессмертный и Баба Яга, злые да невезучие. Смело шагай мимо них к пушистому Винни-Пуху с пуговичными глазами, полюбуйся мягким серым Осликом из Испании, улыбнись простодушному меховому Кенгуру — этот прискакал в наши края из Австралии. А глазастика узнаешь? Ну конечно же, младенец Тяпа из знаменитого номера Сергея Владимировича Образцова!

Не забудь: в этом необыкновенном музее все экспонаты живые. Перед тобой не только прекрасные создания рук художника. Перед тобой собрание ветеранов сцены. Все они актеры, все играли на сцене и еще сегодня могут играть. Есть тут и куклы, которые воевали на фронтах, смешили солдат и командиров нашей армии; вон та, например, востроносый Гитлер с косой челочкой...

А тут постоим подольше. За стеклом большой непонятный ящик. «Шарманка И. А. Зайцева»,— сообщает надпись.

За тысячу верст на шарманке играть

Ты знаешь, наверное, что искусство кукол — одно из самых древних. Оно знакомо народам разных стран. В наших краях издавна ходили по дворам и базарам, собирали народ бродячие актеры с куклой Петрушкой. Их так и звали «петрушечниками». С собою носили артисты, кроме кукол, складную ширму и большой музыкальный ящик — шарманку, она умела играть несколько незатейливых мелодий. В музее театра кукол хранится шарманка Ивана Афиногеновича Зайцева. Он и его жена Анна Дмитриевна Триганова были замечательными, может быть, последними актерами народного кукольного театра.

Зайцевской шарманке и пришлось однажды сойти с витрины «поработать».

Лет десять тому назад в Центральном театре кукол появился старик огромного роста, рябой, веселый и шумный. Он громогласно потребовал, чтобы ему тут же дали в руки шарманку: он к ней в гости приехал. Из Сибири! Дали ему шарманку. А он — ругаться: не настроена, мол, хрипит, фальшивит. И предложил тут же: давайте исправлю.

Звали его Петром Яковлевичем Любаевым, было ему в ту пору под семьдесят. В молодости он, настоящий «петрушечник», ходил по базарам Средней Азии с шарманкой и ширмой, фокусы показывал. Его собственная шарманка давно развалилась, а тут он прослышал, что есть одна такая же в музее театра кукол, собрался и поехал в Москву.

Петр Яковлевич разобрал шарманку, где надо, почистил, где надо, подклеил, потом — не без труда, правда,— снова собрал, настроил. Даже выступил несколько раз перед актерами и перед ребятами. То-то радости было!

Антракт

Вдруг девочка появилась в фойе. Прямо на тебя смотрит, но — спасибо шапке-невидимке! — не замечает.

— Сейчас,— говорит кому-то,— Катя, антракт будет, ребята набегут.— Тут щелкнул выключатель, осветился музей ярче, и стало видно: стоит там еще девчушка поменьше, из первого или второго класса, и нос морщит презрительно. Говорит:

— Зачем им музей, мелкоте такой? Дошколята...

— Напрасно ты, Катя, так рассуждаешь,— по-

правляет старшая.— Пускай приучаются. Наше с тобой дело показать музей и смотреть за порядком.

У девочек на рукавах повязки: дежурные, видно. Вот счастливые люди: никакой шапки-невидимки не требуется, они здесь как свои. Девочки эти — школьницы, занимаются в кружке при театре: там учат мастерить театральных кукол и управлять ими. Ребята сами сочиняют нехитрые спектакли, сами их разыгрывают. Еще учатся водить экскурсии по театру, в антрактах следят, чтобы никто не бросал крошек в аквариумы, не пугал рыбок, не качал клетки с птицами.

Распахнулись двери, выбежали ребята — веселые, счастливые, хохочут, вспоминают, что видели: антракт начался в малом зале. Загляни-ка в малый зал, вон он какой, уютный да веселый! Стулья там разных цветов, и билеты туда продают тоже разноцветные: какой стул, того же цвета и билет. Искать свое место легче. В этом зале играют спектакли для самых младших зрителей.

В большой, главный зал мы не пойдем — там сейчас нет спектакля. Если тебе приходилось тут бывать, ты, конечно, помнишь, как все здорово устроено. Когда надо, куклы-актеры появляются не только на сцене, а еще и в окошках, звук слышится сверху и снизу, справа и слева — как требуется по спектаклю.

И наверх, на третий и четвертый этажи, мы с тобой не пойдем, зрителям туда нельзя ходить: там работают те, кто сделал этот театр одним из самых прекрасных в мире. Не будем им мешать.

На третьем этаже — радио- и электробудки, отсюда управляют светом и звуком во время спектакля. Там же комнаты оркестра, монтировщиков сцены. На четвертом — мастерские, где делают кукол. На четвертом этаже работают научные сотрудники и педагоги. На четвертом этаже кабинет Сергея Владимировича Образцова. А поблизости хранятся куклы, декорации, реквизит. Вот сюда придется заглянуть: пора нам вернуть шапку-невидимку — ей ведь в спектаклях играть.

Хочу куклу!

Ты придешь домой и попросишь, чтобы тебе купили куклу.

— Куклу?— изумится мама и рассмеется папа.— В пятом классе — куклу?!

Это — если ты девочка. А если парень, так ахам и охам конца не будет. Придется объяснять, что кукла тебе нужна не простая, а театральная. Что ты не в куклы играть собираешься. Ты хочешь куклу научить играть.

Что будет дальше с тобой, трудно сказать. Но зато можно сказать, что было с одним мальчиком после того, как мама купила ему куклу-перчатку. Это случилось давно, больше семидесяти лет тому назад, но об этом часто вспоминают до сих пор в серьезных книгах и в ученых статьях. Потому что мальчика звали Сергеем Образцовым, а имя Сергея Владимировича Образцова известно теперь во всем мире.

Без Сергея Образцова не было бы самого большого в мире театра кукол. Но без этого театра, наверное, и Сергей Образцов был бы чуточку иным, не тем, которого мы знаем. Говорить о них порознь вообще невозможно. И даже с днем рождения мы поздравляем их вместе: Сергею Владимировичу Образцову в этом месяце исполняется восемьдесят лет, театру в сентябре минет пятьдесят.

Они встретились полвека назад, и это решило судьбу обоих. Образцов был тогда актером взрослого драматического театра. Он умел делать театральных кукол — учился этому во ВХУТЕМАСе, Высших художественно-театральных мастерских, выступал в концертах с ширмой и куклами. Скрывшись за ширмой, Образцов пел романс или арию, а на ширме руки с куклами разыгрывали то, о чем пел голос. Получался целый спектакль. У актера-кукольника возможностей больше, чем у певца: руки могут слушаться голоса, изображать все так, как в романсе. А могут с ним спорить: романс печальный, а сценка выходит смешная, даже насмешливая. Был у Образцова номер — по стихотворению В. Маяковского,— в котором он выходил без куклы. Актерами становились сами его руки, только шарики-головки надевал он на указательные пальцы.

Образцов сделал открытие: руки актера могут воплощать поступки, переживания, отношения лю-

дей. Рука актера не только тело куклы, она становится душой куклы.

К сентябрю 1931 года у Сергея Образцова были прекрасные номера для взрослых. И была, пока еще негромкая, известность. Но сотрудников у него тогда не было. А у коллектива кукольников при Центральном доме художественного воспитания детей был энтузиазм и горячее желание ставить спектакли не для взрослых, а для ребят.

Образцов и кукольники познакомились и стали работать вместе. Рука с шариком на указательном пальце — рука актера, которая сама стала актером, с тех пор служит им гербом.

В театре кукол, решили они, надо показывать то, что показать в «человеческом» театре невозможно. Ну, как изобразишь там чудеса? Как покажешь питона Каа и всех остальных говорящих друзей Маугли? Сергей Образцов всегда любил животных, а в обычном театре показать их нелегко. Зато в кукольном невозможного нет.

Чудес и зверей больше всего в сказках, их волшебный и мудрый мир будто создан для кукольного театра. Сказок всегда много в репертуаре театра: народные сказки, сказки Пушкина, Ершова, Перро, сказки Корнея Чуковского, Шварца, Маршака, Олеши...

В театре кукол говорят, что они играют «для всех возрастов, кроме грудного». Но для каждого возраста свои спектакли. Тем, кому пять или шесть лет, показывают только веселое, без драк, погонь, нападений. Для тех, кто постарше и ходит в школу, играют «Буратино», «Маугли», «Трех толстяков», «Сказку о царе Салтане». Смотреть эти спектакли интересно, потому что там много чего случается, бывает страшно, бывает и грустно, но ты веришь, что все хорошо кончится, и все действительно кончается хорошо: «плохих концов» в спектакле для детей этот театр не признает.

А для взрослых ставят спектакли сатирические — насмешливые, смешные и в то же время серьезные. Вот подрастешь, увидишь и, конечно, полюбишь их.

Полвека — долгая жизнь и для человека и для театра. Было у театра младенчество, потом — годы учения и, как в каждой жизни,— годы размышлений: каким стать. Было время испытаний: в самом начале Великой Отечественной войны зрительный зал театра разрушила бомба. Но спектакли шли по-прежнему: актеры и куклы выступали на фронтах, в госпиталях, в тыловых городах и селах. Было веселое новоселье: одиннадцать лет назад театр переехал в новое здание и первый спектакль 1970 года сыграл для строителей, в их честь.

Сейчас у театра счастливое время зрелости. Все у них получается отлично. Наверное, потому, что они знают, кому и что хотят сказать каждым спектаклем; потому, что они талантливые и трудолюбивые люди. И еще потому, что не останавливаются, пока сами не увидят: хорошо вышло! «Кончать надо на удаче»,— говорит Сергей Образцов.

Образцов — это Образцов

Перечень его должностей и званий занимает чуть ли не страницу: Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, директор и художественный руководитель Государственного ордена Трудового Красного Знамени Центрального театра кукол, президент международной организации кукольников УНИМА...

Перечень его умений и увлечений еще длиннее.

Сергей Образцов — это не только театр, не только концертные номера с куклами. Он прекрасный писатель, автор чудесных книг для взрослых. А в издательстве «Малыш» скоро выйдет книга для маленьких, которую он не только написал, но и нарисовал всю, от первой страницы до последней.

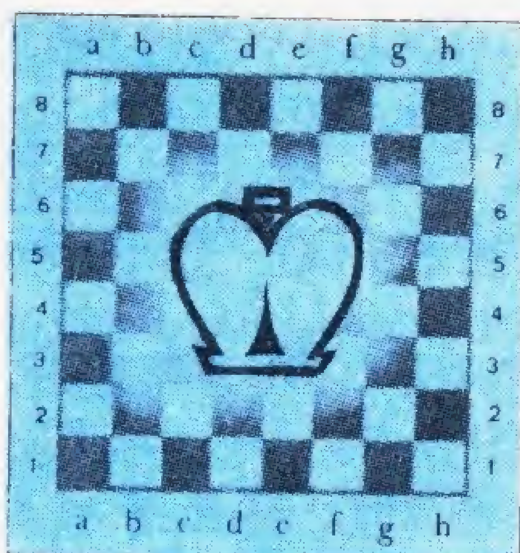
Сергей Образцов — создатель нескольких фильмов. Наверное, ты видел один из них: «Удивительное рядом» или «Кому он нужен, этот Васька»...

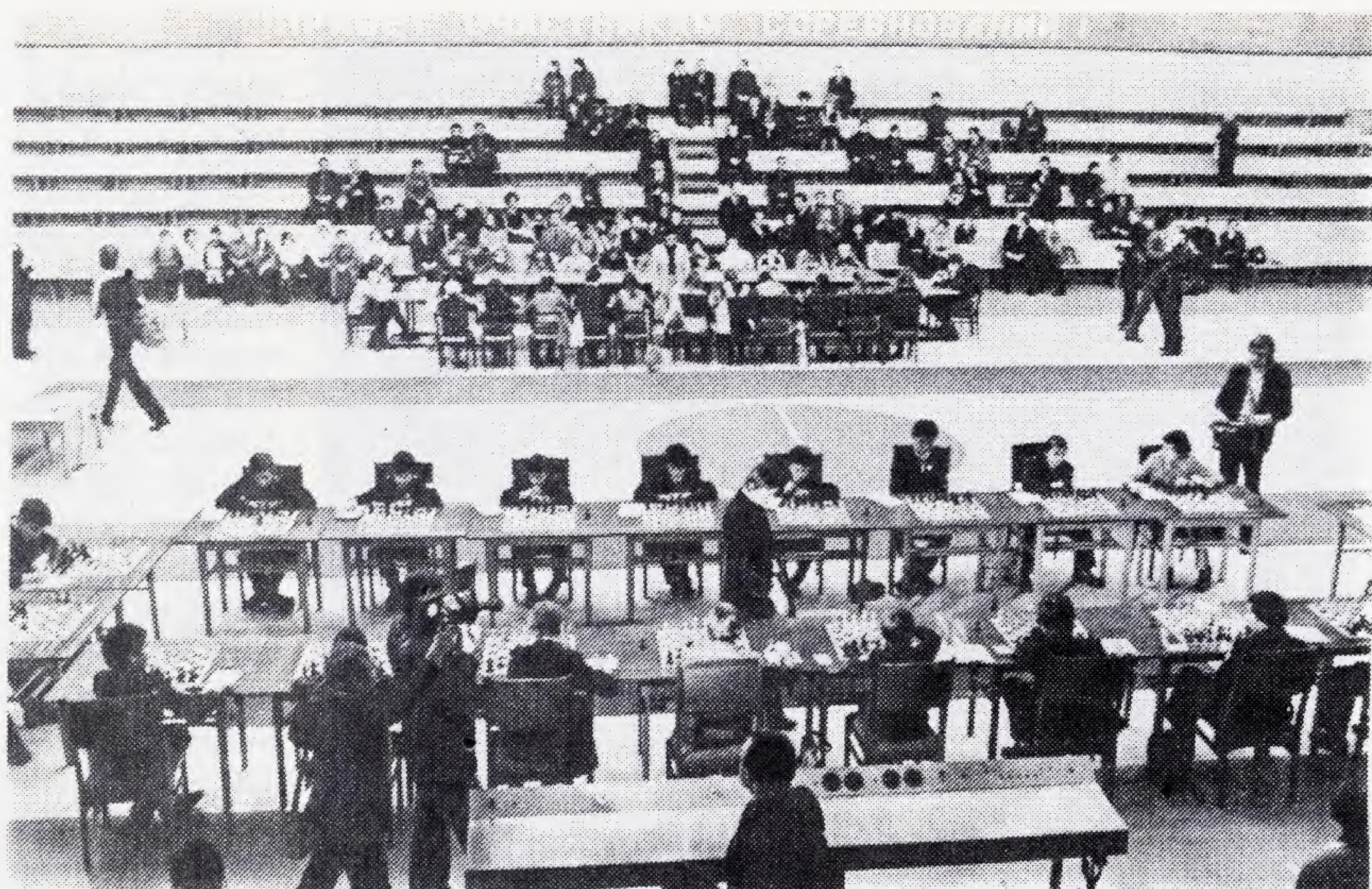
Он знает толк в птицах и рыбах — вот откуда великолепие в фойе театра. На Птичьем рынке его уважают как понимающего человека. Когда поднималось новое здание театра, Сергей Владимирович принимал участие в строительстве с начала и до конца.

Каким-то образом он все успевает, и у него все получается...

С днем рождения, Сергей Владимирович!

С днем рождения, Центральный театр кукол!

Более миллиона участников

По всей стране прошли турниры клуба «Белая ладья». Команды пионерских дружин ведут упорную и трудную борьбу за почетные призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала. По предварительным данным, более миллиона мальчиков и девочек приняли участие в этих соревнованиях.

Вот два из полученных нами сообщений.

В республиканском первенстве Татарии победу одержала команда пионерской дружины школы № 5 рабочего поселка Уруссу Бавлинского района, набравшая 24 очка из 25 возможных. Только на пол-очка отстала вышедшая на второе место команда школы № 39 Бауманского района города Казани.

В тульском областном турнире выступили двадцать лучших команд из различных городов и районов. Отлично играли ребята из школы № 20 г. Донского. В составе команды-чемпиона — второразрядники Алик Меньшиков, Володя Терехов, Эдик Чурляев, Дима Зарытовский, Света Щитова.

Уверенно вела поединки Света, она выиграла все девять партий областного первенства.

Играют лучшие шахматисты страны

В честь XXVI съезда КПСС в Москве прошли матчи четырех сборных команд Советского Союза. Среди участников были чемпионы мира А. Карпов и М. Чибурданидзе, экс-чемпионы мира Т. Петросян, В. Смыслов, Б. Спасский, М. Таль, все лучшие наши гроссмейстеры.

Победила первая сборная, возглавляемая А. Карповым.

После матчей гроссмейстеры провели сеансы одновременной игры с юными любителями шахмат из столичных школ и Подмосковья. Проходили эти сеансы в спортивном комплексе ЦСКА.

Чемпион мира потерпел одно поражение. Победить Анатолия Карпова удалось ученику седьмого класса спортинтерната № 9 Вячеславу Сысоеву.

И другие участники команды одерживали победу за победой. Недаром их команда на семь очков опередила занявших второе место ребят из новомосковской школы № 1.

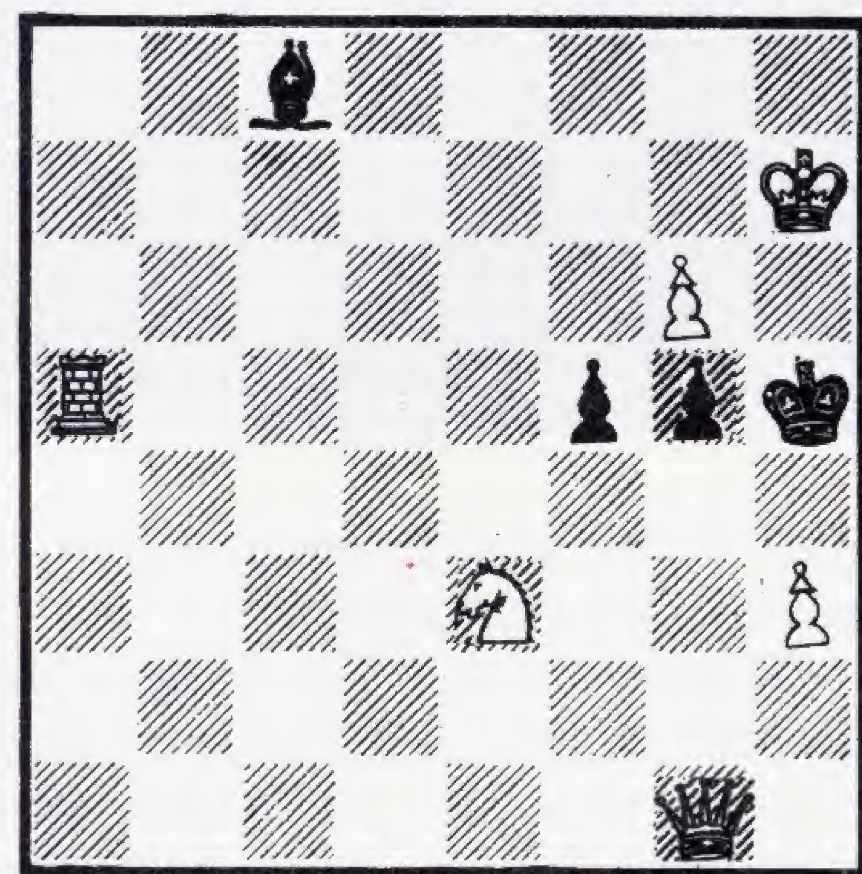
Финальный турнир клуба «Белая ладья» проводится в городе Первомайске Николаевской области. Конечно, он соберет очень сильный состав. Победу будут оспаривать команды всех союзных республик, Москвы и Ленинграда.

На снимках сеансы одновременной игры А. Карпова и М. Чибурданидзе.

А это самая юная участница сеанса с М. Чибурданидзе: Оля Комарова — ученица третьего класса 922-й столичной школы.

Из творчества ребят

Многие ребята составляют интересные задачи и этюды. В этом номере журнала мы помещаем задачу ученика бакинской школы № 20 **Александра Рустамова.**

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в два хода.

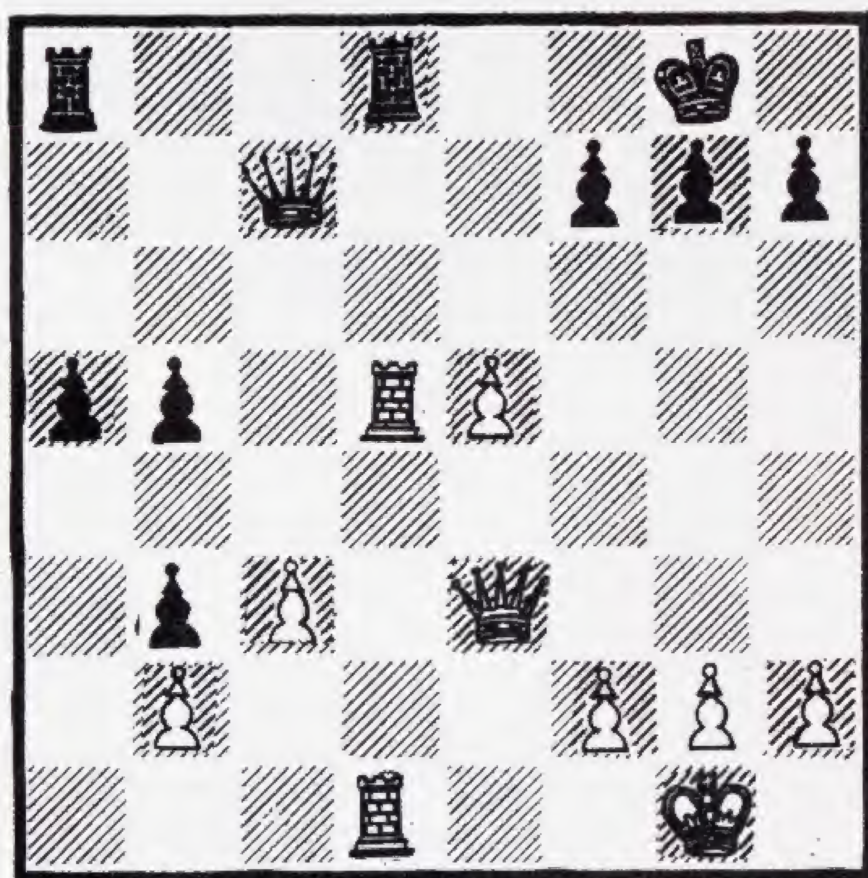
Азбука Пешкина

«Несколько раз встречал в примечаниях к партиям такое слово — «форточка». Что называют «форточкой» в шахматах?»

Такое письмо прислал Пешкину московский школьник **Андрей Шевцов.**

«Форточкой» принято называть предоставление королю возможности при необходимости уйти с первой или с последней горизонтали после рокировки. «Форточку» открывает продвижение одной из пешек, прикрывающих короля.

К этому положению пришла партия международных мастеров Н. Минича (Болгария) и К. Хонфи (Венгрия). Обратите внимание: «форточек» нет ни у белого, ни у черного королей. Сейчас ход белых, и они красиво использовали это обстоятельство.

В партии было: 1. Фе3—а7, и черным пришлось капитулировать. Почему?

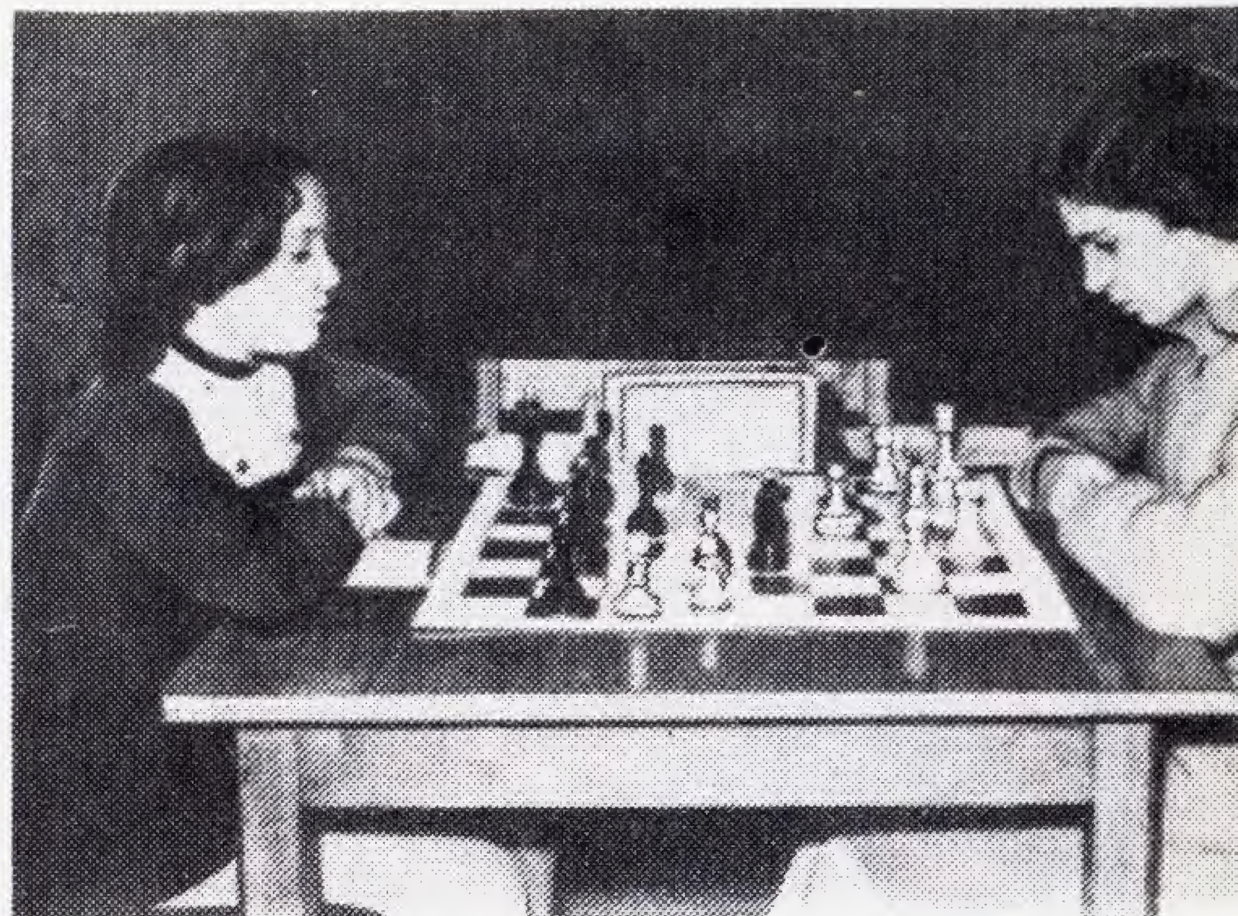
Подумайте об этом, проверьте варианты 1... Лd8 : d5 и 1... Лd8—c8.

Советует Майя Чибурданидзе

«Я, когда проигрываю, очень расстраиваюсь,— пишет саратовская школьница **Наташа Овчинникова,**— иногда даже плачу. Спроси, пожалуйста, Пешкин, Майю Чибурданидзе, много ли партий она проигрывала, когда была маленькой, как относилась к проигрышам».

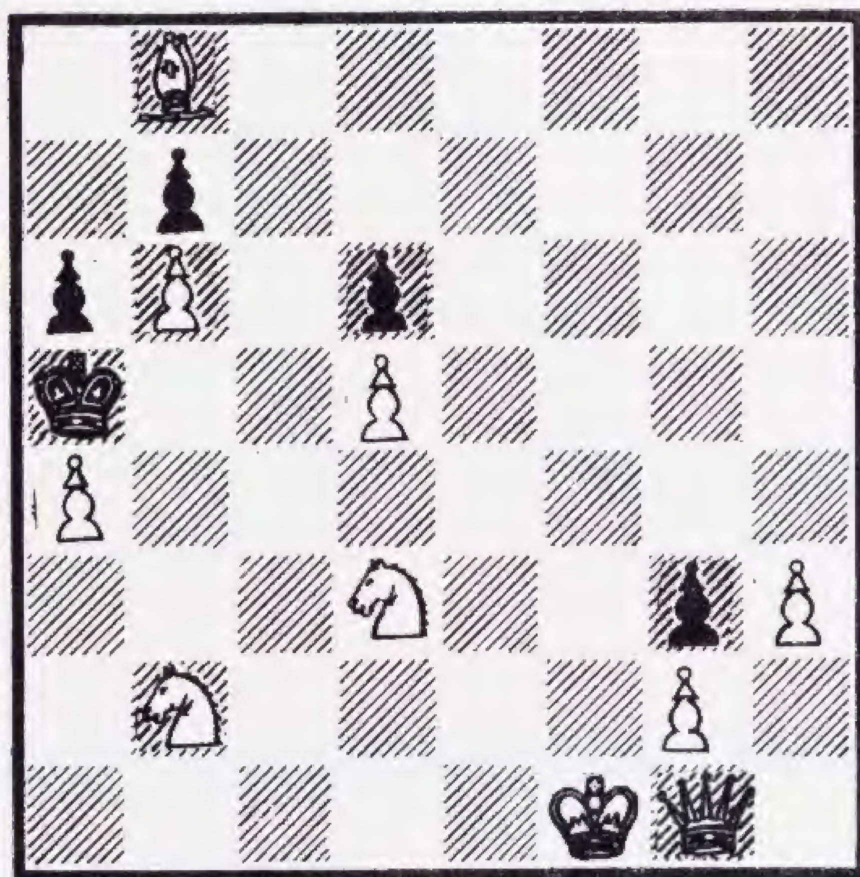
«Конечно, я и проигрывала много и огорчалась очень,— сказала чемпионка мира.— Но надо только понять, что без проигрышей не научишься побеждать. Многие ребята делают большую ошибку, каждую неудачу объясняют разными случайностями. А ведь надо не искать оправданий для себя, а делать полезные выводы. Каждую проигранную партию советую внимательно разбирать, находить свои ошибки, чтобы больше их не повторять».

На этом редком снимке, который мы помещаем, вы видите маленькую Майю на одном из первых в ее жизни турниров (г. Кутаиси, 1970 г.). Майе было тогда девять лет.

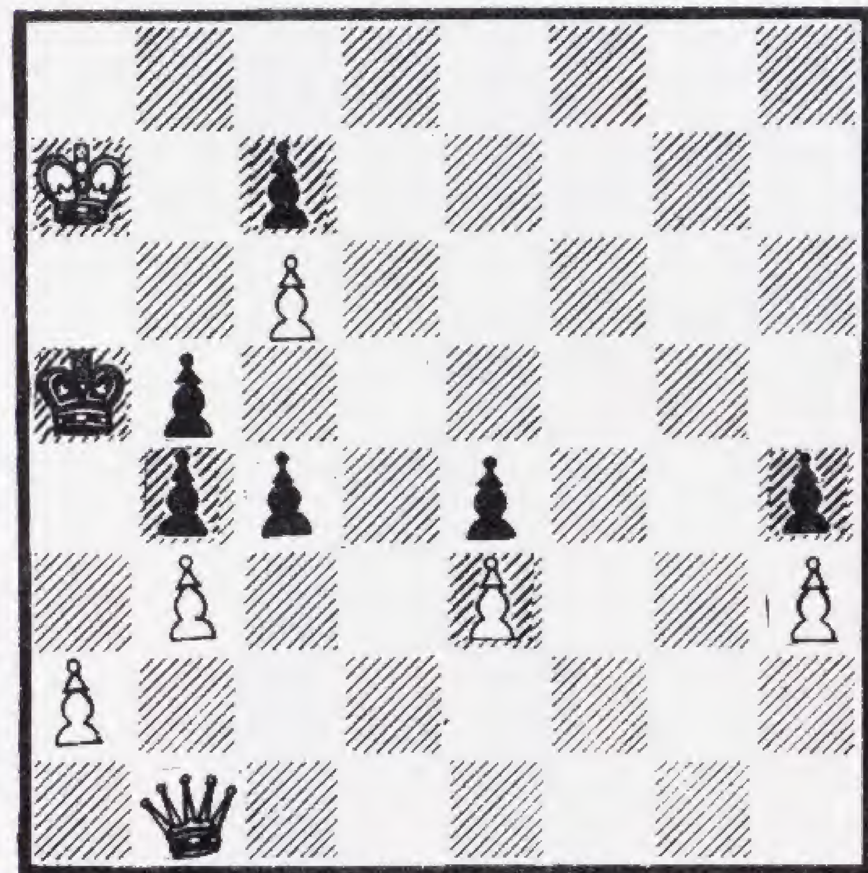

Наш конкурс

Продолжаем наше заочное соревнование. Предлагаем вам, ребята, найти решения следующих двух заданий.

Интересный маневр позволяет белым дать мат в два хода. Задание это нетрудное, но остроумное, и Пешкин уверен, что оно вам понравится.

А эта задача уже намного труднее. Белые дают здесь мат в три хода.

Пешкин ждет ваших решений, ребята.

Фотографии **В. КУТЫРЕВА.**

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

На берегу Олень-реки

Индейцы Ази, Биг, Вики
И длинноногий Гили
На берегу Олень-реки
Устроить кросс решили.
Старт был у камня, где родник,
А финиш там, где сети.
Прошу, запомните, что Биг
Не первый и не третий.
В таблице Ази от Вики
Два места отделили.
(Ура, Вики!) На две строки
Биг выше встал, чем Гили.
Теперь прошу карандашом
Скорей вооружиться.
Подумать надо хорошо,
И сложится таблица.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

ЯДОВИТАЯ ЗАДАЧА

Игры Лупы и Пинцета

Совсем не пара пустяков
(Предупреждаем вас!)
Змею составить из кусков —
Орлиный нужен глаз!
А также вы должны учесть,
Сражаясь со змеёй:
Один кусок здесь лишний есть,
Подумайте, какой?

Игры деда Буквоеда

Бирюльки

СБНИЛЕГБДИРОГЬ

дед Буквоед подсказывает

ДЛАЯЙТЕКАЛ
Прогони собаку, не тревожа птицу,
МАИДСПРАНИИИЯД
Со страной расстанься, но оставь столицу,
КАГРВОЗАДИСЬКА
Где цветок, где рыба, отыскать попробуй,
НКИКВЕАЛЬС
Выплесни напиток, а металл не трогай,
СММАСОРОЛЁДИННОКА
Гриб клади в корзину, ягоду в лукошко,
ПАКНЕТДЕРЫА
Разберись, где обувь, где большая кошка,
БРБУОСЬКСЯ
Отыщи вид спорта и снаряд спортивный,
КФРУВЕШИГАНТ
Где сосуд из глины? Где корабль старинный?
КСОАМОБСВРАЛА
От змеи опасной отдели машину,
БТРЕЛИТКАОН
Кто грызет орехи? Кто зарылся в тину?
СГРЕРЕАДКЛА
Здесь герой античный спрятан в дне недели,
ПЧЕАНАСЫЛ
Что над школьной дверью? Что в твоем портфеле?

Таинственный замок

Ежик запер теремок
На таинственный замок.
Тайну ты постичь намерен?
Способ есть совсем простой:
Потрудись узор на двери
Обвести одной чертой!
Как сумел ты сделать это?
С нетерпеньем жду ответа.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Гласные — неясные! — 1—О; 2—У; 3—И; 4—Е; 5—А.

Про утенка

Нарисованный кружок
Раздели наискосок.
Поверни слегка бумажку,
Рисовать начни ромашку.
Двух довольно лепестков,
Вот они — и клюв готов.
План дальнейший очень прост.
Снизу лапы, сбоку — хвост.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Коллекция марок Факира состоит из 18 штук.

Диплом имени Кассиля — Марии Павловне Прилежаевой

Однажды лауреата Государственной премии РСФСР, члена редколлегии журнала «Пионер» Марию Павловну Прилежаеву спросили: «Как сложилась ваша жизнь?» Писательница ответила: «В жизни моей не было подвигов, была обыкновенная жизнь, в которой немало испытано потерь и лишений, горестей и утрат, но больше было счастья, настоящего человеческого счастья. Я не была комсомолкой, довольно поздно вступила в партию, а между тем содержание, смысл, радость и значение моего существования — все связано с революцией, дано революцией».

Эти слова замечательной писательницы, книги которой давно стоят на «золотой полке» советской детской литературы, перекликаются со словами большого друга «Пионера» писателя-бойца Аркадия Петровича Гайдара — «обыкновенная биография в необыкновенное время». М. П. Прилежаева тоже жила в необыкновенное время, когда наша страна вступала в первые пятилетки, сражалась с фашистами, восстанавливала разрушенные города и села. И сегодня семимильными шагами идет к намеченной Лениным цели. Все эти годы М. П. Прилежаеву можно было видеть на ударных комсомольских стройках, среди пионеров и комсомольцев. Ее слово о времени, о жизни, о Ленине звучало и со страниц «Пионера». Больше двадцати пяти лет М. П. Прилежаева связана крепкой дружбой с «Пионером». Многие ее повести впервые были опубликованы на страницах нашего журнала. А книга «Жизнь Ленина» стала настольной для миллионов наших читателей. За большую дружбу с журналом «Пионер», за ее замечательные статьи на страницах нашего журнала М. П. Прилежаева награждена Дипломом имени Л. А. Кассиля. При вручении премии были ее друзья-писатели: С. П. Алексеев, В. Л. Разумневич, В. А. Морозова, И. И. Стрелкова, В. К. Железников, В. Т. Коржиков, А. Л. Ампелонов.

Мы сердечно поздравляем большого друга советской детворы с наградой журнала «Пионер».

Фотография Н. КОЧНЕВА.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Горят тимуровские звезды. — Рисунок А. Борисова.

●

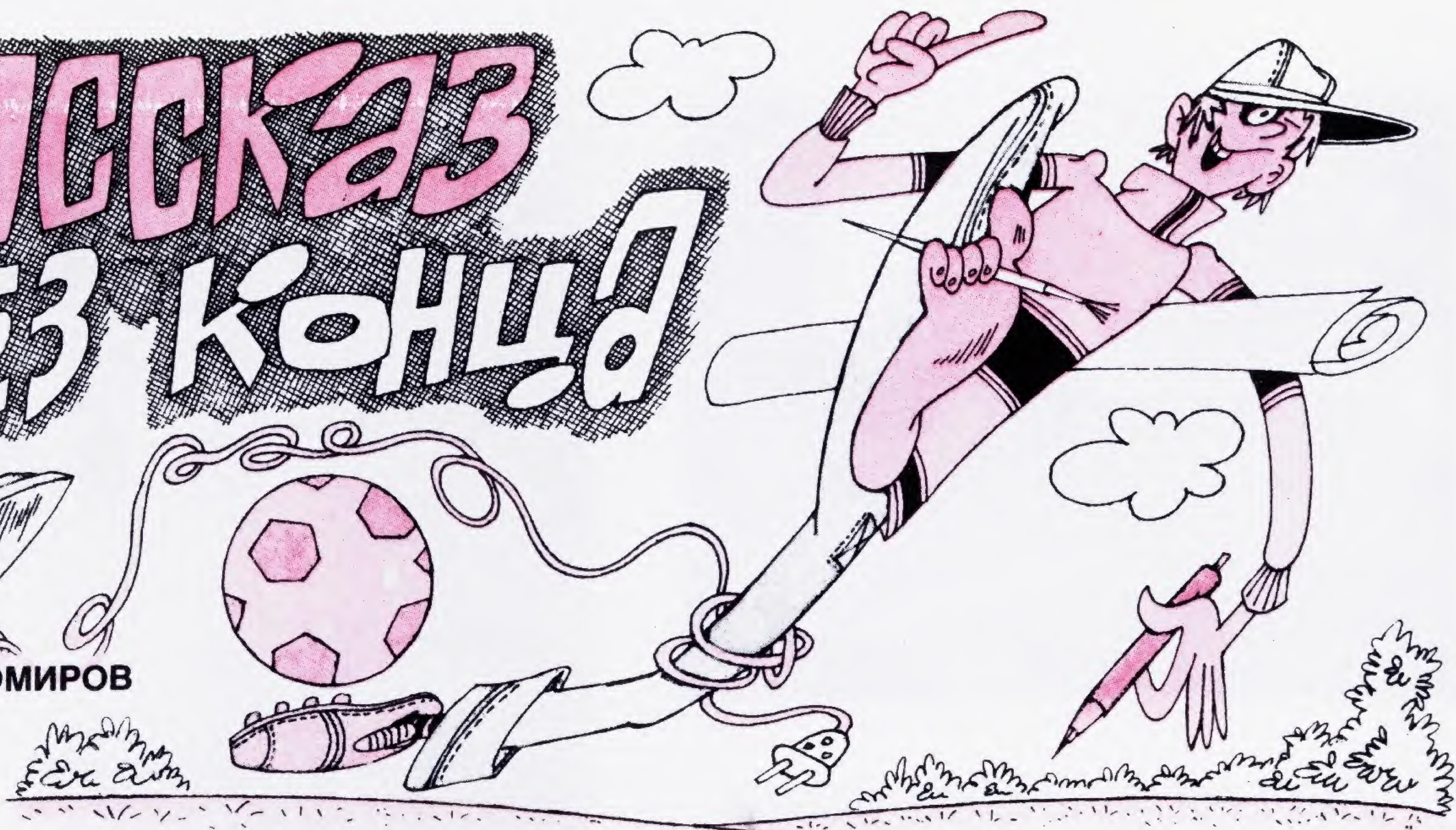

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 30.04.81.
Подписано к печати 20.05.81. А 05107. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 720 000 экз. Изд. № 1301. Заказ № 678.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

Рассказ без конца

Олег ТИХОМИРОВ

В нашем дворе он появился, когда мы играли в футбол. Он держал в руках блокнот и авторучку. Только я прорвался к воротам, как он схватил меня за локоть:

— Фамилия? Год рождения? Давно ли занимаешься спортом?

Момент был упущен: мяч у меня отобрали.

Я хотел дать этому типу по шее. Но он меня утешил:

— Не горюй. Успеешь забить. У тебя классные удары с хода.

— Да откуда ты взялся? — возмущался я.

— Женька Проегоркин, — представился он, — из литературного кружка. Хочу написать очерк «Лучший игрок дворовой команды». Не возражаешь?

Я скромно потупился.

— Но, может, кто и получше най...

— Не найдется, — перебил он меня. — Я все ухватываю сразу. Герой очерка ты и только ты.

В это время одного из наших игроков крепко «подковали», то есть сильно ударили по ноге, и он вынужден был покинуть поле.

— Я его заменю. — Женька бросил блокнот и ручку. — Матч продолжается!

Играл он паршиво. Больше путался под ногами. Но вот все же каким-то чудом мяч оказался и у него. Женька пробил по нему изо всех сил. Мяч перелетел через двухэтажный дом, который отделял наш двор от соседнего.

— Ничего, — успокоил нас Женька. — Я сбегаю. — И побежал к соседям.

Ждали мы минут десять. Потом терпение лопнуло. Мы пошли к соседям узнать, в чем дело.

Соседи играли в футбол. Женьки среди них не было.

— Эй, — сказали мы, — отдавайте наш мяч.

— А вы — нашу стенгазету.

— Какую?

— Которую ваш Женька унес.

Выяснилось, что соседи подготовили стенгазету. Но у них кончились краски, даже на заголовок не хватило. Тут как раз и заскочил во двор Женька. Он подобрал мяч, взглянул на газету, разостланную на столе, послушал, что говорят, и сказал:

— Чепуха! У меня в пятом доме есть знакомый художник. Давайте вашу газету. Он одной левой заголовок напишет. Поиграйте пока. — Женька кинул мяч, схватил газету и умчался.

Вместе с соседями мы долго искали в пятом доме художника. Наконец нашли.

— Вы ко мне? — спросил он. — Чем обязан?

— Нам нужен мяч, — сказали мы.

— У меня нет никакого мяча, — сообщил нам художник с некоторым раздражением.

— Мяч у них, — показали мы на соседей, — но они его не отдают, пока вы не вернете газету.

— Ничего не пойму, — сказал художник.

Пришлось объяснить ему все подробно.

— Так, — произнес он, совсем помрачнев. — А кто мне вернет утюг?

— Какой утюг?

Оказалось, художник гладил брюки, когда к нему ворвался Женька.

— Ваш утюг искрит, — сказал Женька, посмотрев, как художник водил туда-сюда утюгом. — Пока вы напишете заголовок, утюг будет отремонтирован. У нас в доме напротив живет мой одноклассник. Он чинит утюги за три минуты. Для него это раз плюнуть.

— Только, пожалуйста, поторопись, — попросил художник, — у меня мало времени.

Но Женька будто в воду канул.

— Разыскивайте своего приятеля, — заявил нам художник, — тогда получите газету.

Ребята поплелись к двери.

Я не стал искать Женьку, а, разозлившись, решил написать о нем рассказ, хотя и не состоял в литературном кружке.

Часа через два, когда я уже заканчивал рассказ, в коридоре зазвенел звонок.

Я открыл дверь — на пороге стоял Женька.

— Я к тебе прямо со стадиона, — выпалил он. — У нас футбольный матч — школа на школу. Один наш игрок заболел, а ты, говорят, классно гоняешь. Пошли. — И он потянул меня к выходу.

— Нет, — сказал я, — не могу. Я пишу рассказ. Вот почитай.

Он взглянул на странички и махнул рукой:

— Ерунда! Сам ходил когда-то в литературный кружок. Ты вот что, писатель, беги играть. А я допишу твой рассказ, да так, что закачаешься. — Женька подтолкнул меня к двери. — Желаю успеха.

И я побежал на стадион. Вот и все.

...Вы, конечно, понимаете, почему этот рассказ остался без конца.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Андерсенград

На берегу Балтийского моря, рядом с молодым городом Сосновый Бор вырос еще один город — сказочный. В память великого датского сказочника Ганса Христиана Андерсена его назвали Андерсенград.

В Андерсенграде все настоящее: и дозорные башни с курантами и винтовыми лестницами, и рыцарский зал, в котором есть лимонад и мороженое, и театр с площадью для турниров, и крепостная пушка, и, конечно, дорожные знаки и светофоры на перекрестках сказочных путей.

Н. ЗЫКОВ.

Фотографии автора.

ISSN 0130—8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.